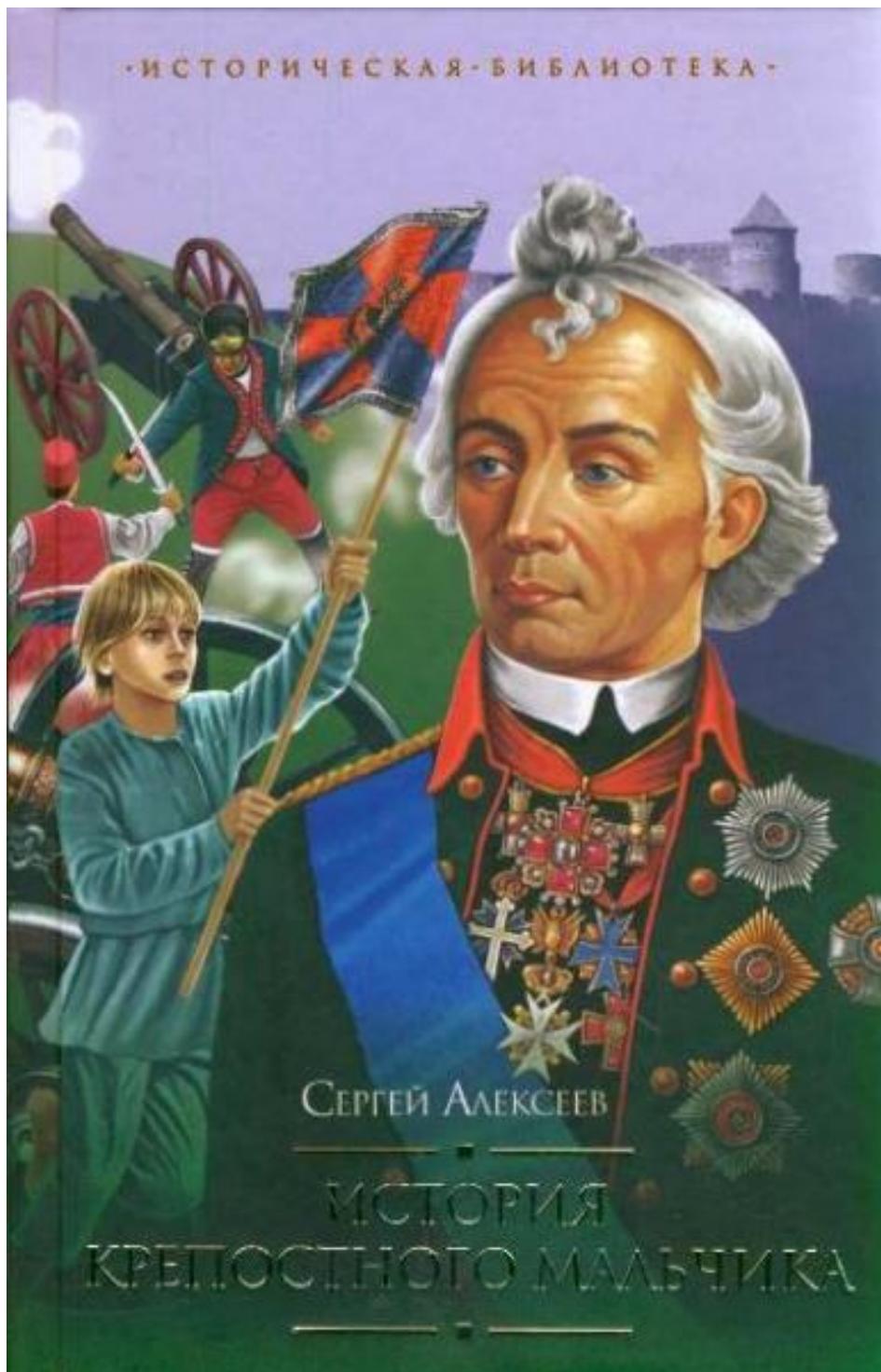

Сергей Алексеев

«История крепостного мальчика»

Мне часто задают вопрос: как я стал писателем?

В детстве мечтал о многих профессиях. Хотел быть сельским извозчиком, пожарником, геологом, моторостроителем, дипломатом. Но никак не думал, что начну писать книги для детей. Многое в жизни происходит случайно...

Родился я в 1922 году, на Украине, в семье сельского врача. Моя родина — это та часть Украины, которую называют Подолией. Это удивительный край, населенный прекрасными людьми, край, полный грозных исторических событий, примечательных легенд и преданий. Здесь пробуждали освободительные войны Богдана Хмельницкого. Соревновались благородство и боевая удаль украинских казаков, так чудесно воспетых в «Тарасе Бульбе» Гоголем. Здесь зародилось Южное общество декабристов и совершил свой героический поход в поисках «чудо-свободы» легендарный Черниговский полк. Через мое родное село промчались с оголенными шашками красные конники Семена Буденного, прорывая вражеский фронт, а затем прошли суровые битвы Великой Отечественной войны. В соседнем селе Борщаговке был казнен Кочубей — враг Мазепы, сторонник Петра и союза с Россией. В другом селе — Верховне, в имении польских магнатов Ганских провел самые счастливые годы своей жизни великий француз — писатель Оноре де Бальзак.

История. История. История. Она дышала с соседних полей и стала первой моей любовью.

Вторая любовь — авиация. Моя юность совпала с тем героическим временем, когда усилиями своих летчиков наша страна прорывалась в небо. Вот лишь некоторые имена отважных: Валерий Чкалов, Михаил Громов, совершившие перелеты через Северный полюс в Соединенные Штаты Америки; наши героини-летчицы Валентина Гризодубова и ее подруги, стремительно пронесшиеся через всю страну без посадки от Москвы до восточных берегов нашего государства. Полярные летчики, ставшие первыми Героями Советского Союза, спасшие знаменитых челюскинцев из ледового плена Северного студеного океана.

Тысячи моих сверстников хотели стать летчиками. Мечтал и я. Еще будучи школьником, научился летать, пусть и на маленьком, пусть по нынешним временам и на тихоходном, но настоящем самолете. Потом стал курсантом военно-авиационной школы пилотов. Вскоре началась Великая Отечественная война. Наша школа находилась недалеко от германской границы. В первый же день войны мы вступили в неравный бой с фашистами. Почти все наши самолеты и многие мои товарищи погибли. Начались тяжелые дни отступления. Я уцелел и от смерти, и от плена. Был

направлен в новое летное училище. Закончил его, стал летчиком-инструктором, то есть начал учить летному делу других.

Думал, что с авиацией будет связана вся моя дальнейшая жизнь. Но... Летная работа — не безопасное дело. Беда не обошла и меня. После тяжелой аварии последовал безжалостный приговор врачей: «К полетам не годен». С той поры прошло много лет. Но до сих пор, услышав гул самолета, я непременно поднимаю голову вверх. Секунда — и я уже там: парю в высоте. Кругом небо, простор. И бежит, бежит, пробегает внизу земля...

В гражданскую жизнь я вступил с дипломом историка. Будучи летчиком, заочно закончил исторический факультет педагогического института. В те годы в стране проводился конкурс на создание нового школьного учебника истории СССР для начальной школы. Я принял участие в этом конкурсе и вместе с профессором В. Г. Карцевым вышел победителем. Случайно учебник попал в руки к замечательному детскому писателю Сергею Михалкову, и он посоветовал мне написать книгу исторических рассказов для детей. Я попробовал. Книга получилась. Ее издали. Это была книга о царе Петре I «Небывалое бывает». Тут же я написал вторую книгу — «История крепостного мальчика». Ее тоже издали, и в том же году я был принят в члены Союза писателей. Так, не думая, не гадая, я и стал писать исторические книги для детей. Пишу уже многие годы. Книги издавались и переиздавались. Переводились на многие иностранные языки.

В ваших руках одна из таких книг. Называется она «Сто рассказов из русской истории». Книга начинается с рассказов о царе Иване IV Грозном. Это был один из выдающихся государей. При нем наша страна окрепла, расширилась. Стали строиться новые города. Архангельск, Самара, Курск, Воронеж, Саратов, Царицын (современный Волгоград) и многие другие были заложены именно при царе Иване IV. При нем появилась на Руси первая печатная книга. Была составлена первая географическая карта России, присоединилась к России Сибирь. Много и другого произошло в нашей стране в годы царствования Ивана IV. Был он человеком суровым, требовательным. Не зря назвали его Грозным. И еще одно: до царя, Ивана IV, правители России носили титул великих князей. Вступив на престол, великий князь Иван IV первым назвал себя царем. С него и пошли в России цари.

В XVII веке в России прокатилась волна народных восстаний. Волнения охватили Дон, почти всю Волгу. Восставшие пошли войной против тогдашних порядков. Во главе недовольных стоял решительный донской казак Степан Тимофеевич Разин. С большим трудом царским войскам удалось справиться

с непокорными. «Рассказы о Степане Разине, казаках и восставшем народе», которые составили вторую главу этой книги, и познакомят вас с теми неспокойными годами.

Огромную роль в истории нашей страны сыграла деятельность русского царя Петра Первого, названного Великим. О первых годах его царствования, о борьбе с врагами за выходы к берегам Балтийского моря, об основании города Санкт-Петербурга, о строительстве новых заводов и фабрик, о выходе первой русской газеты, о том, как учились на Руси в годы правления Петра Первого, и о многом другом вы прочтете в третьем разделе книги, который называется «Рассказы о царе Петре и его времени».

Одним из самых любимых героев русской истории был и остается наш великий полководец Александр Васильевич Суворов. Это он учил русских солдат побеждать «не числом, а умением». Говорил: «Храбрый всегда впереди, трусишку и позади убивают», «Сам погибай, а товарища выручай», «Чем меньше войска, тем больше храбрых». О том, как Суворов умел побеждать врагов, как штурмовал турецкую крепость Измаил, как в семьдесят лет совершил героический переход со своими солдатами через высокие Альпийские горы, а также о том, почему так любили Суворова солдаты и так боялись враги, вы узнаете из четвертой главы «Рассказы о Суворове и русских солдатах».

Тяжелое испытание на нашу родину выпало в 1812 году. На Россию обрушились войска французского императора Наполеона I. Враги шли завоевывать Москву. Началась Отечественная война 1812 года. Во главе русской армии был поставлен фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. «Приехал Кутузов бить французов», — говорили русские солдаты. Русские разгромили Наполеона, гнали неприятелей через всю Европу до самой французской границы и победителями вступили в столицу Франции город Париж («Рассказы об Отечественной войне 1812 года»).

Последний раздел книги называется «Рассказы о декабристах». Долгое время в России существовало крепостное право. Многие миллионы жителей нашей страны — крестьяне — принадлежали помещикам. Крепостных крестьян можно было купить, продать, обменять, запороть до смерти, В России нашлись люди, которые выступили против таких порядков. Они хотели уничтожить царскую власть в России и дать крестьянам свободу. Восстание против царя произошло в декабре 1825 года. Поэтому его участников стали называть декабристами. Однако силы были неравными. Царь разгромил восставших. Пятеро из них были казнены ...

... Многие отправлены в далекую Сибирь на каторгу. Через тридцать шесть лет после восстания декабристов крепостное право в России было отменено.

Дорогие ребята! Перед вами книга для тех, кто любит родную историю, кто гордится нашим великим прошлым, кто, став взрослым, и сам не пожалеет своих сил для создания на нашей древней земле богатого и справедливого государства.

Успехов вам и здоровья.

Сергей Алексеев

Подарок индийского царя

Индийский царь подарил русскому царю Ивану Васильевичу Грозному слона.

Слон был учен. Умел кланяться.

Везли слона долго и осторожно. Много опасностей подстерегало в пути. Поднимались в горы. Спускались в долины. Переправлялись через широкие реки.

День за днем. День за днем. Двигался караван. Шли проводники и погонщики. Шел слон.

Солнце всходило и заходило. Страшную жару сменяли холода. Чередовались то знойные, то леденящие ветры. С неба срывались грозы. Бушевали дожди и ливни.

День за днем. День за днем. Более года двигался караван. Шли проводники и погонщики. Шел слон.

Прибыл гигант в Москву.

Сбежался народ смотреть на заморскую невидаль. Поражались люди:

- Размером с боярский терем.
- Кишка вместо носа.
- Как опахало уши.

Наступил момент представить слона царю. Вышел царь Иван Васильевич Грозный. Поднял на слона тяжелые, свинцовые веки.

Предупрежден был царь, что слон учен — умеет кланяться.

Ждет государь поклона.

Но вдруг заупрямился слон.

То ли непривычно было ему на новом месте. То ли устал с дороги. Стоит слон, даже в сторону царя не смотрит.

Помрачнел царь. Нахмурился. Напряглись, сжалась, как клещи, руки. Понимают приближенные государя: собираются в царе недобрые силы.

Подбежал индус-погонщик. Что-то прокричал на своем языке слону.

Вместо поклона хлопнул ушами слон.

Вновь прокричал погонщик. Даже палкой упрямца кольнул под брюхо.

Не поклонился слон. Лишь свернулся в запятую хобот.

— У, животина! — кто-то бросил из царских слуг.

Стоит царь Иван Васильевич Грозный. Стоит перед ним упрямец. Зреет, зреет Иванов гнев.

Минута.

Минута.

Еще минута.

Не поклонился ученый слон.

Повернулся Иван Грозный к стражникам. Поднял свинцовые веки.

Подбежали к слону царские слуги, избили, иссекли при всех непокорного.

Успокоился грозный царь.

На троне

Рос Иван IV без отца, а затем и без матери. Умер великий князь Василий III — отец Ивана Грозного, когда Ивану было всего три года. Умерла мать — княгиня Елена Глинская, когда сыну исполнилось семь с половиной лет.

После смерти Василия III, в трехлетнем возрасте, Иван и был провозглашен великим князем Иваном IV.

Нерадостным оказалось Иваново детство. Не детскими. Другие ребята в кости, в горелки играют. Купаются в реке Неглинке, в Яузе, в Москве-реке. У великого князя Ивана IV — государственные дела.

Вот и сейчас. В Кремле, в каменных палатах идет посольский прием. Слева и справа полукругом стоят бояре. В центре на троне восседает мальчик — великий князь.

Вручают послы свои посольские грамоты. Произносят какие-то слова, обращаясь к князю.

Не интересны Ивану послы и их речи. Сидит он задумчивый. Взгляд отсутствующий. Мысли где-то далеко-далеко от этих каменных плит, от этих посольских камзолов и бородатых боярских лиц. Кажется, вот-вот — и Иван расплачется.

Но вдруг оживился великий князь: то прожужжала муха. Стал следить он за мухой. Села та на боярина Ивана Вельского. Запуталась в бороде.

Отогнал боярин муху. Вновь зажужжала она над посольскими и боярскими головами. Продолжает наблюдать за ней князь Иван, гадает, на кого теперь сядет муха: на боярина Воротынского, Оболенского, Мстиславского? Вот бы села на князя Ивана Шуйского.

Не любит великий князь Иван князя Ивана Шуйского. Шуйских несколько. Кроме Ивана, есть еще князь Василий Шуйский, есть еще князь Андрей Шуйский. Иван Шуйский сейчас из них по положению в государстве самый старший. Он же и самый из них противный.

Заметил Иван Шуйский, что великий князь сидит неспокойно, послов не слушает, все глазами по сторонам бегает. Глянул на великого князя искоса, строго.

Сжался Иван от этого взгляда. Сидит теперь смирно ...

...

Это было пожеланием богатства стране и успехов царю.

В этот момент и появился у Успенского собора Любимка Ноздря. Видит, у входа в собор толпа. Ускорил шаг. Подошел вплотную.

— Что там, любезные?

— Венчанье.

— Кого?

— Князя Ивана.

— На что?

— На царство.

— Как же сие понять?

— Государева власть крепчает.

Видит Любимка — выходит из храма великий князь.

— Царь, царь! — понеслись голоса.

Прошел царь — прямой, молодой, высокий.

Выждали люди момент, второй. Бросились к каменным плитам, к ступеням храма. Потянулись к монетам. Блестит на ступенях, на плитах золото.

Переливается. Досталась и Любимке золотая деньга.

Зажал он деньгу в ладони:

— Царская!

Был 1547 год. Начиналась в России новая пора. Стал великий князь Иван IV называться царем Иваном IV.

С него и пошли на Руси цари.

«Большой чертеж»

Двинул Акинф Дунайку:

— Вставай!

Потянулся на лавке Дунайка.

— Что?

— Вставай, вставай!

Поднялся Дунайка.

— Государь землю велел замерить, — зачастил вдруг Акинф, — и чертеж всему государству сделать.

— Ну и что?! — отозвался Дунайка.

Акинф и Дунайка — родные братья. Подневольные люди они, холопы. Дьяк Харитонов у них хозяин.

После походов на Казань, на Астрахань расширилось Русское государство. Действительно, царь Иван приказал измерить русские земли и все: границы, реки, озера, города — нанести на карту.

Создавались землемерные команды. Старшим одной из них и был назначен дьяк Харитонов. Решил он Акинфа и Дунайку взять с собой.

Отправилась команда на реку Каму. Широка, лесиста, угрюма Кама.

Разные люди в команде. Главные в ней — землемеры. Измеряют землю они, сверяют. На листах бумаги наносят что-то.

Акинф и Дунайка — в слугах, в помощниках: на веслах сидят — гребут, костры разжигают, кашу, похлебку варят, от своего хозяина и владыки дьяка Харитонова комаров и мошку отгоняют.

Многие землемерные команды отправил Иван Грозный тогда по Руси. Во многих городах и селах можно было услышать тогда слова:

— Государь землю велел измерить и чертеж всему государству сделать.

Ходили команды по Волге, по Оке, по Северной Двине, по Печоре, по другим русским рекам, другим местам. Ходили на юг — в низовья Дона, в прикаспийские земли. Дошли до Урала, зашли за Урал. Спускались до Черного моря, поднимались до Ледовитого океана.

И всюду:

— Государь землю велел измерить и чертеж всему государству сделать.

Появился чертеж — карта России.

Долго велась работа. Завершилась она уже после смерти царя Ивана.

Дожил до этого времени Акинф. А Дунайка не дожил. Случилась беда с Дунайкой. Попали они с Акинфом на Каме на быстрину. К тому же ветер сорвался. Перевернуло лодку.

Выплыл с трудом Акинф. Добрался до берега:

— Дунайка!

— Дунайка!

Тишина. Немота. Погиб в камской воде Дунайка.

Нелегко приходилось тогда землемерным командам. Погибали люди в лесах, погибали в Уральских горах. Зимой замерзали в пути, потеряв дорогу. Однако свою работу сделали землемеры.

880 рек было обозначено на карте, 400 городов. Много озер, деревень.

Много других примет.

«Большой чертеж» — была названа карта.

Глянешь на карту — велика, в плечах широка Россия.

Первопечатник Иван Федоров

— Пожар!

— Горит!

— Что горит?

— Друкарня Ивана Федорова.

Иван Федоров был первым русским печатным мастером. В 1564 году вместе со своими помощниками он напечатал первую русскую книгу.

А еще задолго до этого была встреча у Ивана Федорова с царем Иваном Грозным.

Знал уже царь Иван, что есть такой умелец — Иван Федоров. Доложили царю о том, что Иван Федоров строит печатный станок, изготавляет из металла буквы. Мол, на этом станке, с помощью этих металлических букв будет печатать книги.

Занимался государь. До Ивана Грозного печатных книг на Руси не было. Книги переписывались от руки и стоили очень дорого. Понял царь преимущество печатного дела. Вызвал Федорова к себе.

Долго и пристально смотрел он на умельца. Принес Федоров с собой готовую буквицу. Показывает царю. Рассматривает царь Иван. Любопытно.

Объясняет Федоров:

— Буква к букве — получается слово. Слово к слову — целая строка.

— Так, — кивает головой царь.

— Стока к строке — получается целая страница.

Потом Иван Федоров царю про печатный станок рассказал, объяснил, как работает. Показал пробный готовый оттиск. Дивился государь.

— Умное дело.

Решил Иван Грозный поручить Ивану Федорову построить первую русскую типографию. Горячо взялся печатник задело. Облюбовал место в Москве недалеко от Кремля. Нанял мастеров. Казалось, быстро пойдет работа ...

...

Это было пожеланием богатства стране и успехов царю.

В этот момент и появился у Успенского собора Любимка Ноздря. Видит, у входа в собор толпа. Ускорил шаг. Подошел вплотную.

— Что там, любезные?

— Венчанье.

— Кого?

— Князя Ивана.

— На что?

— На царство.

— Как же сие понять?

— Государева власть крепчает.

Видит Любимка — выходит из храма великий князь.

— Царь, царь! — понеслись голоса.

Прошел царь — прямой, молодой, высокий.

Выждали люди момент, второй. Бросились к каменным плитам, к ступеням храма. Потянулись к монетам. Блестит на ступенях, на плитах золото.

Переливается. Досталась и Любимке золотая деньга.

Зажал он деньгу в ладони:

— Царская!

Был 1547 год. Начиналась в России новая пора. Стал великий князь Иван IV называться царем Иваном IV.

С него и пошли на Руси цари.

«Большой чертеж»

Двинул Акинф Дунайку:

— Вставай!

Потянулся на лавке Дунайка.

— Что?

— Вставай, вставай!

Поднялся Дунайка.

— Государь землю велел замерить, — зачастил вдруг Акинф, — и чертеж всему государству сделать.

— Ну и что?! — отозвался Дунайка.

Акинф и Дунайка — родные братья. Подневольные люди они, холопы. Дьяк Харитонов у них хозяин.

После походов на Казань, на Астрахань расширилось Русское государство. Действительно, царь Иван приказал измерить русские земли и все: границы, реки, озера, города — нанести на карту.

Создавались землемерные команды. Старшим одной из них и был назначен дьяк Харитонов. Решил он Акинфа и Дунайку взять с собой.

Отправилась команда на реку Каму. Широка, лесиста, угрюма Кама.

Разные люди в команде. Главные в ней — землемеры. Измеряют землю они, сверяют. На листах бумаги наносят что-то.

Акинф и Дунайка — в слугах, в помощниках: на веслах сидят — гребут, костры разжигают, кашу, похлебку варят, от своего хозяина и владыки дьяка Харитонова комаров и мошку отгоняют.

Многие землемерные команды отправил Иван Грозный тогда по Руси. Во многих городах и селах можно было услышать тогда слова:

— Государь землю велел измерить и чертеж всему государству сделать.

Ходили команды по Волге, по Оке, по Северной Двине, по Печоре, по другим русским рекам, другим местам. Ходили на юг — в низовья Дона, в прикаспийские земли. Дошли до Урала, зашли за Урал. Спускались до Черного моря, поднимались до Ледовитого океана.

И всюду:

— Государь землю велел измерить и чертеж всему государству сделать.

Появился чертеж — карта России.

Долго велась работа. Завершилась она уже после смерти царя Ивана.

Дожил до этого времени Акинф. А Дунайка не дожил. Случилась беда с Дунайкой. Попали они с Акинфом на Каме на быстрину. К тому же ветер сорвался. Перевернуло лодку.

Выплыл с трудом Акинф. Добрался до берега:

— Дунайка!

— Дунайка!

Тишина. Немота. Погиб в камской воде Дунайка.

Нелегко приходилось тогда землемерным командам. Погибали люди в лесах, погибали в Уральских горах. Зимой замерзали в пути, потеряв дорогу. Однако свою работу сделали землемеры.

880 рек было обозначено на карте, 400 городов. Много озер, деревень. Много других примет.

«Большой чертеж» — была названа карта.

Глянешь на карту — велика, в плечах широка Россия.

Первопечатник Иван Федоров

— Пожар!

— Горит!

— Что горит?

— Друкарня Ивана Федорова.

Иван Федоров был первым русским печатным мастером. В 1564 году вместе со своими помощниками он напечатал первую русскую книгу.

А еще задолго до этого была встреча у Ивана Федорова с царем Иваном Грозным.

Знал уже царь Иван, что есть такой умелец — Иван Федоров. Доложили царю о том, что Иван Федоров строит печатный станок, изготавляет из металла буквы. Мол, на этом станке, с помощью этих металлических букв будет печатать книги.

Заинтересовался государь. До Ивана Грозного печатных книг на Руси не было. Книги переписывались от руки и стоили очень дорого. Понял царь преимущество печатного дела. Вызвал Федорова к себе.

Долго и пристально смотрел он на умельца. Принес Федоров с собой готовую буквицу. Показывает царю. Рассматривает царь Иван. Любопытно.

Объясняет Федоров:

- Буква к букве — получается слово. Слово к слову — целая строка.
- Так, — кивает головой царь.
- Стока к строке — получается целая страница.

Потом Иван Федоров царю про печатный станок рассказал, объяснил, как работает. Показал пробный готовый оттиск. Дивился государь.

— Умное дело.

Решил Иван Грозный поручить Ивану Федорову построить первую русскую типографию. Горячо взялся печатник задело. Облюбовал место в Москве недалеко от Кремля. Нанял мастеров. Казалось, быстро пойдет работа ...

... Но у нового дела нашлись враги. Они считали печатание книг занятием вредным.

— Небогоугодное это дело, — говорили они. — Противоестественное.

Стали они мешать Ивану Федорову. Прошло долгих десять лет, прежде чем типография была наконец построена.

В ней Иван Федоров и выпустил первую русскую печатную книгу.

Не успокоились враги книжного дела. Это по их наущению была подожжена типография, или, как тогда говорили, друкарня, Ивана Федорова.

Взметнулось рыжим облаком пламя.

- Горит!
- Горит!
- Что горит?
- Друкарня Ивана Федорова.

Погибла первая русская типография. Ивану Федорову даже пришлось бежать из Москвы — вначале в Литву, затем на Украину, в город Львов. Там он продолжал заниматься печатным делом. Там же и умер.

Сейчас в Москве неподалеку от того места, где находилась первая русская типография, возвышается памятник Ивану Федорову.

Краткая надпись на памятнике:

«Ивану Федорову — первопечатнику».

В каком городе ты живешь

Прославился Анисим Веков в делах строительных. Был он потомственным плотником.

При царе Иване IV в России стало закладываться много новых городов. Особенно быстро они возникали по берегам реки Волги.

Попал в эти места вместе с другими строителями и Анисим Веков. Стали возводить они город Самару.

Стучат топоры над Волгой. Любит работу Анисим Веков. Чудо, смотрите — чудо! Было пустое место — дом подымается. Улыбается плотник Веков. Весь он в движенье. Весь в нетерпенье. Посмотрите: глаза разгораются. Чудо, чудо — дом подымается. Строится, строится новый дом. Бежит работа, бежит и ладится.

Понравились под Самарой места Анисиму Векову. Особенно Волга. Бежит она с севера к югу, затем, не доходя до Самары, поворачивает резко на восток, потом так же резко на запад и дальше, словно спохватившись, снова идет на юг. Обегает в этих местах Волга горы. Называются они Жигули. Красивы, как сказка, стоят Жигули. Влюбился Анисим Веков в дивное место. Век бы здесь прожил.

Однако сложилось так, что недолго он пробыл в Самаре. Послали плотника закладывать новый город. Назвали его Саратовом. Это тоже на Волге. Намного южнее Самары.

Возводили Саратов на вышине, на правом, приподнятом берегу реки. Глянешь отсюда на левый берег. Дали, дали, за далями — дали. Заволжские степи бухарским ковром лежат.

Стучат топоры над Волгой. Любит работу Анисим Веков. Чудо, смотрите — чудо! Было пустое место — дом подымается. Улыбаются люди. Улыбается Веков. Весь он в движенье. Весь в нетерпенье. Посмотрите: глаза разгораются. Чудо, чудо — дом подымается. Строится, строится новый город. Бежит работа, бежит и ладится.

Понравились Анисиму Векову места под Саратовом. Век бы прожил в Саратове. Однако неспокойная жизнь у строительного люда. И вот уже на новом месте Анисим Веков.

Стучат топоры в Царицыне. (Это нынешний Волгоград.) Любит работу Анисим Веков. Чудо, смотрите — чудо. Было пустое место — дом подымается. Улыбаются люди. Улыбается Веков. Весь он в движенье, весь в нетерпенье. Посмотрите: глаза разгораются. Чудо, чудо — дом подымается. Строится, строится новый город. Бежит работа, бежит и ладится.

Хороши, привольны места царицынские. Царицын южнее еще Саратова. Волга здесь шире. Течение плавное. Солнце яркое, на тепло щедрое. Южная сторона. Вечно жил бы в Царицыне Веков. Да только снова в дорогу зовет судьба...

Дорогой читатель! Если ты родился, вырос или живешь в городе:

Архангельске,

Самаре,

Саратове,

Волгограде,

Сызрани,

Васильсурске,

Балыкове,

Уфе.

Если родился и вырос в:

Курске,

Воронеже,

Орле,

Липецке,

Белгороде,

Шацке,

Мценске,

Ельце,

Кричеве —

зной — твой родной город в числе тех, которые были основаны в XVI столетии, в годы правления царя Ивана IV Грозного.

«Коно, людно и оружно»

Скачут, мчатся во все концы России гонцы:

— Коно, людно и оружно!

— Коно, людно и оружно!

Были трудные дни для страны. Часто в те времена нападали на русские земли враги из Крыма. Вот и опять напали. Срочно собирали гонцы ратных людей в поход.

Кузьма Коков и Китай Хряков — дети боярские. Дети боярские — это вовсе не означает, что их родители бояре. Это просто одно из сословных званий той поры. По своему положению они, конечно, ниже князей и бояр. Но и дети боярские, как правило, богатые люди. И у них есть свои вотчины. И они большими земельными наделами владеют.

При царе Иване Грозном постоянная регулярная русская армия только-только зарождалась. Появились лишь первые отряды, которые стали потом называться стрелецкими. А воины этих отрядов — стрельцами ...

...

Большинство же людей призывалось в армию лишь на время войны. Вооружались и одевались воины не за счет государства, а на средства богатых людей, которым они принадлежали или от которых зависели. В случае войны такой богатый человек должен был явиться к месту назначенного сбора «коно, людно и оружно», то есть с уже вооруженными воинами. Все зависело от величины земельного участка, которым владел влиятельный человек — боярин, князь, или сын боярский, или просто дворянин, помещик.

Чем больше земельный надел у господина, тем и больше вооруженных людей он должен был поставить для армии.

Прибыли на сборный пункт со своими людьми и боярские дети Кузьма Коков и Китай Хряков. Точное число воинов привел с собой Коков. Даже пять лишних взял. А вот Хряков схитрил. Людей в его отряде в два раза меньше, чем надо было. Надул, обманул всех, выходит, Хряков.

Отважно сражались тогда воины. Вернулись домой с победой.

После победы царь Иван решил проверить, насколько точно, поставляя вооруженных людей для войска, выполняли богатые люди свои обязанности.

Дошла очередь до Кокова. Проверили Кокова. Молодец Коков. Даже привел пять лишних воинов.

Дошла очередь до Хрякова. Проверили Хрякова. Что такое? В два раза меньше, чем надо было, привел с собой людей Хряков.

Доложили царю Ивану Грозному про Хрякова, доложили про Кокова.

Порадовался царь, что есть на Руси такие люди, как Коков. Пришел в гнев, узнав, что попадаются и такие, как Хряков. Приказал Иван Грозный отнять земли у Хрякова, передать Кокову. А кроме того, снять с Хрякова нарядные одежды и «бить всенародно кнутом на торгу».

«Оскудневший службой», — сказал о нем Иван Грозный.

Довольны люди:

— Поделом Хрякову.

В любое время хитрец встречается. В любое время обман карается.

Копейка

Принес как-то Кизей Седло деньги. Новая деньга, ранее никем не виданная. Привыкли люди к другим монетам. Разные в те годы были они в обращении. Московские, новгородские. Форма у многих с нашими современными внешне несхожая — удлиненные, усеченные, а то и вида совсем непонятного. А эта круглая. На монете всадник изображен. Конь. Человек в доспехах. Копье в руке.

Объясняет Кизей — деньга новая, только что выпущенная. Будет она единой монетой теперь в стране.

Смотрят люди. Красиво выглядит всадник с копьем в руке. Кто-то сказал:

— Копейка.

Понравилось Кизею слово «копейка». Схватил он монету. Помчался дальше к соседям хвастать.

Прибежал к Емеле Немятыму:

— Копейка! Копейка!

Стал Немятый рассматривать деньгу. Монета круглая. Конь изображен на монете. Человек в доспехах верхом на коне. Копье в руке.

— Копейка! Копейка! — кричит Кизей. И объясняет: деньга, мол, новая. Чеканка умелая. Будет единой монетой теперь в стране.

Примчал Кизей к Истоме Рваному:

— Копейка! Копейка!

Стал Рваный рассматривать деньгу. Конь. Человек в доспехах. Копье в руке.

— Копейка! Копейка! — кричит Кизей. И опять про то, что деньги новая, что будет единой монетой теперь в стране.

Многие увидели в тот день новую монету.

— Копейка! Копейка! — кричал Кизей.

Смотрят люди — и верно, копейка. Вон же — у изображенного на ней всадника копье в руке.

Звучным оказалось слово «копейка». Закрепилось оно за новой монетой. Полетело гулять по городам и селам.

Несколько столетий с тех пор сменилось. Не раз за это время менялись названия монет и денег. Однако слово «копейка» сохранилось, пережило всех и до нас дошло.

Давно уже не стало на русских копейках ни коня, ни всадника, ни копья. Нет их и на нынешней копейке. А все же она — копейка.

Во времена Ивана IV вводилась не только единая денежная система. Не было до этого в России и общей меры. Ни метр, ни сантиметр тогда еще не существовали. Почти в каждом городе было свое определение длины. Не было и единого веса. Ни грамм, ни килограмм в ту пору еще не появились. Что ни город — то и тут вес особый, собственный.

Боролся Иван Грозный за наведение порядка по всей стране. Даже иностранцы о том писали. Мол, немало сделал московский царь. Вот и об этом: «По всей Русской земле теперь одна деньга, один вес, одна мера».

...Бежит от соседа к соседу Кизей Седло:

— Копейка! Копейка! Копейка!

Рассуждают жители:

— Один вес, одна мера, одна деньга. Видать, государство растет, крепчает.

«Кручинा»

В Посольском приказе начался переполох. Пропала одна из важных и срочных бумаг. К тому же не ответили на эту бумагу вовремя.

При Иване IV на Руси возникло много разных служебных ведомств и учреждений. Назывались они вначале «избами», а затем «приказами». Были Челобитенный приказ, Посольский приказ, Разрядный, Ямской, Разбойный, другие приказы.

Челобитенный приказ рассматривал просьбы и жалобы, поступающие на имя царя. Посольский занимался делами дипломатическими, иностранными. Разрядный — делами военными. Ямской — делами дорожными, службой связи ...

... Разбойный — следственными, судебными вопросами. Много дел и у других приказов.

Чиновников, которые работали в служебных ведомствах, называли «приказными людьми».

И вот — беда, переполох в Посольском приказе. Не ответили вовремя чиновники на важную бумагу. Да и бумага сама пропала. А тут сам государь ее вдруг потребовал.

Забегали приказные люди:

— Где бумага?

— Где бумага?

— Где бумага?!

Была. Все видели. И вот — нет.

Приказной человек Кирилл, к которому вначале попала бумага, кивает на Степана: мол, отдал Степану.

— Была. Как же — была, — не возражает Степан.

— Так где бумага?

— Отдал.

— Кому?

— Мефодию.

— Была, — подтверждает Мефодий.

— Так где бумага?

— Отдал.

— Кому?

— Кирьяну.

— Была, — не возражает Кирьян.

— Так где бумага?

— Отдал.

— Кому?

— Меркулу.

— Была, — подтверждает Меркул.

— Так где бумага?

— Отдал.

— Кому?

— Сысою.

С тем же вопросом о бумаге теперь к Сысою.

— Как же, была, была, — отвечает Сысой.

— Так где же бумага?

— Так я же отдал ее Кириллу.

Вот чудеса, получилось: все вернулось опять к первому, к Кириллу.

Начинается новый круг.

— Так где бумага?! — повторный вопрос к Кириллу.

— Отдал ее Степану.

Степан:

— Отдал ее Мефодию.

Мефодий:

— Отдал ее Кирьяну.

Кирьян:

— Отдал ее Меркулу.

Меркул:

— Отдал ее Сысою.

Сысой:

— У Кирилла она, у Кирилла.

Так и идет по кругу — от одного к другому. Словно белка бегает в колесе.

Потерялась, короче, важная бумага. С фонарем, с огнем не найти конца.

Ждет доклада царь Иван Грозный. Никак не найдут бумагу.

Недолюбливал Грозный приказных людей. Не всех, конечно, а лишь нерадивых и волокитчиков разных. Немало таких развелось в те годы среди чиновного люда. «Ленивая братия» — называл их царь. Оказались такие и здесь, в Посольском приказе. И хотя нашлась все же потом бумага, оказалось, где-то в пути в каком-то служебном столу застrella, приказал все же царь Иван Васильевич Грозный вызвать к себе нерадивых. Вот стоит перед ним приказная братия: Кирилл,

Степан,

Мефодий,

Кирьян,

Меркул,

Сысой

и вместе с ними еще Редедя. Это главный начальник «братии».

Знают виновные: будет им от царя «кручин», то есть суровое наказание.

Не жаловал волокитчиков грозный царь. Ковал в кандалы, сажал в тюрьмы, отправлял в ссылку. Вот и эти будут сейчас в ответе.

Глянул царь на посольских лихих молодцов. Выждал минуту:

— Всыпать плетей. На площади. Всеноадно. Всыпали им всеноадно плетей. Больше всех начальнику их — Редеде.

«Торговые мужики»

Расширились при Иване IV дела торговые. Поощряет коммерческих людей государь. Прок всем от них. Выгода. Стали при Иване Грозном набирать силы торговые связи с другими странами. Крепчает предприимчивый люд и внутри страны.

Новые в те годы густо пошли купцы из простых, из нижних людей — из крестьян и посадских жителей. Называли этих новых купцов «торговые мужики», или «торговые люди». Были они людьми деловыми, предприимчивыми. Немалая польза оказалась от них государству.

От года к году увеличивалась торговля рожью, солью, древесиной, мехами, рыбой.

Часто «торговые люди» сами же производили или добывали продукт и сами же его продавали. Пошли целые торговые фамилии — Прощалыгины, Савины, Кобелевы. Однако встречались среди них и нахрапистые.

«Торговый мужик» Дормидонт Кольцо стал богатеть от торговли солью. Начал с малого, с малого. Завел он на каком-то озере, недалеко от Галича, крохотную соляную варницу. С утра до позднего вечера с сыновьями на варнице возится. По три пота с них и с себя сгоняет.

Идут годы. Крепчает, крепчает, крепчает дело. Поднимается в гору Дормидонт Кольцо. Выбивается в люди. Нет уже в помине старой, крохотной варницы. Целыми соляными угодьями владеет теперь Кольцо. Не гнут уже ни он, ни его сыновья в три погибели на тяжелой работе спины. Наёмные люди трудятся на Дормидонтовых варницах.

Идут годы. Все больше набивает «торговый мужик» мошну. Скупил по всей округе другие варницы. По всему большому краю он главный теперь по соли. Он и цены диктует теперь на соль. Поступает хитро. Прижмет, припрячет запасы соли. Исчезла вдруг соль в продаже.

— Соли!

— Соли!

— Соли! — кричит округа.

Начинает Дормидонт Кольцо понемножку выбрасывать соль в продажу. Только берет теперь за нее втридорога. Что поделаешь — клянут его люди, но тащат деньги.

Богатеет, богатеет «торговый мужик» Дормидонт Кольцо ...

.... Богатеют Прощалыгины, Савины, Кобе левы. Богатеют другие.

Все шире идет торговля рожью, солью, овсом, смолой, древесиной, мехами, рыбой. Как сок березовый по весне, прет купец с небывалой силой. Торговое время. Дорогу — торговый мужик идет. Осторожней — любого в пути событ.

И в Италии, и в Испании

Во времена царя Ивана Грозного появилось много разных налогов и податей. В том числе и налог, который назывался полоняничные деньги.

Огромны границы у Русского государства. Проходят на востоке, на юге, на западе. Окружают Россию другие страны, другие народы. Не со всеми у России покой и мир.

По-разному оказывались русские люди на чужбине, за пределами Русского государства. В неудачном бою попадали воины в плен. В лихих набегах выкрадывали русских людей степные народы. Враги ходили на Русь походами и угнали вместе с собой мирных людей, как свою добычу.

Плененных и угнанных людей затем продавали в рабство в Турцию, в Персию, в другие страны.

Елизарка Большое Ухо был нерусским. Мордвин он. Из-под Саранска. Однако в плenу оказался как русский воин. В одном из боев, будучи ратником в русском войске, в плен угодил Елизарка.

Рослым он был, плечистым. Продали его гребцом на галеры. Приковали Елизарку цепями к лавке. Водит и водит он целые дни веслом.

Нет тяжелее труда, чем труд гребца на галерах. Солнце кострищем палит на небе. Пот ручьями бежит по телу. Машет и машет веслом Елизарка.

Ветер волком бежит по морю. Волны к небу горбами тянутся. Машет и машет веслом галерник.

Девять лет промучился Елизарка. Был в Италии и в Испании, был на Корсике и в Мавритании. Был на Сицилии и Сардинии, был в Португалии и Иларии. Только не видел он Италии и Испании. Не ходил по Корсике и Мавритании. Не дышал воздухом Сицилии и Сардинии, Португалии и Иларии. Сидел он в тюрьме галеры-крепости. Цепью к лавке навек прикован.

Вспоминает Елизарка Большое Ухо родные места: дом над рекой, речку Алатырь. Далекой все кажется сказкой.

Ходили как-то они на галере к знайной Африке. Попал к ним новый тогда галерник, цветом — черный, черный.

Поражался Елизарка Большое Ухо, что есть на белом свете вдруг люди черные.

— Подобен саже, темнее ночи.

Отвечают Елизарке:

— Бывают еще чернее.

Оказались рядом они на веслах. Подружились. Гребли, каждый на своем языке о чем-то своем шептались.

На десятый год плена попал Елизарка неожиданно на торговый корабль. С этим кораблем прибыл он в Черное море. А оттуда в устье реки Днепра. Тут и свалилось небесным даром на Елизарку счастье.

Объявили вдруг Елизарке, что выкупает из плена, из полона его Россия.

Опешил Елизарка:

— Как выкупает? На что?!

— На полоняничные деньги, — ответили Елизарке.

Много в России налогов разных. Ропщут люди. Однако не скучились они на полоняничные деньги. Исправно всегда вносили. Неспокойно пока на границах России. Понимали — беды, плен, полон может случиться с каждым.

И вот шагает домой Елизарка. Не один он. Набралось много таких, кто был выкуплен из разных заморских мест.

Разные люди идут из плена. Вот рослый, вот низкий. В летах, молодой. Одинокий, с детьми, с женою. Всех их возвращает на родину Родина.

Вот русский идет, вот чuvаш, вот татарин. Снова русский, опять чuvаш. Смотрит Елизарка: а вот свой из своих, такой же, как он, саранский мордвин шагает.

Переглянулись они с земляком саранским. Хорошо у них на душе.

Излюбленный голова

Был Фома Вскинь Рука простым промысловым человеком. Жил он на севере, на реке Пинеге. Рыбу ловил, имел бобровые гоны, уточные ловища, лавку в местном городе на посаде.

Был Фома простым человеком и вдруг стал излюбленным головой. Это должность такая. Выборная. Появились во времена царя Ивана здесь, на севере, такие должности. Излюбленный голова считался как бы старшим над тем местом, где жил. Следил он, чтобы люди вели себя мирно: не бралились, не ссорились, улаживал разные споры, решал вопросы о наказании провинившихся, отвечал за поимку разных лихих, разбойных людей, если объявлялись такие в округе.

И еще была одна важная обязанность у излюбленной головы — следить, чтобы люди не перепивались, чтобы по собственному почину придорожные корчмы не открывали, а главное, чтобы тайно не варили пиво. А если его варили, так только в канун праздников, на поминки, на крестины или на родины, то есть по случаю рождения ребенка. Да и то на такое варение надо было предварительно получить разрешение от излюбленной головы.

Довольны были жители своим головой. Распорядительный он человек, решительный. Крепко держит дело в своих руках.

Однако прошло какое-то время, стали замечать люди: тот голова и вроде уже не тот. Все под себя гребет Фома Вскинь Рука, все к себе тянет. Бобровые гоны свои незаконно расширил. Уточные ловища раздвинул. На посаде, помимо одной лавки, скрытно две новых еще открыл.

Ясно — злоупотреблял он своим положением.

А тут и еще одно: принюхались как-то люди — пахнет от Фомы пивом. Принюхались второй раз — снова пахнет ...

.. А потом уже и принюхиваться не надо было. За версту от него разит.

Загулял, не удержался в слабостях человек. Море стало ему по колено.

Ясно — ошиблись при своем выборе люди.

То ли кто-то донес в Москву о пинегском излюбленном голове, то ли молва сама за тысячу верст туда добежала. Только прибыли как-то из Москвы, из какого-то приказа, чиновные люди. Проверили, как ведет себя на Пинеге излюбленный голова.

Все подтвердились: бобровые гоны нечестным путем увеличил, утиные ловища расширил, в городском посаде две новые лавки скрытно держит. А главное: нарушая все спиртные правила и законы, пиво и пьет, и варит.

Скорым был суд у приказных людей.

Приказали они Фоме сварить сорок ведер пива.

Не понимает Фома, в чем дело. Сварил.

Приказали наполнить пивом огромную бочку.

Не понимает Фома, в чем дело. Наполнил.

— Раздевайся! — сказали Фоме.

Разделся Фома. Схватили его приказные люди и утопили в пиве. Жил человек. И нет человека. Жестокое время. Суровый век.

Взятка

Попала к царю Ивану жалоба. Писал ее горожанин Никита Ветка. Жаловался на городские власти, а точнее, на дьяка Разбойного приказа Мелентия Никуду. Разбойный приказ ведал делами судебными.

Писал Никита Ветка, что засудил понапрасну Мелентий Никуда его брата Ермилку Ветку. И теперь Ермилка безвинно в остроге мается.

А дело в том, что кто-то у кого-то увел быка. Похититель нашелся. Быть бы в суровом ему ответе. Однако родные оказались у него богатыми. Подкупили они судью Мелентия Никуду. Дали большую взятку.

Оправдал Никуда похитителя. Виновным объявил Ермилку Ветку.

«А Ермилка вовсе тут ни при чем. Не уводил он того быка», — писал о брате Никита Ветка. И дальше о том, что он — его брат Ермилка Ветка — в Москве в ту пору и вовсе не был.

А ходил он за сто с лишним верст от Москвы в Иосифо-Волоколамский монастырь поклониться святым иконам. И есть, мол, тому свидетели.

«Рассуди, государь, — просил Никита Ветка. — Тот дьяк из Разбойного приказа Мелентий Никуда, раз он взятки берет, выходит, и сам разбойник».

— Дознаться, — приказал Иван Грозный, ознакомившись с жалобой.

Устроили царские приближенные сыск. Все подтвердились.

Не виновен Ермилка Ветка. Не уводил быка. Откупился виновник истинный. Принял дьяк Мелентий Никуда взятку.

Привели Мелентия Никуду к Грозному.

Пытался было он оправдаться:

— Взятка! Какая взятка?!

Тогда крикнул Грозный пыточных мастеров. Бухнулся взяточник в ноги царю, во всем признался:

— Бес попутал. Бес попутал.

— Разбойник! — кричал Иван Грозный. Руки тряслись. Борода дергалась. — Лихоимец!

Грозный царь Иван Грозный. Приказал он со взяточника кожу содрать с живого.

Кое-кто заступиться пытался было за Никуду. Мол, и дороден, и сановит. И дело неплохо знает. Да и взятка невелика.

Непреклонен был государь:

— Цыц! Разве дело в том: велика, мала. Разбойное время. Разбойное семя.

Повторил он суровый приказ.

Бросили Мелентия Никуду на плаху. Содрали с живого кожу.

Рука к руке тянется

В мае 1553 года три английских корабля покинули родину и вышли в открытое море. Капитаном одного из судов был Ричард Ченслер.

Далекий путь предстоял английским мореплавателям. Двинулись они северными морями на восток. Надувает упругие паруса суровый северный ветер. Плынут корабли в неведанные места, в незнакомые земли.

Неудачно сложился путь кораблей. Во время одной из бурь их разнесло в разные стороны. Не смог капитан Ричард Ченслер найти других. Стал продвигаться вперед один. Продолжали идти на восток и два других корабля. Шли они до глубокой осени. А когда начались морозы, причалили к пустынному берегу и здесь зазимовали. Трагически закончилась зимовка английских моряков. От лютой стужи все они погибли, замерзли.

А Ричард Ченслер уцелел. Пришел он со своим кораблем в Русские земли, в Белое море, в устье реки Северной Двины.

Отсюда Ченслер санным путем решил ехать в Москву.

Узнал царь Иван о приходе английских моряков в устье Северной Двины, обрадовался, послал навстречу своего гонца.

Встретил гонец Ченслера на полпути, поклонился, поприветствовал, передал ему царское приглашение быть гостем России.

Не растерялся Ченслер, назвал себя «королевским послом».

Радушно приняли Ченслера в Москве. Большое значение придавал царь приезду англичанина.

Не было тогда у России ни на западе, ни на юге выходов к морю. И вот, оказывается, через север можно было морским путем сообщаться с другими странами. Понимал царь: если приплыл Ченслер, значит, могут приплыть и другие. Могут и русские моряки отправляться в далекие путешествия.

Обещал Иван Грозный покровительство английским морякам и английским купцам. С наступлением весны отпустил он Ченслера домой ...

... Вернулся тот в Англию. А через год снова приехал в Россию.

Теперь уже не придумывал он себе звание королевского посла.

Действительным послом английского короля ехал Ченслер к царю Ивану.

Приехали с ним и представители английского купечества. Говорили с царем о делах торговых. Сдержал царь Иван Грозный свое слово, подтвердил привилегии для английских купцов.

Теперь, в свою очередь, в Англию направился царский посол. Был им Осип Непея.

Вместе с Непеей возвращался на родину и Ченслер. Однако в море, когда послы были уже у берегов самой Англии, разыгралась страшная буря. Ченслер погиб. А Осип Непея оказался везучим — спасся. Добрался он до Лондона. Дружески встретили его англичане. С большим почетом он был принят английским королем и королевой. В ответ на русские льготы получил Осип Непея от англичан привилегии в делах торговых и для русских купцов.

Радовался царь Иван:

— Рука к руке тянется. Узел на дружбу вяжется.

Толмачи

Произошла эта история во время войны со Швецией. Приезжали как-то в Москву к царю Ивану Грозному от шведского короля послы. Были при послах два толмача. Так назывались в те времена люди, знающие иностранные языки и переводившие разговорную речь.

Вернулись послы в Швецию. А толмачей нет. Король к послам:

- Где толмачи?
- Остались в России.
- Как остались?!
- Русский царь задержал. Не отпустил.

Разгневался шведский король.

- Как! Почему?!

Посыпает он гонца с сердитым письмом к царю Ивану. В письме вопрос: «Почему задержали шведских толмачей в России?» Требует король немедленно отпустить их домой на родину.

Получил шведский король ответ от Ивана Грозного.

«Нужны мне твои толмачи, потому и задержал, — писал царь. А ниже: — Польза и тебе от того, что они в России».

Задумался шведский король. Что за загадки в ответе царя Ивана? Да и живы ли вообще толмачи? Вновь посыпает гонца в Россию.

«Живы, — приходит ответ, — живы!»

Сами же толмачи написали этот ответ. А ниже: «Русских детей шведскому языку обучаем».

Действительно, жили они в Москве и обучали шведскому языку русских детей.

Для этого и задержал их царь Иван в России. Говорил им часто:

- К новым местам пробиваемся. Нужно и нашим знать языки чужие.

Прошел год. Вызвал царь толмачей:

- Обучили?
- Обучили.

Вызвал детей:

- Научились?
- Научились.

Приказал царь Иван проверить.

Действительно, хорошо овладели дети шведским языком.

Наградил Иван Грозный щедро учителей и отпустил на родину.

Шведскому же королю написал:

«Как замиримся, приезжай. Лишних персон не бери. Теперь у нас собственные толмачи есть».

Живучее слово

Разные, необычные были в тот век имена. Многих сейчас не встретишь: Иберя, Суря, Субота, Харя, Луня, Оноша, Ворох, Калкей, Шестак, Четвертак, Ушак...

Где-то в верхневолжском сельце проживал мужичонка по имени Разгильдяй.

Мужик как мужик. Человек как человек — руки, ноги, шея, голова на шее. Все, казалось, при Разгильдяе есть. И все же...

Собрались как-то крестьяне ехать зимой за дровами в лес. Коней в сани уже запрягли. Все собрались. Разгильдяя нет.

— Разгильдяй! Разгильдяй!

Спит Разгильдяй.

Разбудили.

Явился.

— Ну, поехали.

Но тут:

— Стой!

— В чем дело?

Оказывается, топор забыл Разгильдяй. Сбегал за топором.

Явился.

— Ну, поехали!

И снова:

— Стой!

— В чем дело?

Оказалось, пилу забыл Разгильдяй.

Сбегал за пилой.

Явился.

— Ну, поехали.

Но тут опять:

— Стой!

— Так в чем же дело?

Оказывается, торбу с едой на дорогу забыл Разгильдяй.

Целый час из-за Разгильдяя напрасно тогда потратили.

Или вот еще случай. Решили крестьяне починить подгнивший мост через речку. Снова ждали почти час Разгильдяя. Снова в три горла ему кричали.

Явился наконец Разгильдяй. Приступил к работе. Раз топором ударил. Два топором ударил.

Нет топора.

— Где же топор?

Утопил по неосторожности Разгильдяй топор.

Взялся теперь за пилу. Раз потянул. Два потянул.

Нет пилы.

— Где же пила?

Утопил Разгильдяй пилу.

Потом унесло водой у него бревно. Потом унесло багор. Потом унесло и его самого, Разгильдяя. Еле его спасли.

И так всегда.

И так во всем.

И так по любому случаю.

Намучились крестьяне с односельчанином. Уже и по-хорошему к нему.

Ласково называют: Разгильдяюшка, Разгильдедюшечка, Разгильдедейчик, Разгильдедешечка. Не помогает. Сплюнули крестьяне с досады, вернулись к старому:

— Разгильдяй!

Побывали как-то в верхневолжском селе мужики из села верхнедвинского ...

.... Узнали они про Разгильдяя.

— Э, да и у нас есть такой. Только имя его Окул.

Вернулись крестьяне к себе на Двину. Понравилось имя им Разгильдяй.

Слово звонкое, запоминающееся. Стали они теперь своего Окула называть Разгильдяем.

Побывали как-то в верхнедвинском селе мужики из села верхнеднепровского. Узнали они про Разгильдяя.

— Э, да и у нас есть такой. Только имя его Поздей.

Вернулись к себе на Днепр. Понравилось и им имя Разгильдяй. Стал Разгильдяем теперь Поздей.

Шли годы. Менялись на Руси имена и фамилии. Рождались новые, забывались старые. Многих нет теперь и в помине. Нет и имени «Разгильдяй». Имени нет, слово осталось. Вот и в наше время часто его услышишь:

— Разгильдяй!

Оказалось живучим слово.

Сокольники

Хороши, хороши Сокольники. Лыжи бери — поспешай в Сокольники. Поезжай на прогулку, на встречу с друзьями. Выставку международную посмотри. Поброди по аллеям чудесного парка. Полюбуйся на сосны, березы, ели. Целебным воздухом подыши.

Садись в метро — поезжай в Сокольники.

Давно уже Сокольники находятся почти что в центре самой Москвы. В годы Ивана Грозного был здесь далекий дремучий лес.

Раздолье здесь было лесному жителю. Важно ходили лоси. Кабаны, как князья, ступали. Лисы-плутовки целыми стаями бегали. Заячья уши чуть ли не за каждым кустом торчали.

А птицы. Сколько здесь было птицы лесной. В дни своих птичьих свадеб на токах, на полянах тетерева в бесконечных танцах топтались. Пели песни сердечные длиннобородые глухари.

Любил царь Иван охоты всякие. С собаками, с загонами, с рогатинами — на медведя.

Торжественно обставлялась в те дни охота. Отправлялся в путь целый царский охотничий поезд. С князьями, с боярами.

Рвутся собаки. Подрагивают в нетерпении кони. Псари и ловчие — наготове, словно солдаты в преддверии боя.

Приготовились. И вот сейчас все устремятся туда — на поля, в леса. Охота царская начинается!

Любил Иван Грозный охоты всякие. Однако больше всего с соколами.

Едет Иван Грозный верхом на коне. Сокол сидит у него на руке. Грозно поводит глазами по лесу Грозный. Грозно поводит глазами по лесу сокол.

Все спокойно. Все тихо. Но вот...

Метнулся из-под кустов заяц. Бежит поляной. Бежит, петляет. Сорвался сокол. Ядром из пушки. Стрелой из лука. Бедняга заяц. Крик очумелый. Призыв прощальный. В когтях добыча.

Взлетела с ели лесная птица. Пружиной — сокол. Вдогон, как пуля. Как взмах кинжалом. Как шайба в спорте. Качнулась птица в бездонном небе. Торжествует молча победу сокол. Несут добычу к ногам царевым.

В честь царских соколиных охотничьих забав заповедный лес под Москвой был назван Сокольниками.

Так и пошло. Так и до нас дошло.

Шахматы

Илейка Худой научился играть в шахматы. Это Дол мат Воронов о шахматах ему рассказал. Долмат, как и Илейка, московский мальчишка. Только он старше Илейки. Долмату двенадцать лет.

Началось все с того, что Долмат научил Илейку играть в шашки. Понравилась очень игра И лейке. Особенно если пешкой пролезешь в дамки. Особенно если у противника на доске получился фук.

И вот теперь Долмат принес шахматы. Показывает он фигуры И лейке.

— Король, — объясняет Долмат. — По-нашему значит — царь.

Взял Илейка фигурку в руки. Царь! Держать боязно.

— Королева, — продолжает Долмат. — По-нашему значит — царица.

Рассказал про туру, про другие фигуры. Особенно конь по душе Илейке. И правда, что конь. В любую сторону по доске, пожелаешь — скакет ...

...

Стали они играть. Обхватил Илейка руками голову. Думает.

— Думай, думай, — наставляет Долмат. — Игра непростая. Мозговая, ученая.

Потом помолчал, и вдруг:

— Только про игру никому ни слова!

Оказалось, что шахматы — игра запрещенная, недозволенная. Не разрешалось в те годы на Руси играть в шахматы. Даже в Стоглаве, в своде законов того времени, об этом было записано. Больше других церковь и церковники были против шахмат.

Убедился вскоре в этом Илейка.

Как-то попался он на глаза местному попу. Взял его поп за ухо.

— Играешь в шахматы?

— Нет, — тут же соврал Илейка.

— Брешешь. По лицу вижу, неправду говоришь, — сказал поп. И так крутанул Илейку за ухо, что мальчик решил — оторвалось ухо.

После этого завел поп свое поповское:

— Проклятье будет на этом свете.

— Проклятье будет в загробном мире.

— В котел тебя черти бросят.

— Будешь гореть, аки хворост, в пламени адовоm.

Нагнал он на Илейку страха. Полгода тот боялся касаться шахмат.

А потом снова как-то с Долматом сыграли они партию. А потом и еще, и еще.

Только тайно теперь играли. Хоронились ото всех. В подвал прятались, в погреба забивались, даже в колодец глубокий однажды лазили.

Нравится Долмату и Илейке играть в шахматы. Игра мозговая, умная.

Вскрылись все же их тайные игры. Было им наказание. Били Илейку и Долмата палками по голым пяткам.

Привлекли к ответу и отцов. И этих били. Секли розгами. На торговой площади. Всеноародно. Правда, сами отцы в шахматы не играли. Секли их за плохое воспитание сыновей.

Хоть и не разрешалось в то время играть в шахматы, как тогда говорилось, «бесчинствовать» шахматами, однако находилось все больше и больше людей, которые нарушали этот запрет. Все более популярной становилась шахматная игра в России. И знатные люди, и горожане, и крестьяне играли в шахматы.

Даже сам царь Иван Грозный и тот играл.

Всадник

Отряд верховых ехал крестьянским полем. Поднялись они на пригород. Смотрят всадники — что за диво! Мужик пашет землю. Только не конь у него в сохе. Впряглись вместо лошади трое: крестьянская жена, мать-старуха да сын-малолеток.

Потянут люди соху, потянут, остановятся и снова за труд.

Подъехали конные к пахарю.

Главный из них глянул суровым взглядом:

— Ты что же, твоя душа, людышек заместо скотины!

Смотрит крестьянин — перед ним человек огромного роста. Шапка с красным верхом на голове. Зеленые сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный каftан. Под каftаном цветная рубаха. Нагайка в руках крученая.

«Видать, боярин, а может, и сам воевода», — соображает мужик. Повалился он знатному барину в ноги, растянулся на борозде.

— Сироты, сироты мы. Нету коня. Увели за долги кормильца.

Лицо всадника перекосилось. Слез он на землю. Повернулся к крестьянину.

Мужик попятился, вскочил — и бежать с испуга.

— Да стой ты, леший, стой ты! Куда?! — раздался насмешливый голос.

Мужик несмело вернулся назад.

— На, забирай коня, — протянул человек мужику поводья.

Опесил крестьянин. Застыла жена и старуха мать. Раскрылся рот у малого сына. Смотрят. Не верят такому чуду.

Конь статный, высокий. Масти сизой, весь в яблоках. Княжеский конь.

«Шутит барин», — решает мужик. Стоит. Не шелохнется.

— Бери же. Смотри, передумаю! — пригрозил человек. И пошел себе полем.

Верховые ринулись вслед. Лишь один молодой на минуту замешкался: обронил он случайно кисет с табаком.

— Всевышний, всевышний послал! — зашептал обалдело крестьянин.

Повернулся мужик к коню. И вдруг испугался: да не колдовство ли все это? Потянулся он к лошади. Конь и дернул его копытом. Схватился мужик за побитое место.

— Настоящий! — взвыл от великого счастья. — Кто вы, откуда?! — бросился мужик к молодому парню.

— Люди залетные. Соколы вольные. Ветры весенние, — загадочно подмигнул молодец.

— Да за кого мне молиться? Кто же тот, в шапке, такой?!

— Разин. Степан Тимофеевич Разин! — уже с ходу прокричал верховой.

Стрелецкие струги

— Разин, Разин идет!

— Степан Тимофеевич!

1670 год. Неспокойно в государстве Российском. В огромной тревоге бояре и царские слуги ...

.. Восстал, встрепенулся подневольный, угнетаемый люд. Крестьяне, казаки, башкирцы, татары, мордва. Сотни их, великие тысячи.

Ведет крестьянское войско лихой атаман донской казак Степан Тимофеевич Разин.

— Слава Разину, слава!

Восставшие подступили к Царицыну. Остановились чуть выше города, на крутом берегу Волги. Устроили лагерь.

— Нам бы, не мешкая, Царицын брать, — пошли среди казаков разговоры.

Вечером в темноте явились к Разину горожане:

— Приходи, батюшка, властвуй. Ждут людишки тебя в Царицыне. Стрельцов немного, да и те не помеха. Откроем тебе ворота.

— Бери, бери, атаман, Царицын, — наседают советчики. Однако Разин не торопился. Знал он, что сверху по Волге движется на стругах к Царицыну большое стрелецкое войско.

У стрельцов пушки, мушкеты, пищали, пороху хоть отбавляй. Стрельцы ратному делу обучены. Ведет их знатный командир голова Лопатин. «Как же с меньшими силами побить нам такую рать? — думает Разин. — В городе тут не склонишься. Разве что дальше продержишься. А нам бы под корень. В полный казацкий взмах».

Все ближе и ближе подплывает Лопатин к Царицыну.

— Бери, атаман, твердыню! — кричат казаки.

Не торопится, мешкает Разин.

Каждый день посыпает Лопатин вперед лазутчиков. Доносят они начальнику, как ведут себя казаки.

— Стоят на кручах. Город не трогают.

«Дурни, — посмеивается голова Лопатин. — Нет среди них доброго командира».

— Батюшка, батька, отец, Царицын бери, — умоляют восставшие своего атамана.

Молчит, словно не слышит призывов Разин.

Тем делом лопатинский караван поравнялся с казацкими кручами.

Открылась оттуда стрельба.

«Стреляйте, стреляйте, — язвит Лопатин. — То-то важно, кто победное стрельнет».

Держится он подальше от опасного берега. Вот и Царицын вдали. Вот уже рядом. Вот и пушка салют-привет ударила с крепости.

Доволен Лопатин. Потирает руки.

И вдруг... Что такое?! С царицынских стен посыпались ядра. Одно, второе, десятое. Летят они в царские струги. Наклоняются, тонут струги, как бумажные корабли.

На высокой городской стене кто-то заметил широкоплечего казака в атаманском кафтане.

— Разин, Разин в Царицыне!

— Разбойники в городе!

— Стой, повертай назад!

Но в это время, как по команде, и с левого и с правого берега Волги устремились к каравану челны с казаками. Словно пчелы на мед, полезли разинцы на стрелецкие струги.

— Бей их! Круши!

— Голову руби голове!

Сдались стрелецкие струги.

— Хитер, хитер атаман! — восхищались после победы восставшие. — Ты смотри — обманул голову. До последней минуты не брал Царицына.

— У головы — голова, у Разина — две, — долго шутили разинцы.

Не осудит

Боярин Труба-Нащекин истязал своего крепостного. Скрутили несчастному руки и ноги, привязали вожжами к лавке. Стоит рядом боярин с кнутом в руке, бьет по оголенной спине крестьянина.

— Так тебе, так тебе, племя сермяжное. Получай отменя, холоп. Научу тебя шапку снимать перед барином.

Ударит Труба-Нащекин кнутом, поведет ремень на себя, чтобы кожу вспороть до крови. Отдышился, брызнет соленой водой на рану. И снова за кнут.

— Батюшка Ливонтий Минаич, — молит мужик, — Пожалей. Не губи. Не было злого умысла. Не видел тебя при встрече.

Не слушает боярин мольбы и стонов, продолжает страшное дело.

Теряет крестьянин последние силы. Собрался он с духом и молвил:

— Ужо тебе, барин! Вот Разин придет...

И вдруг...

— Разин, Разин идет! — разнеслось по боярскому дому.

Перекосилось у Трубы-Нащекина лицо от испуга. Бросил он кнут. Оставил крестьянина. Подхватил полы кафтана, в дверь — и бежать.

Ворвались разинские казаки в боярскую вотчину, перебили боярских слуг. Однако сам хозяин куда-то скрылся.

Собрал Разин крестьян на открытом месте. Объявил им волю. Затем предложил избрать старшину над крестьянами.

— Косого Гурьяна! Гурку, Гурку! — закричали собравшиеся. — Он самый умный. Он справедливее всех.

— Гурку так Гурку, — произнес Разин. — Где он? Выходи-ка сюда.

— Дома он, дома. Его боярин люто побил.

Оставил Разин кнут, пошел к дому Косого Гурьяна. Вошел. Лежит на лавке побитый страдальц. Лежит, не шевелится. Спина приоткрыта. Не спина — кровавое месиво.

— Гурьян, — позвал атаман крестьянина.

Шевельнулся тот. Чуть приоткрыл глаза.

— Дождались. Пришел, — прошептал несчастный. На лице у него появилась улыбка ...

... Появилась и тут же исчезла. Умер Гурьян.

Вернулся Разин к казацко-крестьянскому кругу.

— Где боярин?! — взревел.

— Не нашли, отец-атаман.

— Где боярин?! — словно не слыша ответа, повторил Степан Тимофеевич.

Казаки бросились снова на поиск. Вскоре боярин нашелся. Забился он в печку, в парильне, в баньке. Там и сидел. Притащили Трубу-Нащекина к Разину.

— Вздернуть, вздернуть его! — понеслись голоса.

— Тащи на березу, — скомандовал Разин.

— Пожалей! Не губи! — взмолился Труба-Нащекин. — Пожалей, — заплакал он тонким, пронзительным, бабьим криком.

Разин зло усмехнулся.

— Кончай, атаман, кончай. Не тяни, — зашумели крестьяне.

И вдруг подошла девочка. Маленькая-маленькая. Посмотрела она на Разина:

— Пожалей его, дяденька.

Притихли крестьяне. Смотрят на девочку. Откуда такая?

— Может, безбожное дело затеяли? — вдруг вымолвил кто-то. — К добру ли, если несмысленыш-дите осуждает.

Все выжидавшие уставились на атамана. Глянул Разин на девочку, посмотрел на мужиков, потом вдаль, на высокое небо.

— Вырастет — поймет, не осудит. Вешай! — прикрикнул на казаков.

«Спаси-и-те!»

Разин сидел на берегу Волги. Ночь. Оперся Разин на саблю, задумался:

«Куда повернуть походом? То ли на юг — вниз по матушке-Волге, к Астрахани, к Каспийскому морю. То ли идти на север — на Саратов, Самару, Казань, а там — и Москву.

Москва, Москва. Город всем городам. Вот бы куда податься. Прийти, разогнать бояр. Да рано. Силы пока не те. Пушек, пороху маловато, мушкетов. Мужики к войне не привычны. Одежонка у многих рвань.

— Стало, идти на юг, — рассуждает Степан Тимофеевич. — Откормиться. Одеться. Войско отладить. А там... — У Разина дух захватило, — а там — всю боярскую Русь по хребту да за горло».

Сидит атаман у берега Волги, думает думы свои. Вдруг раздался крик на реке. Вначале тихий — Разин решил, что услышался. Потом все громче и громче:

— Спаси-и-те!

Темень кругом. Чернота. Ничего не видно. Но ясно, что кто-то тонет, кто-то бьется на быстрине.

Рванулся Разин к реке. Как был в одежонке, так и бухнулся в воду.

Плывет атаман на голос. Взмах, еще взмах.

— Кто там — держись!

Никто не ответил.

«Опоздал, опоздал, — сокрушается Разин. — Погиб ни за что человек». Проплыл еще с десяток саженей. Решил возвращаться назад. Да только в это самое время метнулась перед ним косматая борода и дернулись чьи-то руки.

— Спаси-и-те! — прохрипел бородач. И сразу опять под воду.

«Эн, теперь не уйдешь!» — повеселел атаман. Нырнул он и выволок человека. Вынес на берег. Положил на песок лицом вниз. На спину принажал коленкой. Хлынула вода изо рта у спасенного.

— Напился, — усмехнулся Степан Тимофеевич.

Вскоре спасенный открыл глаза, глянул на атамана:

— Спасибо тебе, казак.

Смотрит Разин на незнакомца. Хилый, иссохший мужичонка. В рваных портках, в холщовой, разлезшейся по бокам рубахе.

— Кто ты?

— Беглый я. К Разину пробираюсь. Слыхал?

Мужик застонал и забылся.

В это время на берегу послышались голоса:

— Ба-а-тюшка! Атаман! Степа-а-н Тимофеевич!

Видать, приближенные ходили, искали Разина. Разин ступил в темноту.

Поравнялись казаки с мужиком. Наклонились, прислушались.

— Дышит!

Потащили двое спасенного в лагерь, а другие пошли дальше берегом Волги:

— Ба-а-тюшка! Атаман!

Утром есаулы доложили Разину, что ночью кто-то из казаков спас беглого человека. Только кто, неизвестно. Не признаются в казачьих сотнях.

— Видать, не всех опросили? — усмехнулся Степан Тимофеевич.

Яицкий каменный городок

Река Яик. Каспийское море. Яицкий каменный городок.

Высокие яицкие башни, стены метровы, ворота дубовы. Не городок, а твердыня.

«Тут отдыхать моим казакам, — раздумывал Разин. — Да только пойди возьми городок! Полвойска у стен уложишь».

И вот однажды Разину доложили — в степи схвачены люди. Человек тридцать. Идут в Яицкую крепость. Богомольцы. Монахи ...

....

Хотел Разин сказать: «Людишки святые, мирные. Отпустите, пусты-ка идут». Да вдруг спохватился:

— Эй, постойте. Ведите сюда.

Явились монахи.

— Раздевайся!

Позвал казаков.

— Одевайся!

Поменялись они нарядами.

Неспокойно в Яицкой крепости. Знают стрельцы, знает начальник, что где-то Разин рядом в степи. Того и гляди, под стены пожалует.

Усилил начальник охрану крепости. Строго наказал никого не выпускать и не впускать без доклада. К ночи ворота — на все засовы.

Солнце клонится к закату. Стоят дозорные в караулах. Смотрят внимательно в степь.

Вдруг видят — движется к городу группа людей. Присмотрелись — монахи.

Подошли богомольцы к воротам:

— Откройте.

Смутились охранники:

— Куда вы?

— В соборы яицкие. К иконам святым на поклон.

— Ночуйте в степи. Не велено, странники.

— Ах вы безбожники, — зароптали монахи. — Ужо попомнит Господь.

Караульные пошли, доложили начальнику.

— Сколько их?

— Душ тридцать.

— Впустите. Да смотрите, чтобы лишку не оказалось.

Тем временем стало совсем темно. Вернулись посыльные. Открыли засовы. Бородатый стрелец, впуская по одному, стал пересчитывать богомольцев.

— Один, второй... двадцатый... тридцатый. Стойте!

— Ты что, борода, считать не умеешь? — послышался чей-то голос — Еще и двадцати не прошло.

«Что такое?» — растерялся стрелец.

Вот уже сорок. Вот уже пятьдесят. Вот уже и мужики поперли. Вот и лошадина морда сунулась. Один верховой, за ним — второй, за вторым — третий.

— Стойте! Стойте! — кричит охранник.

Да где тут! Подбежал к нему здоровенный детина. Зажал рот приготовленным кляпом.

Пока поняли в крепости, в чем дело, пока подняли крик, было уже поздно.

Так и достался Яицкий городок Разину без всякого боя. Правда, на улицах постреляли. Да это уже не в счет.

Был городок боярский. Стал разинский городок.

Две руки

Группа беглых крестьян пробиралась на Волгу к Разину.

Шли ночами

. Днями отсыпались в лесах и чащобах. Держались подальше от проезжих дорог. Стороной обходили селенья. Шли целый месяц.

Старший среди мужиков, рябоватый дядя Митяй поучал:

— Он, атаман Степан Тимофеевич, — грозный. Он нератных людей не любит. Спросит: владеете саблей? Говорите — владеем. Колете пикой? Колем.

Явились крестьяне к Разину.

— Принимай, отец атаман, в войско свое казацкое.

— Саблей владеете?

— Владеем.

— Пикой колете?

— Колем.

— Да ну? — подивился Разин. Приказал привести коня. — Залезай, борода, — показал на дядю Митяя. — Держи саблю.

Не ожидал дядя Митяй проверки. «Пропал, пропал, казнит за вранье атаман». Стал он выкручиваться:

— Да мы больше пеше.

— В казаках да и пеше? А ну-ка залазь!

— Да я с дороги, отец, устал.

— Не бывает усталости ратному человеку.

Смирился дядя Митяй. Подхватили его казаки под руки, кинули верхом на коня. Взялся мужик за саблю...

Гикнули казаки. Помчался по полю конь. Непривычно дяде Митяю в седле. Саблю впервые держит. Взмахнул он саблей, да тут же и выронил.

— Сабля с норовом, с норовом. Не дается, упрямая, — гогочут вокруг казаки.

— Зачем ему сабля? Он по ворогу лаптем, — пуще всех хохочет Степан Тимофеевич.

Обидно стало крестьянину. Набрался он храбрости. Подъехал к Разину и говорит:

— Зря, атаман, смеешься. Стань за соху — может, мы тоже потешимся.

Разгорячился от смеха Разин:

— Возьму да и встану.

Притащили ему соху. Запрягли кобылицу. А Разин, как и все казаки, отроду не пахивал поле. Думал — дело простое. Начал — не ладится.

— Куда, куда скривил борозду! — покрикивает дядя Митяй.

— Мелко, мелко пласт забираешь. Ты глубже, глубже землицу, — подсказывают мужики.

Нажал атаман посильнее — лопнул сошник.

— Соха с норовом, с норовом. Не дается, упрямая! — засмеялись крестьяне.

— Да зачем казаку соха? Он саблей землицу вспашет! — похихикивает дядя Митяй ...

..

Посмотрел Разин на мужиков. Рассмеялся.

— Молодец, борода! — похлопал по плечу дядю Митяя. — Благодарю за науку. Эй, — закричал казакам, — не забижать хлебопашный народ. Выдать коней, приклад. Равнять с казаками. — Потом задумался и добавил: — И пахарь и воин что две руки при одном человеке.

Треть аршина

При взятии городов Разин строго наказывал никому из купцов не чинить обиды. Понимал Разин: без купца даже гвоздя и того не достанешь.

— Мы их не тронем, отец атаман, — отвечали восставшие. — Они бы нас не обидели.

— Обидишь вас, — усмехнулся Степан Тимофеевич. — А обидят: обмерят, обвесят — так взыск. Моим атаманским именем.

Вступили разинцы в Астрахань. Открыли купцы свои лавки, разложили товары. Разин сам прошел по рядам. Даже купил сапожки. Красные, маленькие — гостинец для дочки своей, Парashi.

Вернулся Степан Тимофеевич в свой атаманский шатер. Доволен. Бойко, мирно идет торговля.

Толпится народ у лавки купца Окаемова. Торгует купец атласом и шелком. Покупают казаки красные, зеленые, желтые штуки себе на выходные рубахи. Отмеряет купец. Отмеряет и думает: «Или я человек не торговый, чтобы при такой-то удаче и не обмерить?» Перекрестился купец и стал каждому по трети аршина недорезать.

Прошло полдня, как вдруг кто-то из казаков заметил обман. Стали казаки проверять свои штуки. И у одного, и у второго, и у пятого, и у десятого по трети аршина в куске не хватает.

— Держи его, нечестивца!

— К ответу злодея!

Схватили купца покупатели. Вытащили из лавки, тут же устроили суд. Через час дежурный есаул докладывал Разину:

- Дюже обозлился народ. Укоротили купца.
- Как — укоротили? — насупился Разин.
- На треть аршина.
- Как — на треть аршина?!
- Голову с плеч.
- Тыфу ты! — ругнулся Разин. — Ну-ка зови обидчиков.

Явились казаки к атаману.

В страшном гневе кричит на них Разин:

- За треть аршина — жизни купца лишили! Кровью за тряпки брызнули?
- Не гневись, не гневись, атаман, подумай, — отвечают ему казаки. — Да разве в аршинах дело? Воровскую голову с плеч — лишь польза народу. Тут бы и нам, и внукам, и правнукам дело такое попомнить. Не гневись, атаман.

Остыл Разин.

— Ладно, ступайте. «Нужен, нужен купец народу, — рассуждал про себя Степан Тимофеевич. — Нельзя без торгового люда. Да ведь и беда от него немалая, когда Окаемовы в нем заводятся. Может, и правильно решили люди».

Казацкое слово

Два молодых казака Гусь и Присевка заспорили, кто больше народному делу предан.

- Я, — кричит Гусь.
- Нет, я, — уверяет Присевка.
- Я жизни не пожалею, — бьет себя Гусь в грудь кулаком.
- Я пытки любые снесу и не пикну, — клянется Присевка.
- Хочешь, я палец в доказ отрежу.
- Что палец. Я руку себе оттяпну!

Расшумелись казаки, не уступают один другому.

Разин в это время проходил по лагерю и услышал казацкий спор.
Остановился он. Усмехнулся.

Заметили спорщики атамана. Притихли.

Посмотрел Степан Тимофеевич на молодцов.

— Ну и крикуны: жизнь, пытки, палец, рука. Хотите себя проверить?

— Приказывай, атаман! Слово даем казацкое.

— Грамоте учены?

— Нет, Степан Тимофеевич.

— Так вот. Кто первый осилит сию премудрость — тому настоящая вера.

Смутились казаки. Не ожидали такого. Ну и задал отец атаман задачу.
Однако что же тут делать? Назад не пойдешь. Слово казацкое брошено.

Не зря говорил про грамоту Разин. Нужны ему люди, умеющие писать и
читать. Мало таких. Трудно крестьянскому войску.

Пошли казаки в церковь, разыскали дьячка:

— Обучай, длинногривый.

Сели они за буквы. Пыхтят, стараются казаки. Только трудно дается наука.
Неделя проходит, вторая.

— Нет больше моих силушек, — плачет по-детски Гусь.

— Уж лучше бы смерть от стрелецкой пули, — стонет Присевка.

Проходит еще неделя.

— Голова моя, голова раскалывается. Помру я на этом деле, — убивается
Гусь.

— За что же муки такие адовые? — причитает Присевка.

Стонут, проклинают судьбу свою казаки. Стонут, а все же стараются. Слово
казацкое дадено. Прошло целых два месяца.

— Ну, ступайте, — произнес наконец дьячок.

Словно ветром сдунуло казаков — помчались быстрее к Разину.

— Осилили, отец атаман, премудрость!

— Да ну! — не поверил Степан Тимофеевич.

— Проверяй!

Протянул Разин Гусю писаный лист бумаги:

— Читай-ка.

Читает Гусь. Правда, не так чтобы очень гладко ...

... Однако все верно, все разбирает.

— Молодец, казак! — похвалил Разин.

Достал он лист чистой бумаги, протянул бумагу Присевке:

— Пиши-ка.

Пишет Присевка. Правда, не так чтобы очень быстро. Однако все верно.

Буквы не путает.

— Молодец, казак! — подивился Разин.

Приблизил Степан Тимофеевич к себе казаков. Приставил к разбору важных бумаг и сообщений. дельными оказались они помощниками.

— Молодцы, молодцы, — не нахвалится Разин. — Не опозорили честь казацкую.

Смущаются Гусь и Присевка.

— А как же — дело народное.

Райская ягода

Взяв Самару, Разин дальше пошел — на север, к Симбирску.

Идет вверх по Волге Разин. А в это время следом за ним поднимается струг с виноградом. Это астраханцы решили послать атаману гостинец.

— Пусть отведает отец атаман. Пусть и казаки ягодой этой побалуются.

Виноград отборный — райская ягода. Грозди одна к одной.

Добрался струг до Царицына. В Царицыне Разина нет. Ушли отряды уже к Саратову.

Филат Василенок, старший на струге, подал команду трогаться дальше в путь.

Добрался струг до Саратова. В Саратове Разина нет. Ушли отряды уже к Самаре.

Призадумался Филат Василенок. Лето жаркое. Дорога дальняя. Портиться стал виноград. Половина всего осталась.

— Ну и прытко идет атаман!

Подумал Филат, все же решил догнать Разина.

— Налегай, налегай! — покрикивает на гребцов.

Налегают гребцы на весла.

Прибыли астраханцы в Самару. В Самаре Разина нет.

— О Господи праведный! — взмолился Филат Василенок. — За какие такие грехи наказал ты меня, несчастного?

От винограда и десятой доли теперь не осталось. Гребцы за дорогу к тому же устали. В струге течь появилась.

Думал, думал Филат Василенок, крутил свою бороду. В затылке и правой и левой рукой чесал. Прикидывал так и этак. Ясно Филату — не довезет он Разину гостинец в сохранности.

Решил Василенок дальше не плыть. «Эх, была не была, раздам я виноград самарцам. Детям, — подумал Филат. — Вот кому будет радость».

Так и поступил.

Для самарцев виноград — ягода невиданная. Собрались к берегу и мал и стар.

Раздавал Василенок виноград ребятишкам, приговаривал:

— Отец атаман Разин Степан Тимофеевич жалует.

То-то был праздник в тот день в Самаре! Виноград сочный, вкусный. Каждая ягода величиной с грецкий орех. Набивают ребята рты. Сок по губам, по щекам течет. Даже уши в соку виноградном.

Вернулся Василенок в Астрахань. Рассказал все, как было. Не довез, мол, виноград Разину. Раздал его в Самаре ребятам.

— Как! Почему? — возмутились астраханцы.

Обидно им, что их гостинец не попал к Степану Тимофеевичу. Наказали они Филата. А к Разину послали гонца с письмом.

Написали астраханцы про струг с виноградом, про Филата, про самарских ребят. В конце же письма сообщили: «Бит Филат Василенок нещадно

кнутами. А будет воля твоя, отец атаман, так мы посадим его и в воду[1].
Отпиши».

Ответ от Разина прибыл.

Благодарил Степан Тимофеевич астраханцев за память, за струг. Написал и о Филате Василенке. Это место астраханцы читали раз десять. Вот что писал Разин:

«А Филатке Василенку моя атаманская милость». Далее шло о том, что жалует Разин Филата пятью соболями, то есть пятью соболиными шкурками, казацкой саблей и шапкой с малиновым верхом. «Дети, — значилось в разинском письме, — мне паче себя дороже. Ради оных и бьемся мы с барами. Ради оных мне жизни своей не жалко».

Дело было в крутых Жигулях

Дело было в крутых Жигулях. Избили разинцы товарища.

Началось все с того, что собирались они на высокой круче. Смотрели оттуда на даль и ширь. Простором речным любовались. Потом незаметно завязался у них разговор. Слово за словом. Шутка за шуткой. Кончилось тем, что заспорили разинцы вдруг, что бы сделал каждый из них, если бы стал царем. Вот до чего додумались.

— Я бы досыта ел, — заявил один.

— Я бы досыта спал, — заявил второй.

— Я бы ведрами брагу пил, — прозвучал и такой ответ.

— Я бы в кафтане ходил малиновом.

Пятый тоже мыслишку под хохот вставил:

— Ой, братцы! Если бы только я стал царем, я бы на персидской княжне женился.

Потом ответы пошли посерьезнее.

— Я бы все поменял местами. Простых людышек боярами сделал, бояр превратил в холопов ...

...

— А я бы, как батька наш Степан Тимофеевич, волю любому и землю дал.

— Я бы дворянство извел под корень.

Увлеклись, размечтались не на шутку разинцы. Начали уже говорить и о том, что не под силу царю любому, будь ты хоть первым из первых царь. В голову лезут любые фантазии.

— Я бы скатерть завел самобранку. Бросил ее на землю. Эй, набегай, людишки, любого рода, любого племени — турок, башкир, казак. В обиде никто не будет.

— Я бы дивный город построил. Чтобы стены его — до неба, крыши — из хрустала. Живите на славу, люди!

— А я бы такое сделал, чтобы люди не знали смерти.

— Я бы придумал живую воду, чтобы поднять из могил погибших в боях казаков.

— Дал бы я людям крылья, чтобы люди выше орлов летали.

Шумно ведется спор. О красивой жизни народ мечтает. И только парень один молча стоит, прислонившись к сосне, смотрит на других удивленно и глупо глазами хлопает.

— Ну, а ты бы, — полезли к нему казаки, — что ты сделал, если бы стал царем?

— Я-то? — переспросил парень.

— Ты-то.

— Я бы купил корову.

Сбил он ответом разинцев. Хоть и понятны его слова. В жизни парень, видать, намучился. Да не к месту его ответ. Зачем же в такую минуту он с дурацкой коровой сунулся? Обозлились на парня разинцы.

Дело было в крутых Жигулях. Побили товарища разинцы.

Качели

Быстро шел вверх по Волге Разин. Истомились войска в походе. И вот в каком-то приволжском большом селе стали они на отдых.

В первый же день казаки соорудили качели. Врыли в землю столбы — в каждом по пять саженей. Выше деревьев взлетали качели.

Сбежалось к берегу Волги все село. Визгу, смеху здесь было столько, что даже Волга сама дивилась, привставала волной на цыпочки, смотрела на шумный берег.

В полном разгаре отдых. Три дня как кругом веселье.

— Эх, простоять бы нам тут неделю! — поговаривают казаки.

К Волге, к качелям, вышел и Разин.

— А ну-ка, батька!

— Степан Тимофеевич!

— Место давай атаману! Место! — кричат казаки. Потащили его к качелям:

— Красоту какую кругом увидишь!

Усмехнулся Степан Тимофеевич:

— А вдруг как не то с высоты увижу?

— То самое, то, — не унимаются разинцы. — И Волгу, и плес, и приволжские кручи. Над лесом взлетишь, атаман. Как сокол расправишь крылья.

Залез на качели Разин. Вместе с девушкой местной, Дуняшой. Замерло сердце у юной Дуняши. Вцепилась она в веревки.

Набрали качели силу. То вверх, то вниз, то вверх, то вниз. Разгорячился Степан Тимофеевич. Разметались под ветром кудри. Полы кафана, как крылья, дыбятся. Глаза черным огнем горят.

Все выше и выше взлетают качели. Режут небесную синь.

— Вот это да! По-атамански, по-атамански! — кричат казаки.

Побелела совсем Дуняша.

— Ух, боязно! Ух, боязно!

— Девка, держись за небо! — смеется какой-то остряк.

Состязаются весельчаки:

— Отец атаман, бабку мою не видишь?

— Может, ангелов в небе видишь?

— Как там Илья-пророк?

— И ангелов вижу, и бабку вижу. А вона едет в карете Илья-пророк, — отвечает на шутки Разин. А сам все время на север смотрит — туда, куда дальше идти походом. Даже ладошку к глазам подводит.

Заприметили это разинцы.

— Что там, отец атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

— Чего видишь, отец атаман?

Молчит, не отвечает Степан Тимофеевич.

Недоумеваю внизу казаки. Может, пожар атаман увидел? Может, боярские струги идут по Волге? Или вовсе какая невидаль? Прекратилось вокруг веселье. Обступили качели разинцы.

— Что видишь, отец атаман?

Выждал Разин, когда все утихло:

— Горе людское вижу. Слезы сиротские вижу. Стоны народные слышу. Ждут нас люди добрые. На нас надеются.

Кольнули слова атамана казацкие души. Замедлили мах качели. Спрятал на землю Разин. Подошел к нему сотник Веригин:

— Правда твоя, атаман. Не ко времени отдых выбран.

— Верно, верно, — загудели кругом казаки. — Дальше пошли походом.

Поднялось крестьянское войско. Сотня за сотней. Отряд за отрядом.

Вздыбилась дорожная пыль.

Остались в селе качели. Долго еще на них мальчишки взлетали в небо. И, замирая на высоте, вслед ушедшем войскам смотрели.

Епифан Кузьма-Желудок

Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник — Разин верхом на коне.

В тревоге живут бояре. И в Твери, и в Рязани, и в Орле, и в Москве, и в других городах и селах.

Послышился цокот копыт по дороге — затрясутся осинкой боярские ноги.

Ветер ударит в окна — боярское сердце замрет и екнет.

Боярин Епифан Кузьма-Желудок боялся Разина не меньше других.

А тут еще барский холоп Дунайка рассказывал ему что ни день, то все новые и новые страсти. И, как назло, всегда к ночи.

Много про Разина разных слухов тогда ходило. И с боярами лют, и с царскими слугами крут. И даже попов не жалует ...

... А сам он рожден сатаной и какой-то морской царицей.

В общем, нечистое это дело.

— Пули его не берут, — говорил Дунайка. — Пушки, завида его, умолкают. Перед ним городские ворота сами с петель слетают.

— Ох, ох, пронеси господи! — крестился боярин Кузьма-Желудок.

— А еще он летает птицей, ныряет рыбой, — шепчет Дунайка. — Конь у него заколдованный — через реки и горы носит. Саблю имеет волшебную. Махом одним сто голов сбивает.

— Ох, ох, сохрани господи!

— А еще, — не умолкает Дунайка, — свистом своим, мой боярин, он на Волге суда привораживает. Свистнет — и станут на месте струги. Люди от погляда его каменеют.

— Ох, ох, не доведи свидеться!

Живет боярин, как заяц — в страхе. Потерял за месяц в весе два пуда. Постарел сразу на десять лет. Последних волос на голове лишился.

Молился боярин Кузьма-Желудок, чтобы беда прошла стороной.

Не услышал Господь молитвы.

И вот однажды ночью случилось страшное. Открыл бедняга глаза — Разин стоит у постели.

Захотел закричать боярин. Но не может.

И Разин молчит, лишь взглядом суровым смотрит.

Чувствует боярин, что под этим взглядом он каменеет.

Вспомнил слова Дунайки. Двинул рукой — не движется. Двинул ногой — не движется.

— О-о!.. — простонал несчастный. Но крик из души не вышел.

Утром слуги нашли хозяина мертвым.

— С чего бы?

— Да как-то случилось!

Не понимают в боярском доме, что с барином их стряслось.

— Что-то рано Господь приbral.

— Жить бы ему да жить.

— Может, выпил боярин лишку?

— Может, что-то дурное съел?

— Сон ему, может, недобрый привиделся? Уж больно всю ночь стонал.

...Снятся боярам страшные сны. Снится им грозный всадник.

Красавец Лёвка

Красавец Лёвка заснул в дозоре. Полагалась за это у разинцев смерть.

Однажды отправился Разин проверять, как службу несут караулы.

Ночь была темная-темная. Звезд не видно. Луны не видно. Небо в тучах.

Выбрал Степан Тимофеевич время перед рассветом, когда дозорных особенно клонит сон. Идет Разин от поста к посту. То тут, то там вырываются из темноты голоса:

— Стой! Отзовись!

Отзываются Степан Тимофеевич. Узнают разинский голос дозорные:

— Здравья желаем, отец атаман!

Надежно службу несут караулы. Доволен Степан Тимофеевич.

Прошел он шесть дозорных постов. Остался седьмой, последний. Тут и дежурил Лёвка. Красавец он потому, что кончик носа был у него обрублен. В шутку окрестили его так казаки. Когда-то ходил он походом в Ногайские степи. В одном из боев и лишился носа.

Стоял Лёвка в дозоре у самой реки, на волжской круче у старых сосен.

Вышел Разин к речному откосу. Никто не отзывался на звонкий шаг.

«Что такое?» — подумал Разин. Остановился. Тихонько свистнул. Минуту прождал ответа. Свистнул погромче. Опять тишина.

Прошел Разин вдоль откоса шагов пятнадцать и тут услышал какой-то звук. Застыл атаман. Прислушался.

Да это же просто казацкий храп!

Приблизился Степан Тимофеевич к спящему. Лёвку признал в нерадивом. Казак сидел на земле. Прислонился к сосне спиною. Что-то приятное снилось Лёвке. Он улыбался. Голова чуть склонилась на дуло пищали. Шапка сползла на лоб.

Стал заниматься рассвет. Спит беззаботно красавец Лёвка. Храпит на весь берег. Не чует нависшей над ним беды.

— Эка же черт безносый! — обозлился Степан Тимофеевич. Хотел разбудить казака. Потом передумал. Взяло озорство атамана. Решил он вынуть из Лёвкиных рук пищаль. Интересно, что Лёвка, проснувшись, скажет!

Легонько притронулся Степан Тимофеевич к дулу. Только потянул на себя пищаль, как тут же казак очнулся. Мигом вскочил на ноги. Разин и слова сказать не успел, как размахнулся казак пищалью. Оглоушил прикладом Разина. Свалился Степан Тимофеевич с ног.

Пришиб казак человека и только после этого посмотрел, кто же под руку ему попался.

Глянул — батюшки светы! Потемнело в глазах у Лёвки.

Бросился Лёвка к Разину.

— Отец атаман! — тормошит. — Отец атаман! Боже, да как же оно случилось?

Не приходит в себя Степан Тимофеевич. Удар у Лёвки пудовый.

Помчался Лёвка с откоса к Волге, шапкой воды зачерпнул ...

... Вернулся. Бежит, спотыкаясь. Склонился над Разиным. Протирает виски и лоб.

Очнулся Степан Тимофеевич. Шатаясь, с земли поднялся. В тот же день атаманы решали судьбу казака. По всем статьям за сон в дозоре полагалась ему перекладина. Однако Разин взял казака под защиту.

— Для первого раза довольно с него плетей.

— Почему же, отец атаман?!

— За то, что пищаль удержал в руках, достоин казак смягчения.

— Да он ведь чуть не порушил твою атаманскую жизнь.

— Так не порушил. Помиловал, — усмехнулся Степан Тимофеевич, рукой проведя по темени: там шишка была с кулак.

Однако неделю спустя, когда заснул в дозоре другой казак, Разин первым сказал:

— На виселицу!

Строг был Степан Тимофеевич. Ой как строг! Умел миловать, умел и карать.

Десять и сорок

Не был Разин святым. Мог и сам выпить. Однако приходил в страшный гнев, когда люди перепивались.

А такое случалось.

Особенно падок к вину был казак Гавриил Копейка.

Встретил Степан Тимофеевич однажды Копейку. Разило спиртным от казака, словно из винной бочки.

Почуял Степан Тимофеевич запах:

— Пьян?!

— Никак нет, отец атаман! — нагло ответил Копейка.

А вранья Разин и вовсе терпеть не мог.

Встретил Степан Тимофеевич казака второй раз. Еле стоит на ногах Копейка. Глаза мутные-мутные. Осоловело на Разина смотрит.

— Пьян?!

— Никак нет, отец атаман! И не нюхал.

Не тронул Разин и на этот раз казака. Но пригрозил расправой.

Не помогло.

И вот как-то казак до того напился, что уже и идти не мог. Полз Копейка на четвереньках. Полз и наткнулся на Разина.

— Ирод! Ты снова пьян?!

— Ни-ни-как нет, о-о-тец-ата-та-ман. — Язык у казака заплетался. — Я-я ки-ки-сет обронил в тра-тра-ве.

— Ах ирод! Ах тарарай![2] — Обозлился Степан Тимофеевич страшно. — Эй, казаки, — плетей!

При слове «плетей» хмель из Копейки выдуло ветром. Повалился он Разину в ноги.

— Прости, атаман.

— Умеешь пить, умей и похмелье принять, — сурохо ответил Разин.

Когда притащили лавку и плети, Степан Тимофеевич скомандовал:

— Десять ударов!

Всыпали.

— А теперь и еще сорок!

— За что же, отец атаман?

— За вранье, за тарарайство, — ответил Разин.

Не любил Степан Тимофеевич врунов. Ложь — самым великим грехом считал.

Скорпион

Казак Ксенофонт Горшок втерся в доверие к Разину. Началось все незаметно, по мелочам. То прочистит Горшок атаману трубку, то пыль из кафана выбьет, то подведет под уздцы коня. Понадобится что-то Разину, Горшок тут как тут. Даже в баню ходил со Степаном Тимофеевичем, тер атаманскую спину.

— Средство мое надежное, — говорил казакам Горшок. — Я своего добьюсь. Я первой особой при отце атамане стану.

И правда. Не заметил Разин и сам того, как стал при нем Горшок человеком незаменимым, во всех делах чуть ли не первым советчиком. Но самое страшное — стал Горшок шептуном. Трет он в бане атаманскую спину, а сам:

— Отец атаман, а сотник Тарас Незлобин выпил лишку вчера вина и словом недобрый тебя помянул.

Наговорил на Тараса Горшок. Вот что сказал Незлобин: «Зазря отец атаман дал Ксенофонту большую волю».

Прочищает Горшок атаманскую трубку, а сам:

— Отец атаман, а башкирец Амирка тоже дурное о твоей атаманской особе молвил.

А на самом деле вот что сказал Амирка: «Я бы быстро Горшка отвадил».

Подводит Горшок атаману коня, а сам и тут незаметно про кого-то Разину что-то шепчет.

Вспыльчив Степан Тимофеевич. Крут на расправу. Попали в немилость к нему и сотник Тарас Незлобин, и башкирец Амирка. Пострадали без особой вины и другие.

Приобрел Горшок небывалую силу. Робели перед ним казаки. Боялись его доносов. Знали: если невзлюбит кого Горшок, не сладко тому придется.

Правда, лихой казак Епифан Гроза пригрозил Ксенофонту расправой. Однако угроза Епифана бедой для него же самого обернулась. Исчез куда-то Гроза, словно в воду канул. Притихли и вовсе теперь казаки. Шептуна за версту обходят.

И вдруг однажды пропал Горшок. Искали его, искали. Разин был в страшном гневе, шкуру грозился спустить с любого. Не помогло. Не нашелся Горшок, словно и вовсе на свете не жил.

Лишь через неделю, когда стих атаманский гнев, признались разинцы Разину: утопили они доносчика.

Но теперь уже Степан Тимофеевич не ругал казаков, не спустил, как грозился, шкуру. Разобрался за эту неделю Разин во всем, сам тому подивился, как так могло случиться, что при нем, при боевом атамане, и вдруг скорпион прижился.

Мало того, через несколько дней, когда новый казак решил занять при Разине то же самое место и, как Горшок, зашептал атаману на ухо: «Отец атаман, а десятник Фома Ефимов про тебя недобroe слово молвил...» — то Разин кликнул к себе казаков и тут же при всех приказал отрезать доносчику язык.

Разин и Калязин

— Батюшка Степан Тимофеевич!

— Ну что?

Сотник Титов запнулся.

— Что же молчишь?

— Боязно говорить, отец атаман. Гневаться очень будешь.

— Ну и ступай прочь, если боязно.

Однако Титов не уходил. Уходить не уходил, но и сказать о том, ради чего пришел, тоже никак не решался.

Посмотрел удивленно на сотника Разин. Титов — казак храбрый.

Что же такого могло случиться, чтобы казак оробел с ответом?

Наконец сотник отважился.

Выслушал Разин, минуту молчал. И вот тут-то гадай: то ли взорвется сейчас атаман, то ли шутку какую бросит. Неожиданно Разин расхохотался.

— Не врешь?

— Провалиться на месте, Степан Тимофеевич ...

...

— Так все и было? Назвался Разиным?

— Так все и было. Атаманское имя твоё использовал.

— А ну, волоки сюда.

Через минуту в шатер к Разину ввели человека.

Глянул Разин — вот это да! Атаман настоящий стоит перед Разиным. И даже внешне чем-то похож на Разина. Шапка с красным верхом на голове. Зеленые сапоги на ногах из сафьяна. Нарядный каftан. Под каftаном цветная рубаха. Глаза черные-черные. Черным огнем горят.

— Чудеса! — произнес Степан Тимофеевич. — Так ты, выходит, Разин и есть?

Вошедший зарозовел, смущился. Даже глаза потупил.

— По правде, Степан Тимофеевич, имя мое — Калязин.

— Казак?

— Нет. Из мужицкого рода.

— Чудеса! — опять повторил Разин. Переглянулся с Титовым, вспомнил недавний его рассказ.

Ходил Титов с группой казаков куда-то под Шацк. Заночевал однажды в какой-то деревне. От мужиков и узнал, что объявился где-то под Шацком Степан Тимофеевич Разин. «Какой еще Разин? — подумал сотник. — Откуда тут Разин?!»

— Разин, Разин, казак, с Дона он, — уверяли крестьяне.

Разыскал Титов того, кто был назван крестьянами Разиным.

— Ты Разин? — спросил.

— Разин, Степан Тимофеевич.

Понял Титов, что это самозванец. Потянулся было за саблей. Хотел вгорячах рубануть. Однако на самосуд не решился.

Схватил Титов с казаками шацкого Разина и привез его к Разину настоящему.

Смотрит Разин на «Разина»:

— Волю людышкам дал?

— Да.

— Работающих людей не трогал?

— Не трогал, отец атаман.

— Народу служил с охотой?

— Ради него на господ и шел.

— Нужны атаманы, нужны, — проговорил Разин. Повернулся к Калязину: — Молодец! Ну что же — ступай. Стал атаманом — ходи в атаманах. Желаешь — будь Разиным. Желаешь — Калязиным. Зовись хоть горшком, хоть ухватом. Не дело на имени держится. Имя на деле держится.

Крикун и Красавчик

На одной из стоянок казак Мишка Бычок раздобыл петуха.

— Стянул?! — полезли к нему казаки.

— Нет, — озорно отвечает Мишка. — Мне бабка одна дала.

Однако все видят, что врет, шельмец, что стянул петуха, конечно.

Петух оказался особенный. Правда, внешне был он не очень казист. Скорее, наоборот. В какой-то драке лишился пера на шее. На одной из лап не хватало пальца.

Зато...

Петушиное племя вообще непривязчиво. А этот сразу привык к казаку. Ходил за Мишкой словно телок за маткой. И если, бывало, с Бычком кто-нибудь заговорит, сразу на тех сердился. Расправит крылья. Идет как воин. Спеши отойти, а то немедля клюнет.

Куры воду не очень любят. Сторонятся прудов и рек. А этот словно из утиного яйца народился. Даже, представьте, плавал. Мишка в воду, и он за ним. Мишка на струг, и тенью петух за Мишкой.

А главное, голос у петуха оказался на редкость звонким. Своим пронзительным криком будил он всех ни свет ни заря. Сердились вначале разинцы. Хотели крикуна придушить. Однако привыкли скоро. А привыкнув, даже полюбили. Напоминал им крик петушиный родные донские станицы, далекие хаты, детей и баб.

Петух погиб неожиданно, но очень геройской смертью. Запомнился разинцам этот день. Сидел петух на борту. День был жаркий. Палило солнце. Петька, прикрывши глаза, дремал. И вдруг привстал он на ноги, раскинул крылья и разразился особым каким-то криком. Глянули люди. Не поняли сразу. Потом разобрались. Вдоль борта проползла змея. Кто несмелый — тут же отпрянул. Другие схватились за сабли. Однако Петька опередил. Налетел на гадюку. Клювом — по черепу. Пришиб он ползучую тварь. Однако, видать, не до самой смерти. Ухитрилась гадюка кольнуть его в шею жалом. Успела смертью ответить на смерть.

Откуда на струге взялась змея? Сама заползла ли во время стоянки? Кто-то случайно с грузом ее занес? А может, был тут недобрый умысел, кто-то нарочно ее подбросил? Струг атаманский. Всякое может быть.

Грустили в тот день казаки. Словно что-то ушло родное.

Вскоре разинцы завели нового петуха. Но этот оказался неголосист ...

... Воды как огня боялся. Всюду, паршивец, гадил. И хотя с виду красавцем был, однако только на суп годился.

Съели его казаки.

Разинка

В бою под Симбирском Разина тяжело ранило в голову.

Верные казаки везли атамана домой, на родную донскую землю. Между Волгой и Доном заночевали они на маленьком хуторе. Бережно перенесли больного в избу.

Вскоре к Разину подошел мальчик, подросток, постоял около Разина, не зная, как поступить, наконец протянул яблоко.

— Откушай, Степан Тимофеевич... Разинка.

— Что?!

— Разинкой называется, — объяснил мальчик.

Брови Разина от удивления приподнялись. Задумался атаман.

Было это в 1667 году, при первом походе Разина с казаками на Волгу. И тогда он ночевал на этом же самом хуторе.

Старик хозяин поутру возле дома высаживал яблони. Засмотрелся Степан Тимофеевич:

— Давай помогу.

— Доброе дело, — ответил старик.

Выкопал Разин ямку. Посадил яблоньку. Маленьку, еще без листочек. Хиленький, тоненький стебелек.

— Приезжай, Степушка, через три года. Отведать разинку, — приглашал атамана старик.

И вот прошло не три, а почти целых четыре года.

«Привела все же судьба, — подумал Разин. — К хорошим делам приводит».

— А где же дедусь? — спросил он у мальчика.

— Помер дедусь. Еще по весне. В самый садовый цвет. А как помирал, все кликал тебя, Степан Тимофеевич. Все про яблоньку говорил. Беречь ее и нам, и тем, что после родятся, наказывал.

Утром Разин глянул на дерево. Стояло оно молодое, пышное, сильное.

Разбросало крепкие ветви в стороны. И висели на нем яркие, крупные — в два казацких кулака, душистые яблоки.

«Разинка!» — произнес про себя Степан Тимофеевич. Попросил он отнести себя на могилу дедову, поклонился холмику низко-низко и скомандовал трогаться дальше в путь.

После возвращения на Дон Разин был схвачен богатыми казаками. Его заковали в цепи, привезли в Москву и казнили на Красной площади.

Капитан бомбардирской роты

Русская армия шла к Нарве.

Тра-та-та, тра-та-та! — выбивали походную дробь полковые барабаны.

Шли войска через старинные русские города Новгород и Псков, шли с барабанным боем, с песнями.

Стояла сухая осень. И вдруг хлынули дожди. Пооблетали листья с деревьев. Размыло дороги. Начались холода. Идут солдаты по размытым дождем дорогам, тонут по колена солдатские ноги в грязи.

Трудно солдатам в походе. На мосту при переправе через небольшой ручей застряла пушка. Продавило одно из колес гнилое бревно, провалилось по самую ось.

Кричат солдаты на лошадей, бьют кнутами. Кони за долгую дорогу отощали — кожа да кости. Напрягаются лошаденки изо всех сил, а пользы никакой — пушка ни с места.

Сгрудились у моста солдаты, обступили пушку, пытаются на руках вытащить.

— Вперед! — кричит один.

— Назад! — команду подает другой.

Шумят солдаты, спорят, а дело вперед не движется. Бегает вокруг пушки сержант. Что бы придумать, не знает.

Вдруг смотрят солдаты — несется по дороге резной возок.

Подскакали сытые кони к мосту, остановились. Вылез из возка офицер. Взглянули солдаты — капитан бомбардирской роты [3]. Рост у капитана громадный, лицо круглое, глаза большие, на губе, словно наклеенные, черные как смоль усы.

Испугались солдаты, вытянули руки по швам, замерли.

— Плохи дела, братцы, — произнес капитан.

— Так точно, бомбардир-капитан! — гаркнули в ответ солдаты.

Ну, думают, сейчас капитан ругаться начнет.

Так и есть. Подошел капитан к пушке, осмотрел мост.

— Кто старший? — спросил.

— Я, господин бомбардир-капитан, — проговорил сержант.

— Так-то воинское добро бережешь! — набросился капитан на сержанта. — Дорогу не смотришь, коней не жалеешь!

— Да я... да мы... — заговорил было сержант.

Но капитан не стал слушать, развернулся — и хлоп сержанта по шее! Потом подошел опять к пушке, снял нарядный с красными отворотами кафтан и полез под колеса. Поднатужился капитан, подхватил богатырским плечом пушку. Солдаты аж крякнули от удивления. Подбежали, навалились. Дрогнула пушка, вышло колесо из пролома, стало на ровное место.

Расправил капитан плечи, улыбнулся, крикнул солдатам: «Благодарствую, братцы!» — похлопал сержанта по плечу, сел в возок и поскакал дальше.

Разинули солдаты рты, смотрят капитану вслед.

— Ну и дела! — произнес сержант.

А вскоре солдат догнал генерал с офицерами.

— Эй, служивые, — закричал генерал, — тут государев возок не проезжал?

— Нет, ваше высочество, — ответили солдаты, — тут только и проезжал бомбардирский капитан.

— Бомбардирский капитан? — переспросил генерал.

— Так точно! — отвечали солдаты.

— Дурни, да какой же это капитан? Это сам государь Петр Алексеевич!

Без Нарвы не видать моря

Весело бегут сытые кони. Обгоняет царский возок растянувшиеся на многие версты полки, обезжают застрявшие в грязи обозы.

Рядом с Петром сидит человек. Ростом — как царь, только в плечах шире. Это Меншиков.

Меншикова Петр знал с детства. Служил в ту пору Меншиков у пирожника мальчиком. Ходил по московским базарам и площадям, торговал пирогами.

— Пироги жареные, пироги жареные! — кричал, надрывая глотку, Меншиков.

Однажды Алексашка ловил рыбу на реке Яузе, напротив села Преображенского ...

... Вдруг смотрит Меншиков — идет мальчик. По одежде догадался — молодой царь.

— Хочешь, фокус покажу? — обратился Алексашка к Петру.

— Хочу.

Схватил Меншиков иглу с ниткой и проткнул себе щеку, да так ловко, что нитку протянул, а на щеке ни кровинки.

Петр от неожиданности даже вскрикнул.

Более десяти лет прошло с того времени. Не узнать теперь Меншикова. У царя первый друг и советчик. «Александр Данилович», — почтительно величают сейчас прежнего Алексашку.

— Эй, эй! — кричит сидящий на козлах солдат.

Кони несутся во весь дух. Подбрасывают на неровной дороге царский возок. Разлетается в стороны липкая грязь.

Петр сидит молча, смотрит на широкую спину солдата, вспоминает детство свое, игры и потешное войско.

Жил тогда Петр под Москвой, в селе Преображенском. Больше всего любил военные игры. Набрали для него ребят, привезли ружья и пушки. Только ядер настоящих не было. Стреляли пареной репой. Соберет Петр свое войско, разделит на две половины, и начинается бой. Потом считают потери: одному руку сломало, другому бок отшибло, а третьему и вовсе голову пробило.

Приедут, бывало, из Москвы бояре, начнут Петра за потешные игры бранить, а он наведет на них пушку — бух! — и летит пареная репа в толстые животы и бородатые лица. Подхватят бояре полы расшитых одежд — и в разные стороны. А Петр выхватит шпагу и кричит:

— Победа! Победа! Неприятель спину показал!

Теперь потешное войско выросло. Это два настоящих полка — Преображенский и Семеновский. Царь называет их гвардией. Вместе со всеми полки идут к Нарве, вместе месят непролазную грязь. «Как-то себя покажут старые дружки-приятели? — думает Петр. — Это тебе не с боярами воевать».

— Государь! — выводит Меншиков царя из раздумья. — Государь, Нарва видна.

Смотрит Петр. На левом, кругом берегу реки Наровы стоит крепость. Кругом крепости — каменная стена. У самой реки виднеется Нарвский замок — крепость в крепости. Высоко в небо вытянулась главная башня замка — Длинный Герман.

А напротив Нарвы, на правом берегу Наровы, — другая крепость, Иван-город. И Иван-город обнесен неприступной стеной.

— Нелегко, государь, такую крепость воевать, — говорит Меншиков.

— Нелегко, — отвечает Петр. — А надобно. Без Нарвы нам нельзя. Без Нарвы не видать моря.

«Государь, дозволь молвить»

Русские под Нарвой были разбиты. Страна оказалась к войне подготовленной плохо. Не хватало оружия, обмундирования, войска были плохо обучены.

Зима. Мороз. Ветер. По снежной дороге несется резной возок. Подбрасывает седока на ухабах. Разлетается из-под лошадиных копыт белыми лепешками снег. Петр мчится в Тулу, едет на оружейный завод к Никите Демидову.

Демидова Петр знал давно, еще с той поры, когда Никита был простым кузнецом. Бывало, приведут дела Петра в Тулу, зайдет он к Демидову, скажет: «Поучи-ка, Демидыч, железному ремеслу».

Наденет Никита фартук, вытащит клещами из горна кусок раскаленного железа. Стучит Демидов по железу молотком, указывает Петру, куда бить. У Петра в руках молот. Развернется Петр, по указанному месту — бух! Только искры летят в стороны.

— Так его, так! — приговаривает Демидов. А чуть царь оплошает, закричит Никита:

— У, косорукий! Потом уже скажет:

— Ты, государь, не гневайся. Ремесло — оно крик любит. Тут без крику — что без рук.

— Ладно уж, — ответит Петр.

И вот царь опять в Туле. «Неспроста, — думает Демидов. — Ой, неспроста царь пожаловал». Так и есть.

— Никита Демидович, — говорит Петр, — про Нарву слыхал?

Не знает, что и сказать Демидов. Скажешь еще не так, только прогневаешь царя. А как же про Нарву не слыхать, когда все кругом шепчутся: мол, наломали нашему шведы бока.

Молчит Демидов, соображает, что бы ответить.

- Да ты не хитри, не хитри, — говорит Петр.
- Слыхал, — произносит Демидов.
- Вот так-то, — отвечает Петр. — Пушки нужны, Демидыч. Понимаешь, пушки.
- Как же не понять, государь.
- Да ведь много пушек надобно, — говорит Петр.
- Понятно, Петр Алексеевич. Только заводы-то наши, тульские, плохи. Железа нет, леса нет. Горе, а не заводы.

Петр и Демидов молчат. Петр сидит на резной лавке, смотрит в окно на заводской двор. Там мужики в рваных одеждах и стоптанных лаптях тащат осиновое бревно.

— Вот оно, наше тульское раздолье, — говорит Демидов. — По бревнышку, по бревнышку, как нищие побираемся. — А потом наклонился к Петру и заговорил тихо, вкрадчиво: — Государь, дозволь молвить.

Петр помолчал, посмотрел на Демидова, произнес:

- Сказывай.
- Тут ездили мои людишки, — проговорил Демидов, — на Урал. И я, государь, ездил. Вот где железа! А леса, леса-то — что тебе море-океан, конца-краю не видно. Вот где, государь, заводы ставить. Оно сразу тебе и пушки, и бомбы, и ружья, и всякая другая надобность.
- Урал, говоришь? — переспросил Петр.
- Он самый, — ответил Демидов.
- Слыхал про Урал, да ведь далеко, Демидыч, на краю земли. Пока заводы построишь, ого-го сколько времени пройдет!
- Ничего, государь, ничего, — убежденно заговорил Демидов ...
- ... — Дороги проложим, реки есть. Что там даль — желание было бы. А что долго, так, чай, не один день живем. Глядишь, годка через два и уральский чугун, и уральские пушки — все будет.

Смотрит Петр на Демидова, понимает, что у Никиты думка давно об Урале. Не сводит глаз и Демидов с Петра, ждет царского слова.

— Ладно, Никита Демидович, — наконец произносит Петр, — быть по-твоему, напишу указ, поедешь на Урал. Получишь денег из казны, людишек получишь — и с Богом. Да смотри у меня. Знай: нет сейчас в государстве более важных дел. Запомни. Подведешь — не пожалею.

Через месяц, забрав лучших рудокопных и оружейных мастеров, Демидов уехал на Урал.

А Петр за это время успел послать людей и в Брянск, и в Липецк, и в другие города. Во многих местах на Руси Петр наказал добывать железо и строить заводы.

Колокола

— Данилыч, — вскоре после Нарвы сказал Петр Меншикову, — с церквей колокола снимать будем.

У Меншикова от удивления глаза на лоб.

— Что уставился? — крикнул на него Петр. — Медь нужна, чугун надобен, колокола на пушки лить будем. На пушки, понял?

— Правильно, государь, правильно, — стал поддакивать Меншиков, а сам понять не может, шутит царь или говорит правду.

Петр не шутил. Вскоре по разным местам разъехались солдаты выполнять царский приказ.

Прибыли солдаты и в большое село Лопасню, в Успенский собор. Приехали солдаты в село к темноте, въезжали под вечерний звон. Гудели в зимнем воздухе колокола, переливались разными голосами. Сосчитал по пальцам сержант колокола — восемь.

Пока солдаты распрягали прозябших коней, сержант пошел в дом к настоятелю — старшему священнику. Узнав, в чем дело, настоятель нахмурился, сморщил лоб. Однако встретил сержанта приветливо, заговорил:

— Захаживай, служивый, захаживай, зови своих солдатушек. Чай, замаялись в пути, продрогли.

Солдаты входили в дом осторожно, долго очищали снег с валенок, крестились.

Настоятель солдат накормил, принес вина.

— Пейте, служивые, ешьте, — приговаривает.

Охмелели солдаты, уснули. А утром вышел сержант на улицу, посмотрел на звонницу, а там всего один колокол и болтается.

Кинулся сержант к настоятелю.

— Где колокола? — закричал. — Куда девали?

А настоятель руками разводит и говорит:

— Приход у нас бедный, всего и есть один колокол на весь приход.

— Как — один? — возмутился сержант. — Вчера сам видел восемь штук, да и перезвон слышал.

— Что ты, служивый, что ты! — Настоятель замахал руками. — Что ты выдумал! Это разве с пьяных глаз тебе показалось.

Понял сержант, что неспроста их вином поили. Собрал солдат, весь собор осмотрели, подвалы излазили. Нет колоколов, словно в воду канули.

Пригрозил сержант донести в Москву.

— Доноси, — ответил настоятель.

Однако писать сержант не стал. Понял, что и ему быть в ответе. Решил остаться в Лопасне, вести розыск.

Живут солдаты неделю, вторую. По улицам ходят, в дома наведываются. Только про колокола никто ничего не знает. «Были, — говорят, — а где сейчас, не ведаем».

Привязался за это время к сержанту мальчик — Федькой звали. Ходит за сержантом, фузею рассматривает, про войну расспрашивает. Шустрый такой — все норовит у сержанта патрон стащить.

— Не балуй! — говорит сержант. — Найди, где попы колокола спрятали, — патрон твой.

— А дашь?

— Дам.

Два дня Федьки не было видно. На третий прибегает к сержанту, шепчет на ухо:

— Нашел.

— Да ну! — не поверил сержант.

— Ей-богу, нашел! Давай патрон.

— Нет, — говорит сержант, — это мы еще посмотрим.

Вывел Федька сержанта за село, бежит на лыжах-самоделках берегом реки, сержант едва за ним поспевает. Крутит поземка, перекатывается по насту снег. Федьке хорошо, он на лыжах, а сержант спотыкается, проваливается в снег по самый пояс.

— Давай, дяденька, давай, — подбадривает Федька, — уже скоро!

Отбежали от села версты три. За береговой кручей спустились на лед.

— Вот тут, — говорит Федька.

Посмотрел сержант — прорубь. А рядом — еще, а чуть дальше — еще и еще. Сосчитал — семь. От каждой проруби тянутся примерзшие ко льду канаты. Понял сержант, куда настоятель колокола спрятал: под лед, в воду. Обрадовался сержант, дал Федьке патрон и кинулся быстрее в деревню.

Приказал сержант солдатам лошадей запрягать, а сам зашел к настоятелю, говорит:

— Прости, батюшка: видать, и впрямь с пьяных глаз я тогда перепутал.

Покидаем мы сегодня Лопасню. Уж ты не гневайся, помолись за нас Богу.

— В добный путь! — заулыбался настоятель. — В добный путь, служивый. Уж я помолюсь.

На следующий день настоятель собрал прихожан.

— Ну, миновало, — сказал он, — пронесло беду стороной.

Пошли прихожане к реке колокола вытаскивать, сунулись в прорубь, а там пусто.

— Ироды, богохульники! — закричал настоятель. — Уехали, увезли. Пропали колокола!

А над рекой гулял ветер, трепал мужицкие бороды и бежал дальше, рассыпаясь крупой по крутым берегу.

Сено, солома

Поняли русские после Нарвы, что с необученным войском против шведа не повоюешь. Решил Петр завести постоянную армию. Пока нет войны, пусть солдаты осваивают ружейные приемы, привыкают к дисциплине и порядку.

Однажды Петр ехал мимо солдатских казарм. Смотрит — солдаты построены, ходить строем учатся. Рядом с солдатами идет молодой офицер, подает команды. Петр прислушался: команды какие-то необычные.

— Сено, солома! — кричит поручик. — Сено, солома!

«Что такое?» — подумал Петр. Остановил коня, присмотрелся: на ногах у солдат что-то навязано. Разглядел царь: на левой ноге сено, на правой — солома ...

...

Офицер увидел Петра, закричал:

— Смирно!

Солдаты замерли. Подбежал поручик к царю, отдал рапорт:

— Господин бомбардир-капитан, рота офицера Вяземского хождению обучается!

— Вольно! — подал команду Петр.

Вяземский царю понравился. Хотел Петр за «сено, солома» разгневаться, но теперь передумал. Спрашивает Вяземского:

— Что это ты солдатам на ноги всякую дрянь навязал?

— Никак не дрянь, бомбардир-капитан, — отвечает офицер.

— Как так — не дрянь! — возражает Петр. — Солдат позоришь. Устав не знаешь.

Вяземский все свое.

— Никак нет, — говорит. — Это чтобы солдатам легче учиться было. Темнота, бомбардир-капитан, никак не могут запомнить, где левая нога, где правая. А вот сено с соломой не путают: деревенские.

Подивился царь выдумке, усмехнулся.

А вскоре Петр принимал парад. Лучше всех шла последняя рота.

— Кто командир? — спросил Петр у генерала.

— Офицер Вяземский, — ответил генерал.

Про боярские бороды

Жили в Москве бояре Буйносов и Курносов. И род имели давний, и дома от богатства ломились, и мужиков крепостных у каждого не одна тысяча.

Но больше всего бояре гордились своими бородами. А бороды у них были большие, пушистые. У Буйносова — широкая, словно лопата, у Курносова — длинная, как лошадиный хвост.

И вдруг вышел царский указ: брить бороды. При Петре заводили на Руси новые порядки: и бороды брить приказывали, и платье иноземного образца заводить, и кофе пить, и табак курить, и многое другое.

Узнав про новый указ, Буйносов и Курносов вздыхали-охали. Бороды договорились не брить, а чтобы царю на глаза не попадаться, решили притвориться больными.

Вскоре сам царь о боярах вспомнил, вызвал к себе.

Стали бояре спорить, кому идти первому.

— Тебе идти, — говорит Буйносов.

— Нет, тебе, — отвечает Курносов.

Кинули жребий, досталось Буйносову.

Пришел боярин к царю, бросился в ноги.

— Не губи, государь, — просит, — не срами на старости лет!

Ползает Буйносов по полу, хватает царскую руку, пытается поцеловать.

— Встань! — крикнул Петр. — Не в бороде, боярин, ум — в голове.

А Буйносов стоит на четвереньках и все свое твердит: «Не срами, государь».

Разозлился тогда Петр, кликнул слуг и приказал силой боярскую бороду резать.

Вернулся Буйносов к Курносову весь в слезах, держится рукой за голый подбородок, толком рассказать ничего не может.

Страшно стало Курносову идти к царю. Решил боярин бежать к Меншикову, просить совета и помочи.

— Помоги, Александр Данилыч, поговори с царем, — просит Курносов.

Долго думал Меншиков, как начать разговор с Петром. Наконец пришел, говорит:

— Государь, а что, если с бояр за бороды брать выкуп? Хоть казне польза будет.

А денег в казне как раз было мало. Подумал Петр, согласился.

Обрадовался Курносов, побежал, уплатил деньги, получил медную бляху с надписью: «Деньги взяты». Надел Курносов бляху на шею, словно крест. Кто остановит, привяжется, почему бороду не отстриг, он бороду приподымает и бляху показывает.

Еще больше теперь загордился Курносов, да зря. Прошел год, явились к Курносову сборщики налогов, потребовали новой уплаты.

— Как так! — возмутился Курносов. — Деньги мной ужеплачены! — и показывает медную бляху.

— Э, да этой бляхе, — говорят сборщики, — срок кончился. Плати давай за новую.

Пришлось Курносову опять платить. А через год и еще раз. Призадумался тогда Курносов, прикинул умом. Выходит, что скоро от всех курносовских богатств ничего не останется. Только одна борода и будет.

А когда пришли сборщики в третий раз, смотрят — сидит Курносов без бороды, злыми глазами на сборщиков смотрит.

На следующий день Меншиков рассказал царю про курносовскую бороду. Петр рассмеялся.

— Так им, дуракам, и нужно, — сказал, — пусть к новым порядкам привыкают. А насчет денег это ты, Данилыч, умно придумал. С одной курносовской бороды, поди, мундиров на целую дивизию нашили.

Чему молодые бояре за границей учились

Не успели Буйносов и Курносов забыть старые царские обиды, как тут новая. Приказал Петр собрать пятьдесят самых знатных боярских сыновков и послать за границу учиться. Пришлось Буйносову и Курносову отправлять и своих сыновей.

Поднялся в боярских домах крик, плач. Бегают мамки^[4], суетятся люди, словно не проводы, а горе в доме.

Расходилась буйносовская жена.

— Единого сына — и Бог знает куда, в иноземщину, черту в зубы, немцу в пасть! Не пущу! Не отdam!

— Цыц! — закричал Буйносов на жену. — Государев приказ, дура! В Сибирь захотела, на виселицу?

И в доме Курносова крику не меньше. И Курносову пришлось закричать на жену:

— Дура! Плетью обуха не перешибешь, от царя-супостата не уйдешь! Терпи, старая.

Через год молодые бояре вернулись. Вызвали их к царю определять на государеву службу.

— Ну, рассказывай, Буйносов, сын боярский, — потребовал Петр, — как тебе жилось за границей.

— Хорошо, государь, жилось, — отвечает Буйносов. — Народ они ласковый, дружный, не то что наши мужики — рады друг другу вороту вцепиться.

— Ну, а чему научился?

— Многому, государь. Вместо «батюшка» — «фаттер» говорить научился, вместо «матушка» — «муттер».

— Ну, а еще чему? — допытывался Петр.

— Кланяться еще, государь, научился и двойным и тройным поклоном, танцевать научился, в заморские игры играть умею.

— Да, — сказал Петр, — многому тебя научили. Ну, а как тебе за границей понравилось?

— Ух, как понравилось, государь! Хочу в Посольский приказ [5]: уж больно мне любо за границей жить.

— Ну, а ты что скажешь? — спросил Петр молодого Курносова.

— Да что сказать, государь... Спрашивай.

— Ладно, — говорит Петр. — А скажи мне, Курносов, сын боярский, что такое есть фортификация?

— Фортификация, государь, — отвечает Курносов, — есть военная наука, имеющая целью прикрыть войска от противника. Фортификацию надобно знать каждому военному начальнику, аки свои пять пальцев.

— Дельно, — говорит Петр. — Дельно. А что такое есть лоция?

— Лоция, государь, — отвечает Курносов, — есть описание моря или реки, с указанием на оном отмелей и глубин, ветров и течений, всего того, что помехой на пути корабля может стать. Лоция, государь, первейшее, что надобно знать, берясь за дела мореходные.

— Дельно, дельно, — опять говорит Петр. — А еще чему научился?

— Да ко всему делу, государь, присматривался, — отвечает Курносов, — и как корабли строить, и как там рудное дело поставлено, и чем от болезней лечат. Ничего, спасибо голландцам и немцам. Народ они знающий, хороший народ. Только, думаю, государь, не пристало нам свое, российское, хаять ...

... Не хуже и у нас страна, и люди у нас не хуже, и добра не меньше.

— Молодец! — сказал Петр. — Оправдал, утешил. — И Петр поцеловал молодого Курносова. — А ты, — сказал Петр, обращаясь к Буйносову, — видать, как дураком был, так и остался. За границу захотел! Ишь, тебе Россия не дорога. Пошел прочь с моих глаз!

Так и остался молодой Буйносов в безызвестности. А Курносов в скором времени стал видным человеком в государстве.

Аз, буки, веди...

На Руси в то время было мало грамотных людей. Учили ребят кое-где при церквях да иногда в богатых домах имели приглашенных учителей.

При Петре стали открываться школы. Назывались школы цифирными. Изучали в них грамматику, арифметику и географию.

Открыли школу и в городе Серпухове, что на полпути между Москвой и Тулой. Приехал учитель.

Явился учитель в школу, ждет учеников. Ждет день, второй, третий — никто не идет.

Собрался тогда учитель, стал ходить по домам, выяснять, в чем дело. Зашел в один дом, вызвал хозяина, местного купца.

— Почему, — спрашивает, — сын в школу не ходит?

— Нечего ему там делать! — отвечает купец. — Мы без грамоты жили, и он проживет. Бесовское это занятие — школа.

Зашел учитель в дом к сапожных дел мастеру.

— Да разве это нашего ума дело — школа! — отвечает мастер. — Наше дело — сапоги тачать. Нечего понапрасну время изводить, всякую брехню слушать!

Пошел тогда учитель к серпуховскому воеводе, рассказывает, в чем дело. А воевода только руками разводит.

— А что я могу поделать! — говорит. — Дело оно отцовское. Тут кому что: одному — грамота, а другому, поди, грамота и не нужна.

Смотрит учитель на воеводу, понимает, что проку от него не будет, обозлился, говорит:

— Раз так, я самому государю отпишу.

Посмотрел воевода на учителя. Вид у него решительный. Понял: сдержит свою угрозу.

— Ладно, не торопись, — говорит, — ступай в школу.

Вернулся учитель в школу, стал ждать. Вскоре слышит за окном топот. Посмотрел: идут солдаты с ружьями, ведут ребят.

Целую неделю ребят сопровождали солдаты. А потом ничего, видать, отцы смирились, привыкли. Ученики сами стали в школу бегать.

Стал учитель обучать ребят грамматике. Начали с букв.

— Аз, — говорил учитель. (Это означает буква «а».)

— Аз, — хором повторяют ученики.

— Буки, — говорит учитель. (Это значит буква «б».)

— Буки, — повторяют в классе.

— Веди...

Потом пошла арифметика.

— Един и един, — говорит учитель, — будет два.

— Един и един — два, — повторяют ученики.

Вскоре научились ребята и буквы писать, и цифры складывать.

Узнали, где есть Каспийское море, где Черное, где Балтийское. Многому научились ребята.

А как-то раз через Серпухов в Тулу ехал Петр. Заночевал царь в Серпухове, а утром решил зайти в школу. Прослышал Петр, что отцы неохотно отдают детей учиться. Решил проверить. Входит Петр в класс, а там полным-полно ребят. Удивился Петр, спрашивает учителя, как он столько учеников собрал.

Учитель рассказал все, как было.

— Вот здорово! — засмеялся Петр. — Молодец воевода. Это по-нашему. Верно. Накажу-ка, чтобы и в других местах в школу ребят силой тащили. Людишки-то у нас хилы умом, не понимают своей выгоды, о делах государства не заботятся. А грамотные люди нам ой как нужны! Смерть России без знающих людей.

Радуйся малому, тогда и большое придет

— Пора бы нам и свою газету иметь, — не раз говорил Петр своим приближенным. — От газеты и купцу, и боярину, и горожанину — всем польза.

И вот Петр как-то исчез из дворца. Не появлялся до самого вечера, и многие уже подумали, не случилось ли с царем чего дурного.

А Петр в это время отбирал вместе с печатным мастером Федором Поликарповым материалы к первому номеру русской газеты.

Поликарпов, высокий, худой как жердь, с очками на самом конце носа, стоит перед царем навытяжку, словно солдат, читает:

— Государь, с Урала, из Верхотурска, сообщают, что тамошними мастерами отлито немало пушек.

— Пиши, — говорит Петр, — пусть все знают, что потеря под Нарвой есть ничто с тем, что желаючи можно сделать.

— А еще, государь, сообщают, — продолжал Поликарпов, — что в Москве отлито из колокольного чугуна четыреста пушек.

— И это пиши, — говорит Петр, — пусть знают, что Петр снимал колокола не зря.

— А с Невьянского завода, от Никиты Демидова, пишут, что заводские мужики бунт учинили и теперь боярам и купцам от них житья нет.

— А это не пиши, — говорит Петр. — Распорядись лучше послать солдат да за такие дела мужикам всыпать.

— А из Казани, государь, пишут, — продолжает Поликарпов, — что нашли там немало нефти и медной руды.

— А это пиши, — говорит Петр, — пусть знают, что на Руси богатств — край непочатый, не считаны еще те богатства...

Сидит Петр, слушает. Потом берет бумаги. На том, что печатать, ставит красный крест, ненужное откладывает в сторону.

Поликарпов докладывает все новое и новое. И о том, что индийский царь послал московскому царю слона, и что в Москве за месяц родилось триста восемьдесят шесть человек мужского и женского полу, и многое другое.

— А еще, — говорит Петр, — напиши, Федор, про школы, да здорово — так, чтобы все пользу от этого дела видели.

Через несколько дней газету напечатали. Назвали ее «Ведомости». Газета получилась маленькая, шрифт мелкий, читать трудно, полей нет, бумага серая. Газета так себе. Но Петр доволен: первая. Схватил «Ведомости», побежал во дворец. Кого ни встретит, газету показывает.

— Смотри, — говорит, — газета, своя, российская, первая!

Встретил Петр и князя Головина. А Головин слыл знающим человеком, бывал за границей, знал языки чужие.

Посмотрел Головин на газету, скривил рот и говорит:

— Ну и газета, государь! Вот я был в немецком городе Гамбурге, вот там газета так газета!

Радость с лица Петра как рукой сняло. Помрачнел, нахмурился.

— Эх, ты! — проговорил ...

— Не тем местом, князь, мыслишь. А еще Головин! А еще князь! Нашел чем удивить — «в немецком городе Гамбурге»! Сам знаю. Лучше, да чужое. Чай, и у них не сразу все хорошо было. Дай срок. Радуйся малому, тогда и большое придет.

Про Данилу

Данила на всю округу умным мужиком слыл. О всяком деле имел свое понятие.

После Нарвы на селе только и разговоров было, что про шведов, короля Карла, царя Петра и дела воинские.

— Силен швед, силен, — говорили мужики, — не нам чета. И зачем нам море? Жили и проживем без моря.

— Вот и неправда, — говорил Данила. — Не швед силен, а мы слабы. И про море неверно. Нельзя России без моря. И рыбу ловить, и торговлю водить, для многого море надобно.

А когда колокола снимали, в деревне опять несколько дней стоял шум.

— Конец света приходит! — кричал дьякон и рвал на себе волосы.

Бабы плакали, крестились, мужики ходили угрюмые, все ждали беды. А Данила и здесь не как все. Опять по-своему.

— Так и надо, — говорил. — Тут интерес для государства дороже, чем колокола. Господь Бог за такие дела не осудит.

— Богохульник! — назвал тогда Данилу батюшкой и с той поры затаил на него великую злобу.

А вскоре Петр ввел новые налоги. Застонали мужики, потащили в казну последние крохи.

— Ну, как тебе, — спрашивали они Данилу, — новые царевы порядки? Опять верно?

— Нет, — отвечал Данила, — у меня с царем не во всем согласие общее.

— Ишь ты! — огрызнулись мужики. — У него с царем! Нашел дружка-приятеля. Царь на тебя и смотреть не станет.

— Мало что не станет, а думать по-своему не запретит, — отвечал Данила. — Что славу государству добывает, за то Петру спасибо, а что с мужика три шкуры дерет — придет время, быть ему за это в ответе.

Соглашаются мужики с Данилой, кивают головой. А один возьми и выкрикни:

— А ты самому царю про то скажи!

— И скажу, — ответил Данила.

И сказал. Только произошло это не сразу и вот как.

Кто-то донес про Даниловы речи властям. Приехали в село солдаты, связали Данилу, повезли в Москву к начальнику, к самому князю Ромодановскому.

Скрутили Даниле руки, вздернули на дыбу, стали пытать.

— Что про государя говорил, кто надоумил? — спрашивает князь Ромодановский.

— А что говорил, то ветер унес, — отвечает Данила.

— Что? — закричал Ромодановский. — Да за такие речи на кол тебя, смутьяна поганого!

— Сажай, — отвечает Данила. — Мужику все едино, где быть. Может, на колу еще лучше, чем гнуть на бояр спину.

Разозлился князь Ромодановский, схватил железный, раскаленный в огне прут и давай к голому телу Данилы прикладывать. Обессилел Данила, повис, словно мочало.

А в это время в избу вошел Петр.

— За что человек на дыбе?

— Смутьян, — говорит князь. — Супротив власти, государь, худое молвит.

Подошел Петр к Даниле. Приоткрыл тот глаза, смотрит — перед ним царь. Набрался тогда Данила сил и произнес:

— Эх, государь, великое ты дело затеял, да только простому люду житья не стало. Выбили все из народа, словно грабители на большой дороге. Не забудет, государь, народ про такие дела, не помянет добрым словом.

И снова закрыл Данила глаза, уронил на волосатую грудь голову. А Петра словно изнутри обожгло. Дернул головой влево, вправо, метнул гневный взор на Данилу.

— Вешай! — закричал словно ужаленный и пошел из избы прочь.

Город у моря

Вскоре царь Петр начал новую войну со шведами. Русские войска одержали первые победы и вышли к Финскому заливу, к тому месту, где в залив впадает река Нева.

Пустынны берега Невы: леса, топи да непролазные чащи. И проехать трудно, и жить негде. А место важное: море.

Через несколько дней Петр забрал Меншикова, сел в лодку и поехал к морю. При самом впадении Невы в море — остров. Вылез Петр из лодки, стал ходить по острову. Остров длинный, ровный как ладошка. Хохолками торчат хилье кусты, под ногами мох, сырость.

— Ну и место, государь! — проговорил Меншиков.

— Что — место? Место как место, — ответил Петр. — Знатное место: море.

Пошли дальше. Вдруг Меншиков провалился по колена в болото. Рванул ноги, стал на четвереньки, пополз на сухое место. Поднялся весь в грязи, посмотрел на ноги — одного ботфорта нет.

— Ай да Алексашка, ай да вид! — рассмеялся Петр.

— Ну и места проклятые! — с обидой проговорил Меншиков. — Государь, пошли назад. Нечего эти болота мерить.

— Зачем же назад, иди вперед, Данилыч. Чай, хозяйствовать сюда пришли, а не гостями, — ответил Петр и зашагал к морю.

Меншиков нехотя поплелся сзади.

— А вот смотри, — обратился Петр к Меншикову. — Жизни, говоришь, никакой нет, а это тебе что, не жизнь?

Петр подошел к кочке, осторожно раздвинул кусты, и Меншиков увидел гнездо. В гнезде сидела птица. Она смотрела на людей, не улетала.

— Ишь ты, — проговорил Меншиков, — смелая!

Птица вдруг взмахнула крылом, взлетела, стала носиться вокруг куста.

Наконец Петр и Меншиков вышли к морю. Большое, мрачное, оно верблюжьими горбами катило свои волны, бросало о берег, било о гальку.

Петр стоял, расправив плечи, дышал всей грудью. Морской ветер трепал полы кафана, то поворачивая лицевой зеленою стороной, то внутренней — красной. Петр смотрел вдаль. Там, за сотни верст на запад, лежали иные страны, иные берега.

Меншиков сидел на камне, переобувался.

— Данилыч, — произнес Петр.

То ли Петр произнес тихо, то ли Меншиков сделал вид, что не слышит, только он не ответил.

— Данилыч! — вновь проговорил Петр.

Меншиков насторожился ...

...

— То-то. Выходит, не зря сюда мы хаживали, проливали кровь и пот русский.

— Не зря, государь.

— И колокола, выходит, не зря снимали. И заводы строили. И школы...

— Верно. Верно, — поддакивает Меншиков.

— Данилыч, так и нам теперь не грех выпить. Не грех, Данилыч?

— Правильно, государь.

— Так за что пить будем?

— За государя Петра Алексеича! — выпалил Меншиков.

— Дурак! — оборвал Петр. — За море пить надобно, за славу российскую.

Пакет

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе [6].

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого. Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как — не вам? — поразился посыльный. — Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — все как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!

— Ну что? — остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне, — произнес Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне, — произнес Суворов и распечатал пакет.

Бить, а не считать

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг. Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, искалесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастье и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперед! — кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперед! — закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары! — попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич, — говорит, — прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

Дерзость

Шла война с турками. Суворов был уже генералом.

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото.

Позиция для пушек — лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба, — на турецкую артиллерию сзади. Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий.

Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

— Дерзкий так дерзкий, — усмехнулся Суворов. — Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чем пустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, и те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Иловайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

— Суворову повезло, — говорил Иловайский. — А я что, хуже? И мне повезет.

Только Иловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики.

Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат.

Много солдат погибло. Иловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно ...

...

— То-то. Выходит, не зря сюда мы хаживали, проливали кровь и пот русский.

— Не зря, государь.

— И колокола, выходит, не зря снимали. И заводы строили. И школы...

— Верно. Верно, — поддакивает Меншиков.

— Данилыч, так и нам теперь не грех выпить. Не грех, Данилыч?

— Правильно, государь.

— Так за что пить будем?

— За государя Петра Алексеича! — выпалил Меншиков.

— Дурак! — оборвал Петр. — За море пить надо, за славу российскую.

Пакет

За непослушание императору Суворов был отстранен от армии. Жил фельдмаршал в селе Кончанском. В бабки играл с мальчишками, помогал звонарю бить в церковные колокола. В святые праздники пел на клиросе [6].

А между тем русская армия тронулась в новый поход. И не было на Руси второго Суворова. Тут-то и вспомнили про Кончанское.

Прибыл к Суворову на тройке молодой офицер, привез фельдмаршалу пакет за пятью печатями от самого государя императора Павла Первого. Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Графу Александру Суворову в собственные руки».

Покрутил фельдмаршал пакет в руках, вернул офицеру.

— Не мне, — говорит. — Не мне.

— Как — не вам? — поразился посыльный. — Вам. Велено вам в собственные руки.

— Не мне. Не мне, — повторил Суворов. — Не задерживай. Мне с ребятами в лес по грибы-ягоды надо идти.

И пошел.

Смотрит офицер на пакет — все как полагается: и «графу» и «Александру Суворову».

— Александр Васильевич! — закричал. — Ваше сиятельство!

— Ну что? — остановился Суворов.

— Пакет...

— Сказано — не мне, — произнес Суворов. — Не мне. Видать, другому Суворову.

Так и уехал ни с чем посыльный.

Прошло несколько дней, и снова в Кончанское прибыл на тройке молодой офицер. Снова привез из Петербурга от государя императора пакет за пятью печатями.

Глянул Суворов на пакет, прочитал:

«Фельдмаршалу российскому Александру Суворову».

— Вот теперь мне, — произнес Суворов и распечатал пакет.

Бить, а не считать

Впервые Суворов попал на войну совсем молодым офицером. Россия в то время воевала с Пруссией. И русские и прусские войска растянулись

широким фронтом. Армии готовились к грозным боям, а пока мелкими набегами «изучали» друг друга.

Суворову выделили сотню казаков и поручили наблюдать за противником.

В сорока верстах от корпуса, в котором служил Суворов, находился прусский городок Ландсберг. Городок небольшой, но важный. Стоял он на перепутье проезжих дорог. Охранял его хорошо вооруженный отряд прусских гусар.

Ходил Суворов несколько раз со своей сотней в разведку, искалесил всю округу, но, как назло, даже издали ни одного пруссака не увидел.

А что же это за война, если даже не видишь противника!

И вот молодой офицер решил учинить настоящее дело, попытать счастье и взять Ландсберг. Молод, горяч был Суворов.

Поднял он среди ночи сотню, приказал седлать лошадей.

— Куда это? — заволновался казачий сотник.

— Вперед! — кратко ответил Суворов.

До рассвета прошла суворовская сотня все сорок верст и оказалась на берегу глубокой реки, как раз напротив прусского города.

Осмотрелся Суворов — моста нет. Сожгли пруссаки для безопасности мост. Оградили себя от неожиданных нападений.

Постоял Суворов на берегу, подумал и вдруг скомандовал:

— В воду! За мной! — и первым бросился в реку.

Выбрались казаки на противоположный берег у самых стен вражеского города.

— Город наш! Вперед! — закричал Суворов.

— В городе же прусские гусары! — попытался остановить Суворова казачий сотник.

— Помилуй бог, так это и хорошо! — ответил Суворов. — Их как раз мы и ищем.

Понял сотник, что Суворова не остановишь.

— Александр Васильевич, — говорит, — прикажите хоть узнать, много ли их.

— Зачем? — возразил Суворов. — Мы пришли бить, а не считать.

Казаки ворвались в город и разбили противника.

Дерзость

Шла война с турками. Суворов был уже генералом.

В бою под Фокшанами турки расположили свою артиллерию так, что с тыла, за спиной, у них оказалось болото.

Позиция для пушек — лучше не сыщешь: сзади неприятель не подойдет, с флангов не обойдет. Спокойны турки.

Однако Суворов не побоялся болота. Прошли суворовские богатыри через топи и, как гром среди ясного неба, — на турецкую артиллерию сзади.

Захватил Суворов турецкие пушки.

И турки, и австрийцы, и сами русские сочли маневр Суворова за рискованный, дерзкий.

Хорошо, что прошли через топи солдаты, а вдруг не прошли бы?!

— Дерзкий так дерзкий, — усмехнулся Суворов. — Дерзость войскам не помеха.

Однако мало кто знал, что, прежде чемпустить войска через болота, Суворов отрядил бывалых солдат, и те вдоль и поперек излазили топи и выбрали надежный путь для своих товарищей. Суворов берег солдат и действовал наверняка.

Месяц спустя в новом бою с турками полковник Иловайский решил повторить дерзкий маневр Суворова.

Обстановка была схожей: тоже турецкие пушки и тоже болото.

— Суворову повезло, — говорил Иловайский. — А я что, хуже? И мне повезет.

Только Иловайскому не повезло. Повел полковник солдат, не зная дороги. Завязли солдаты в болоте. Стали тонуть. Поднялся шум, крики.

Поняли турки, в чем дело. Развернули свои пушки и расстреляли русских солдат.

Много солдат погибло. Иловайский, однако, спасся.

Суворов разгневался страшно ...

.. Кричал и ругался до хрипоты.

— Так я же хотел, как вы, чтобы дерзость была, — оправдывался Илловайский.

— «Дерзость»! — кричал Суворов. — Дерзость есть, а где же умение?!

За напрасную гибель солдат Суворов разжаловал полковника в рядовые и отправил в обозную команду.

— Ему людей доверять нельзя, — говорил Суворов. — При лошадях он безопаснее.

Измаил

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил: стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и две тысячи пушек. А кроме того, шел вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст.

Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил лежит. Нет российскому солдату другой дороги отсель!

И началась под Измаилом необычная жизнь. Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать.

Так и бегают солдаты то к валу, то назад. А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться.

— Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент.

Несколько дней занимался Суворов с солдатами, а потом послал к турецкому генералу послов — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал гордо ответил:

— Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил.

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм крепости. Повторили солдаты все, чему учил их Суворов: перешли ров, поднялись на крепостной вал, по штурмовым лестницам поползли на стены.

Лихо бились турки, только не удержали они русских солдат. Ворвались суворовские войска в Измаил, захватили в плен всю турецкую армию.

Лишь один турок невредимым ушел из крепости. Дрожащий от страха, он прибежал в турецкую столицу и рассказал о новом подвиге русских солдат и новой победе генерала Суворова.

Медаль

Молодой, необстрелянный солдат Кузьма Шапкин во время боя у реки Рымник струсил и весь день просидел в кустах.

Не знал Шапкин, что Суворов его приметил.

В честь победы над турками в суворовскую армию были присланы ордена и медали. Построили офицеры свои полки и роты. Прибыл к войскам Суворов, стал раздавать награды.

Стоял Шапкин в строю и ждал, чтобы скорее все это кончилось. Совестно было солдату.

И вдруг... Шапкин вздрогнул, решил, что услышался.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — закричал Суворов.

Стоит солдат, словно в землю ногами вкопанный, не шелохнется.

— Гренадер Шапкин, ко мне! — повторил Суворов.

— Ступай же, ступай, — подтолкнули Кузьму солдаты.

Вышел Шапкин, потупил глаза, покраснел. А Суворов раз — и медаль ему на рубаху.

Вечером солдатам раздали по чарке вина. Расселись солдаты у палаток, стали вспоминать подробности боя, перечислять, за что и кому какие награды. Одному — за то, что придумал, как отбить у турок окопы. Другому

— за турецкий штандарт[7]. Третьему — за то, что один не оробел перед десятком турок и хоть изнемог в ранах, а в плен не дался.

— Ну, а тебе за что же медаль? — спрашивают солдаты у Шапкина.

А тому и ответить нечего.

Носит Шапкин медаль, да покоя себе не находит. Товарищей сторонится. Целыми днями молчит.

— Тебе что же, медаль язык придавила? — шутят солдаты.

Прошла неделя, и совсем изголодала совесть солдата. Не выдержал Шапкин, пошел к Суворову. Входит в палатку и возвращает медаль.

— Помилуй бог! — воскликнул Суворов. — Награду назад!

Опустил Шапкин голову низко-низко, к самому полу, и во всем признался Суворову. «Ну, — думает, — пропадай моя голова».

Рассмеялся Суворов, обнял солдата.

— Молодец! — произнес. — Знаю, братец, без тебя все знаю. Хотел испытать . Добрый солдат. Добрый солдат. Памятуй: героем не рождаются, героем становятся. Ступай. А медаль, ладно, пусть полежит у меня. Тебе заслужить. Тебе и носить.

Не ошибся Суворов.

В следующем бою Шапкин первым ворвался в турецкую крепость, заслужил и медаль и великую славу.

Мосты

Русские сражались в Италии. Против Суворова действовали французские генералы. Выбирали французы удобное для себя место — такое, чтобы наверняка разгромить Суворова. Отступили они к реке Адде. Перешли на ту сторону. Сожгли за собою мосты. «Вот тут, — решили, — при переправе, мы и уничтожим Суворова».

А для того чтобы Суворов их план не понял, сделали французские генералы вид, что отходят дальше. Весь день отступали в сторону от реки, а затем вернулись назад и спрятали своих солдат в кустах и оврагах.

Вышел Суворов к реке. Остановился. Приказал наводить мосты. Два моста, один недалеко от другого. Засучили солдаты рукава. Топоры в руки.

Закипела работа. Соревнуются солдаты между собой. На каждом мосту норовят управиться первыми.

Наблюдают французские дозорные за рекой. Через каждый час доносят своим генералам, как у русских идет работа.

Довольны французские генералы. Все идет точно по плану ...

... Потирают от радости руки. Ну, попался Суворов!

Хитрыми были французы. Однако Суворов оказался хитрее.

Когда мосты были почти готовы, снял он вдруг среди ночи свою армию и двинул вниз по берегу Адды.

— А мосты, ваше сиятельство? — забеспокоились саперные офицеры.

— Молчок, — приложил палец ко рту Суворов. — Мосты строить. Шибче стучать топорами.

Стучат топоры над рекой, а фельдмаршал тем временем отвел свою армию вниз по ее течению и переправил вброд, безо всяких мостов на вражеский берег.

Спокойны французские генералы. Знают: мосты не готовы. Успокаивает французов топорный стук над рекой. Не волнуются генералы.

И вдруг... Со спины, с тыла, явился Суворов.

— Ура! Чудо-богатыри, за мной!..

Поняли генералы, в чем дело, да поздно. Не ожидали русских французы. Дрогнули и побежали. Только офицеров одних более двухсот попало в руки к Суворову.

Мосты все же достроили. Как же быть без мостов, раз в армии не только чудо-солдаты, но и обозы и артиллерия.

Впереди и позади

В ночь перед штурмом Туринा Суворов в сопровождении двух офицеров, майора Пронина и капитана Забелина, выехал на разведку. Хотел фельдмаршал сам осмотреть подступы к городу, а офицерам наказал взять бумагу и срисовывать план местности.

Ночь тихая, светлая, луна и звезды. Места красивые: мелкие перелески, высокие тополя.

Едет Суворов, любуется.

Подъехали они почти к самому городу, остановились на бугорочке.

Слезли офицеры с коней. Взяли в руки бумагу. Майор Пронин смельчак — все поближе к городу ходит. А капитан Забелин наоборот — за спиной у Суворова.

Прошло минут двадцать, и вдруг началась страшная канонада. То ли французы заметили русских, то ли просто решили обстрелять дорогу, только ложатся неприятельские ядра у самого бугорчка, рядом с Суворовым, вздымают землю вокруг фельдмаршала.

Сидит Суворов на коне, не движется. Смотрит — и майор Пронин не испугался, ходит под ядрами, перерисовывает план местности. А Забелина нет. Исчез куда-то Забелин.

Услышали в русских войсках страшную канонаду, забеспокоились о Суворове. Примчался казачий разъезд к Турину.

— Ваше сиятельство, — кричит казачий сотник, — отъезжайте, отъезжайте! Место опасное!

— Нет, сотник, — отвечает Суворов, — место прекрасное. Гляди, — показал на высокие тополя, — лучшего места не надо. Завтра отсюда начнем атаку.

Кончилась канонада. Собрался Суворов ехать назад. Крикнул Пронина. Крикнул Забелина.

Подошел Пронин — бумажный лист весь исписан: где какие овражки, где бугорочки — все, как надо, указано. А Забелина нет. Стали искать капитана

. Нашли метрах в двухстах за Суворовым. Лежит Забелин с оторванной неприятельским ядром головой, рядом чистый лист бумаги валяется.

Взглянул Суворов на Пронина, взглянул на Забелина, произнес:

— Храбрый всегда впереди, труса и позади убивают.

Суп и каша

Суворовская армия совершила стремительный переход. Остановились войска ночевать в лесу на косогоре, у самой речки.

Разложили солдаты походные костры, стали варить суп и кашу.

Сварили, принялись есть. А генералы толпятся около своих палаток, ждут Лушку. Лушка — генеральский повар. Отстал Лушка где-то в пути, вот и томятся генералы, сидят не кормлены.

— Что же делать? — говорит Суворов. — Пошли к солдатским кострам, господа генералы.

— Да нет уж, — отвечают генералы, — мы подождем. Вот-вот Лушка приедет.

Знал Суворов, что генералам солдатская пища не по нутру. Спорить не стал.

— Ну, как хотите.

А сам к ближайшим кострам на огонек.

Потеснились солдаты, отвели Суворову лучшее место, дали миску и ложку.

Уселся Суворов, принял суп. К солдатской пище фельдмаршал приучен. Ни супом, ни кашей не брезгует. Ест, наедается всласть.

— Ай да суп, славный суп! — нахваливает Суворов.

Улыбаются солдаты. Знают, что фельдмаршала на супе не проведешь: значит, и вправду суп хороший сварили.

Поел Суворов суп, взялся за кашу.

— Хороша каша, добрая каша!

Наелся Суворов, поблагодарил солдат, вернулся к своим генералам. Улегся фельдмаршал спать, уснул богатырским сном. А генералам не спится. Ворочаются с боку на бок. От голода мучаются. Ждут Лушку.

К утру Лушка не прибыл.

Поднял Суворов войска, двинулась армия в дальнейший поход. Едут генералы понурые, в животах бурчит — есть хочется. Промучились бедные до нового привала. А когда войска остановились, так сразу же за Суворовым к солдатским кострам: не помирать же от голода.

Расселись, ждут не дождутся, когда же солдатская пища сварится.

Усмехнулся Суворов. Сам принял раздавать генералам суп и кашу. Каждому дает, каждому выговаривает:

— Ешь, ешь, получай. Да впредь не брезгуй солдатским. Не брезгуй солдатским. Солдат — человек. Солдат мне себя дороже.

Прошка

Когда Прошка попал в денщики к Суворову, солдат немало обрадовался.
«Повезло! — подумал. — Не надо будет рано вставать. Никаких ротных занятий, никакого режима ...

.. Благодать!»

Однако в первый же день Прошку постигло великое разочарование. В четыре часа утра кто-то затряс солдата за ногу.

Приоткрыл Прошка глаза, смотрит — Суворов.

— Вставай, добрый молодец, — говорит Суворов. — Долгий сон не товарищ богатырю русскому.

Оказывается, Суворов раньше всех подымался в армии.

Поднялся Прошка, а тут и еще одна неприятность. Приказал фельдмаршал притащить ведро холодной воды и стал обливаться.

Натирает Суворов себе и шею, и грудь, и спину, и руки. Смотрит Прошка, выпучил глаза, — вот так чудо!

— Ну, а ты что? — закричал Суворов. И приказал Прошке тоже облиться.

Ежится солдат с непривычки, вскрикивает от холода. А Суворов смеется.

— В здоровом теле, — говорит, — здоровый дух. — И снова смеется.

После обливания вывел Суворов Прошку на луг. Побежал фельдмаршал.

— Догоняй! — закричал солдату.

Полчаса вслед за Суворовым Прошка бегал. Солдат запыхался, в боку закололо. Зато Суворов хоть и стар, а словно с места не двигался. Стоит и снова смеется.

И началась у Прошки не жизнь, а страдание. То устроит Суворов осмотр оборонительным постам — и Прошка целые сутки в седле трястется, то учинит поверкуочных караулов — и Прошке снова не спать. А тут ко всему принял Суворов изучать турецкий язык и Прошку заставил.

— Да зачем мне басурманская речь? — запротивился было солдат.

— Как — зачем! — обозлился Суворов. — Турки войну готовят. С турками воевать.

Пришлось Прошке смириться. Засел он за турецкий букварь, потел, бедняга, до седьмого пота.

Мечтал Прошка о тихом месте — не получилось. Хотел было назад попроситься в роту. Потом привык, привязался к фельдмаршалу и до конца своих дней верно служил Суворову.

Настоящий солдат

Подошел как-то Суворов к солдату и сразу в упор:

— Сколько от Земли до Месяца?[\[8\]](#)

— Два суворовских перехода! — гаркнул солдат.

Фельдмаршал аж крякнул от неожиданности. Вот так ответ! Вот так солдат!

Любил Суворов, когда солдаты отвечали находчиво, без запинки. Приметил он молодца. Понравился фельдмаршалу солдатский ответ, однако и за себя стало обидно.

«Ну, — думает, — не может быть, чтобы я, Суворов, и вдруг не поставил солдата в тупик».

Встретил он через несколько дней находчивого солдата и снова в упор:

— Сколько звезд на небе?

— Сейчас, ваше сиятельство, — ответил солдат, — сочту, — и уставился в небо.

Ждал, ждал Суворов, продрог на ветру, а солдат не торопясь звезды считает.

Сплюнул Суворов с досады. Ушел. «Вот так солдат! — снова подумал. — Ну, уж на третий раз, — решил фельдмаршал, — я своего добьюсь: загоню в тупик солдата».

Встретил солдата он в третий раз и снова с вопросом:

— Ну-ка, молодец, а скажи-ка мне, как звали мою прародительницу?

Доволен Суворов вопросом: откуда же знать простому солдату, как звали фельдмаршальскую бабку. Потер Суворов от удовольствия руки и только хотел сказать: «Ну, братец, попался!» — как вдруг солдат вытянулся во фронт[\[9\]](#) и гаркнул:

— Виктория[\[10\]](#), ваше сиятельство!

— Вот и не Виктория! — обрадовался Суворов.

— Виктория, Виктория, — повторил солдат. — Как же так может быть, чтобы у нашего фельдмаршала и вдруг в прародительницах не было Виктории!

Опесил Суворов. Ну и ответ! Ну и хитрый солдат попался!

— Ну, раз ты такой хитрый, — произнес Суворов, — скажи мне, какая разница между твоим ротным командиром и мной?

— А та, — не раздумывая ответил солдат, — что ротный командир хотя бы и желал произвести меня в сержанты, да не может, а вашему сиятельству стоит только захотеть, и я...

Что было делать Суворову? Пришлось ему произвести солдата в сержанты.

Возвращался Суворов в свою палатку и восхищался:

— Помилуй Бог, как провел! Вот это да! Вот это солдат! Помилуй Бог, настоящий солдат! Российский!

Сторонись!

Суворов любил лихую езду.

То ли верхом, то ли в возке, но непременно так, чтобы дух захватило, чтобы ветер хлестал в лицо.

Дело было на севере

. Как-то Суворов уселся в санки и вместе с Прошкой отправился в объезд крепостей. А в это время из Петербурга примчался курьер, важные бумаги привез Суворову. Осадил офицер разгоряченных коней у штабной избы, закричал:

— К фельдмаршалу срочно, к Суворову!

— Уехал Суворов, — объяснили курьеру.

— Куда?

— В крепость Озерную.

Примчался офицер в Озерную:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В крепость Ликолу.

Примчался в Ликолу:

— Здесь Суворов?

— Уехал.

— Куда?

— В Кюмень-град.

Прискакал в Кюмень-град:

— Здесь Суворов?

— Уехал...

Уехать Суворов уехал, да застрял в пути. Один из коней захромал. Пришлось повернуть назад. Двигались шагом, едва тащились. Прошка сидел на козлах, дремал. Суворов нервничал, то и дело толкал денщика в спину, требовал погонять лошадей.

— Нельзя, нельзя, ваше сиятельство, конь в неисправности, — каждый раз отвечал Прошка.

Притихнет Суворов, переждет и снова за Прошкину спину. Не сиделось фельдмаршалу, не хватало терпения тащиться обозной клячей.

Проехали версты две, смотрит Суворов — тройка навстречу. Кони птицей летят по полю. Снег из-под копыт ядрами. Пар из лошадиных ноздрей трубой.

Суворов аж привстал от восторга. Смотрит — вместо кучера на козлах молодой офицер, вожжи в руках, нагайка за поясом, кудри от ветра взрывают.

— Удалец! Ой, удалец! — не сдержал похвалы Суворов.

— Фельдъегерь, ваше сиятельство, — произнес Прошка. — Видать, не здешний, из Питера.

Смотрит Суворов, любуется. Дорога зимняя узкая, в один накат. Разъехаться трудно. А кони все ближе и ближе. Вот уже рядом. Вот уже и храп и саночный скрип у самого уха.

— Сторонись! — закричал офицер.

Прошка замешкался: не привык уступать дорогу.

— Сторонись! — повторил офицер и в ту же минуту санки — бух!

Вывалились Суворов и Прошка в снег, завязли по самый пояс.

Пронесся кучер, присвистнул, помчался дальше.

Поднялся Прошка, смотрит обозленно фельдъегерю вслед, отряхивает снег, по-дурному ругается.

— Тише! — прикрикнул Суворов и снова любуется: — Удалец! Помилуй бог, какой удалец!

Три дня носился офицер по северной русской границе. Наконец разыскал Суворова.

— Бумаги из Питера, ваше сиятельство.

Принял Суворов бумаги, взглянул на фельдъегеря и вдруг снял со своей руки перстень и протянул офицеру.

— За что, ваше сиятельство?! — поразился курьер.

— За удаль!

Стоит офицер, ничего понять не может, а Суворов опять:

— Бери, бери. Получай! За удаль. За русскую душу. За молодечество!

Штык

Как-то Суворов гостил у своего приятеля в Новгородской губернии ...

... Вечерами друзья сидели дома, вспоминали старых товарищей, бои и походы. А днем Суворов отправлялся побродить по лесу, посмотреть на округу. Здесь в лесу, у старого дуба, он и встретил мальчика Саньку Выдрина.

— Ты, дяденька, солдат? — обратился Санька к Суворову.

— Солдат, — ответил фельдмаршал.

— Откуда идешь?

— С войны.

— Расскажи про Суворова.

Фельдмаршал сощурил глаза, хитро глянул на мальчика:

— Про какого это еще про Суворова?

— Не знаешь? Ну, про того, что с турками воевал. Что Измаил брал. Про фельдмаршала.

— Нет, — говорит Суворов, — не знаю.

— Какой же ты солдат, — усмехнулся Санька, — раз не знаешь Суворова! — Схватил мальчик палку, закричал по-суворовски: — Ура! За мной! Чудо-богатыри, вперед!

Бегает Санька вокруг фельдмаршала, все норовит пырнуть Суворова палкой в живот.

«Вот так мальчишка!» — подивился Суворов. А самому приятно, что и имя его и дела даже детям известны.

Наконец Санька успокоился, сунул палку за пояс, проговорил:

— Дяденька, подари штык.

— Зачем тебе штык?

— В войну играть. Неприятеля бить.

— Помилуй Бог! — воскликнул Суворов. — Так ведь нет у меня штыка.

— Не бреши, не бреши, — говорит Санька. — Не может так, чтобы солдат — и штыка не было.

— Видит Бог, нет, — уверяет Суворов и разводит руками.

— А ты принеси, — не унимается Санька.

И до того пристал, что ничего другого Суворову не оставалось, как пообещать штык.

Прибежал на следующий день Санька в лес к старому дубу прождал до самого вечера, да только «солдат» больше не появлялся.

«Брехливый! — ругнулся Санька. — Никудышный, видно, солдат».

А через несколько дней к Санькиной избе подскакал верховой, вызвал мальчика, передал сверток.

— От фельдмаршала Суворова, — проговорил.

Разинулся от неожиданности Санькин рот, да так и остался. Стоит мальчик, смотрит на сверток, не верит ни глазам своим, ни ушам. Да разве может такое статься, чтобы сам фельдмаршал к Саньке прислал посыльного!

Набежали к выдринской избе мужики и бабы, слетелись мальчишки, прискакал на одной ноге инвалид Качкин.

— Разворачивай! Разворачивай! — кричат мужики.

Развернул Санька дрожащими руками сверток — штык.

— Суворовский, непобедимый! — закричал Качкин.

— Господи, штык, настоящий! — перекрестились бабы.

— Покажи, покажи! — потянулись мальчишки.

К этому времени Санька пришел в себя. И рот закрылся. И руки дрожать перестали. Догадался. Рассказал он про встречу в лесу отцу, матери, и ребятам, и Качкину, и всем мужикам и бабам.

Несколько лет во всех подробностях рассказывал Санька про встречу с Суворовым.

А штык?

Больше всего на свете Санька берег суворовский штык. Спать без штыка не ложился, чехол ему сшил, чистил, носил за собой, как драгоценную ношу. А когда Санька вырос и стал солдатом, он вместе со штыком ушел на войну и по-суворовски бил неприятеля.

Пудра не порох

Император Павел принялся вводить новые порядки в армии. Не нравилось императору все русское, любил он все иностранное, больше всего немецкое. Вот и решил Павел на прусский, то есть немецкий манер перестроить российскую армию. Солдат заставили носить длинные косы, на виски наклеивать войлочные букли, пудрить мукой волосы. Взглянешь на такого солдата — чучело, а не русский солдат.

Принялись солдат обучать не стрельбе из ружей и штыковому бою, а умению ходить на парадах, четко отбивать шаг, ловко поворачиваться на каблуках.

Суворов возненавидел новые порядки и часто дурно о них отзывался.

«Русские прусских всегда бивали, чему же у них учиться?» — говорил фельдмаршал.

Однажды Павел Первый пригласил Суворова на парад. Шли на параде прославленные русские полки. Глянул Суворов и не узнал своих чудо-богатырей. Нет ни удали, ни геройства. Идут солдаты как заводные. Только стук-стук каблуками о мостовую. Только хлесть-хлесть косами по спине. А император доволен

. Стоит, говорит Суворову:

— Гляди, гляди, еще немного — и совсем не хуже немецких будут.

Скривился Суворов от этих слов, передернулся.

— Радость, ваше величество, невелика, — ответил. — Русские прусских всегда бивали. Чему же здесь радоваться?

Император смолчал. Только гневный взор метнул на фельдмаршала. Постоял молча, а затем снова к Суворову:

— Да ты смотри, смотри — косы какие! А букли, букли! Какие букли!

— Букли, — фыркнул фельдмаршал.

Император не выдержал. Повернулся к Суворову, ткнул в старую русскую форму, до сих пор не смененную фельдмаршалом, закричал:

— Заменить! Немедля! Повелеваю!

Тут-то Суворов и произнес свою знаменитую фразу:

— Пудра не порох, букли не пушки, коса не тесак, а я не немец, ваше величество, а природный русак! — и уехал с парада.

Павел разгневался и отправил упрямого старика в ссылку в село Кончанское.

Сало

Высоки Альпийские горы. Здесь крутые обрывы и глубокие пропасти. Здесь неприступные скалы и шумные водопады. Здесь вершины покрыты снегом и дуют суровые леденящие ветры.

Через Альпийские горы, через пропасти и стремнины вел в последний поход своих чудо-солдат Суворов.

Вьюга. Снегопад. Непогода. Путь дальний, неведанный. Идут солдаты, скользят, срываются в пропасти. Тащат тяжелые пушки, несут помороженных и хворых своих товарищей. А кругом неприятель. Пройдут солдаты версту — бой.

Пробивается русская армия сквозь горы и неприятеля. Совершает Альпийский поход.

Голодно солдатам в походе. Сухари от ненастной погоды размокли и сгнили. Швейцарские селения редки и бедны. Ели лошадей, копали коренья в долинах. А когда кончились коренья и лошади, взялись за конские шкуры.

Исходали, изголодались вконец солдаты. Затянули ремни на последние дырки. Идут, вздыхают, вспоминают, как пахнут щи, как тает на зубах каша.

— Хоть бы каравай хлеба! — вздыхают солдаты. — Хоть бы сала кусок!

И вдруг в какой-то горной избе солдаты и впрямь раздобыли кусок настоящего сала. Кусок маленький, размером с ладошку. Обступили его солдаты. Глаза блестят, ноздри раздуваются...

...

Решили солдаты сало делить и вдруг призадумались: как же его делить — тут впору одному бы наесться.

Зашумели солдаты.

— Давай по жребию, — предлагает один.

— Пусть съест тот, кто нашел первым, — возражает второй.

— Нет, так — чтоб каждому, каждому! — кричит третий.

Спорят солдаты. И вдруг кто-то произнес:

— Братцы, а я думаю так, отдадим-ка сало Суворову.

— Правильно! Суворову! Суворову! — понеслись голоса.

Позвали солдаты суворовского денщика Прошку, отдали ему сало, наказали вручить фельдмаршалу.

Довольны солдаты. И Прошка доволен. Стал прикидывать, надолго ли сала хватит. Решил: если отрезать в день кусок толщиной с палец, как раз на неделю получится.

Явился Прошка к Суворову.

— Сало? — подивился тот. — Откуда такое?

Прошка рассказал про солдат. Мол, солдатский гостинец.

— Дети, богатыри! — прослезился Суворов. Потом повернулся к Прошке и вдруг закричал: — Да как ты взял! Да как ты посмел! Солдатам конские шкуры, а мне сало...

— Так на то они и солдаты, — стал оправдываться Прошка.

— Что — солдаты?.. — не утихает Суворов. — Солдат мне дороже себя.

Немедля ступай, верни сало. Да спасибо скажи. В ноги поклонись солдатам.

— Так они же сами прислали, — упирается Прошка. — Да что для них сало с ладонь! Тут лизнуть каждому мало. Вон их сколько, а сала как раз на одного.

Глянул Суворов на сало. Правда, кусок невелик.

— Хорошо, — согласился Суворов. — Ступай тогда в санитарную палатку, отнеси раненым.

Однако Прошка снова уперся:

— Раненым? Да куда им сало? Да им помирать пора!

— Бесстыжая душа твоя! — заревел Суворов и потянулся за плеткой.

Понял Прошка, что дело может дурным кончиться. Подхватил сало и помчался к санитарной палатке.

На следующий день солдаты повстречали Прошку.

— Ну, как сало? — спрашивают. — Ел ли фельдмаршал? Что говорил?

Только Прошка собрался открыть рот, а тут рядом появился Суворов.

— Детушки! — произнес — Богатыри! Отменное сало. С детства не едал такого. Стариковское вам спасибо! — и низко поклонился солдатам.

У Прошки от удивления глаза на лоб. А солдаты заулыбались, отдали фельдмаршалу честь, повернулись и направились к себе в роту.

— Понравилось, — перешептывались они по пути. — Вон как благодарили. Сало — оно такая вещь, что и фельдмаршалу не помешает.

«Вижу!»

Закончив арьергардный бой с противником и подобрав раненых, рота капитана Лукова догоняла своих.

Идут солдаты по узкой тропе над самым обрывом пропасти, растянулись почти на версту.

— Не отставай, не отставай! — кричит Луков. — Раненых вперед!

Перетащили раненых.

Прошла рота версты две. Стемнело. Задул ветер. Начался снег. Взыграла, закружила метель.

Идут солдаты час, идут два, идут три. Всматривается капитан Луков вперед — не видать ли походных костров. Кругом кромешная темнота. Слепит выюга

глаза. Треплет упругий ветер солдатские сюртуки и накидки, задувает снежные иглы под воротники и рубахи, морозит руки и лица. Идут, спотыкаются, скользят в темноте солдаты. С трудом передвигают одеревеневшие ноги. Все тише и тише солдатский шаг.

— Не отставай! Не отставай! — кричит Луков.

Прошел еще час. И вот уже кончились силы солдатские. Остановились. Хоть убей — не пойдем дальше. Повалились солдаты на камни.

— Вперед! Вперед! — надрывает голос Луков.

Да только нет такой силы, чтобы снова подняла солдатские ноги в поход. Изнемог Луков, посмотрел еще раз в темноту — не видно костров, опустился и сам на камни. И вдруг:

— Вижу! Вижу!

Встрепенулся капитан. Встрепенулись солдаты. Смотрят: с носилок привстал раненый солдат Иван Кожин и тычет рукой вперед.

— Видит! Видит! — понеслось по цепи.

И откуда только сила взялась. Повскакали солдаты с камней. Подхватили ружья — и снова в дорогу. Повесели солдаты. Ай да Кожин. Ай да глазастый!

Прошли солдаты с версту. Только что-то огней не видно. Те, что поближе к Кожину, стали шуметь:

— Где твои костры? Соврал!

— Вижу! Вижу! — по-прежнему кричит Кожин и тычет пальцем вперед.

Всматриваются солдаты — ничего не видят. Не видят, а все же идут. Кто его знает, может, и вправду Кожин такой глазастый.

Прошли еще около версты. А все же костров не видно. И снова стали роптать солдаты:

— Не пойдем дальше!

— Не верьте ему!

— Братцы! — кричит Кожин. — Вижу. Ей-богу, вижу! Теперь уже совсем недалеко. Теперь рядом. Вон как полыхают, — и снова тычет пальцем вперед.

Бранятся, ропщут солдаты, а все же идут.

Тропа огибалась какой-то выступ. Завернули солдаты за скалу и вдруг внизу, совсем рядом, сквозь метель и непогоду и впрямь заблестели огни.

Остановились солдаты, не верят своим глазам.

— Видишь? — переспрашивают друг у друга ...

...

— Вижу!

— Вижу!

— Вижу!

— Ай да Кожин. Ай да молодец. Ай да глазастый! — кричат солдаты. — Ура Кожину!

Сорвались солдаты с мест и рысцой вниз к кострам, к теплу, к боевым товарищам.

Притащили и носилки с Иваном.

— К огню его, к огню, — кричат. — Пусть отогревается. Заслужил! Всех выручил!

Осветило пламя Иваново лицо. Глянули солдаты и замерли. Лицо обожжено. Брови спалены. А на месте глаз...

— Братцы, да он же слепой! — прошептал кто-то.

Смотрят солдаты. Там, где глаза, у Кожина пусто. Выбило вчера в арьергардном бою французской гранатой глаза солдатские.

Генералам генерал

За Альпийский поход Суворову был присвоен чин генералиссимуса русских войск.

Возвращаясь с группой солдат на родину, фельдмаршал остановился передохнуть в пограничном трактире. Зашел в избу, заказал себе холодной телятины, миску гречневой каши и стопку вина.

— Ну и каша, дельная каша! — нахваливает Суворов. — Давно такой не едал. И винцо дельное. Не грех за российского солдата такое винцо выпить.

Около избы расселись солдаты. Тоже едят кашу и пьют вино.

— Дельное вино, — хвалят солдаты. — Крепкое. Не грех такое за фельдмаршала выпить.

И лишь один Прошка крутился около лошадей. Его и обступили местные мужики.

— Что же это за такой непонятный чин теперь у твоего барина? — стали спрашивать они у суворовского денщика.

— А чего тут непонятное? — отвечал Прошка. — Тут все ясное.

Генералиссимус надо разуметь так: генералам всем генерал. Самой главной персоной теперь получается.

— Ты смотри! — произнес парень в онучах[\[11\]](#).

— А что, верно! — вставил хилый мужичонка в драных портках.

— Заслужил, — согласился мужик с бородой.

А Суворов стоял на крыльце и все слышал.

— Не я! Не я! — закричал он с порога. — Не я, — повторил, подойдя к мужикам. — Вон Прошка мой самый главный. Вон тот, — ткнул в сторону рябого высоченного солдата. — Вот этот, — показал на приземистого седоусого капрала. — Вон они, — обвел рукой остальных солдат.

При этих словах Суворов сел в таратайку и приказал погонять лошадей.

Поднялись, двинулись в путь солдаты. Заклубилась дорожная пыль. Грязнула солдатская песня.

Остались мужики на дороге. Стоят, недоумевающе смотрят вслед.

— Пошутил барин, — наконец обронил парень в онучах.

— Чудное что-то сказал, — произнес мужичонка.

— Эх, вы! — заявил мужик с бородой. — Правду сказал фельдмаршал. Без солдата они никуда. В народе — русская сила. Он и есть генерал генерал настоящий.

Слава

Генерал князь Борохвостов завидовал суворовской славе

. Вот однажды он и спрашивает у одного из солдат:

— Скажи мне, братец, почему Суворова в армии любят?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов солдатскую пищу ест.

Стал Барохвостов есть так же, как и Суворов, щи и солдатскую кашу. Кривится, но ест. Хочется, видать, генералу суворовской славы.

Прошло несколько дней, но славы у Барохвостова не прибавилось. Он опять спрашивает у солдата:

— Что же это слава у меня не растет?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что Суворов не только ест щи и кашу, но и спит по-солдатски.

Стал и Барохвостов спать по-солдатски — на жестком сене в простой палатке. Натирает генерал изнеженные бока, мерзнет от холода, но терпит. Уж больно ему хочется суворовской славы.

Прошло еще несколько дней, а генеральская слава все не растет. И снова он вызвал солдата:

— Говори, какой еще секрет у Суворова?

— А тот, — отвечает солдат, — что фельдмаршал войска уважает.

Принялся и князь Барохвостов уважать своих подчиненных, ласковые слова говорить солдатам.

Но и теперь генеральской славы не прибавляется. Смотрят на него солдаты, промеж себя усмехаются. Всего-то и только.

Стал злиться тогда генерал. Снова кликнул солдата-советчика.

— Как же так, — возмущается князь Барохвостов. — Щи и кашу ем, сплю на соломе, ласковые слова говорю солдатам — почему же слава ко мне не идет?

— Это потому, ваше сиятельство, — отвечает солдат, — что и это еще не все.

— Что же еще? Какие еще такие секреты у Суворова!

— А те, — отвечает солдат, — что Суворов умеет бить неприятеля по-суворовски.

Только как-то с этим у Барохвостова не получалось.

Поэтому и не пришла к нему слава, поэтому и помер он в неизвестности.

А слава о Суворове осталась в веках. И каждый Суворова знает.

Идут по мосту солдаты

Год 1812. Лето. Мост через реку Неман. Граница России. Колонна за колонной, полк за полком идут по мосту солдаты. Слышна непонятная речь. Французы, австрийцы, пруссаки, саксонцы, итальянцы, швейцарцы. Жители Гамбурга, жители Бремена, голландцы, бельгийцы, испанцы. Идут по мосту солдаты.

— Императору слава!

— Франции слава!

— Слава, слава, слава! — несется со всех сторон.

Наполеон сидит верхом на рослом арабском коне, смотрит на переправу. Задумчив император французов. Треугольная шляпа надвинута низко на лоб. Мундир застегнут до самого верха. У глаз собрались морщинки.

Сзади, образовав полукруг, в почтительном молчании замерла свита. Слышно, как в утреннем небе прожужжал деловито шмель.

Неожиданно Наполеон поворачивается к одному из своих приближенных .

... Это генерал Коленкур.

— Вы не француз! — кричит император.

Коленкур не отвечает.

— Вы не француз! — с еще большим озлоблением выкрикивает Наполеон.

Дерзкие слова произнес Коленкур вчера на военном совете. Единственный из всех маршалов и генералов он был против похода в Россию:

— Это дорога в ад.

— В моем лагере русские, русские! — кричал Наполеон, показывая на Коленкура.

Вот и сегодня он не может спокойно смотреть на генерала.

— Отрастите русскую бороду, — издевается Наполеон. — Наденьте армяк и лапти.

Из-за недалекого леса подымается солнце. Сначала маленький пламенеющий бугорок, ожег синеву, затем, словно кто-то в русской печке открыл заслонку, брызнул огненный полукруг, и вот уже ослепительный, пылающий шар выкатился в небо.

Наполеон привстал в стременах:

- Вот оно, солнце Аустерлица![[12](#)]
- Императору слава!
- Франции слава!
- Слава, слава, слава! — несется со всех сторон.

Красные, желтые, синие — мелькают кругом мундиры. Цвета неба, цвета пепла, цвета лесной травы. Очумело бьют барабаны. Надрываются армейские трубы и дудки. Слышится топот солдатских ног.

Идут по мосту солдаты. Час, второй, третий. День, второй, третий. Идут по мосту солдаты. На погибель свою идут.

Сказка старого капрала

Верста за верстой, верста за верстой отступают, отходят русские. Идут они полем, идут они лесом, через реки, болота, по холмам, по низинам, по оврагам идут. Отступает русское войско. Нет у русских достаточных сил.

Ропщут солдаты:

- Что мы — зайцы трусливые?
- Что в нас — кровь лягушачья?
- Где это видано: россиянин — спиной к неприятелю!

Рвутся солдаты в бой.

Русских армии две. Одна отступает на Вильну, на Дриссу, на Полоцк. Командует ею генерал Барклай де Толли. Вторая отходит южнее. От города Гродно на Слуцк, на Бобруйск. Старшим здесь генерал Багратион.

У Наполеона войск почти в три раза больше, чем у Барклая и Багратиона, вместе взятых. Не дают французы русским возможности соединиться, хотят разбить по частям.

Понимают русские генералы, что нет пока сил у русских справиться с грозным врагом. Сберегают войска и людей. Отводят свои полки.

- Э-эх, да что же оно творится?! — вздыхают солдаты.
- Пропала солдатская честь!

Шагает вместе со всеми старый капрал, смотрит он на своих товарищей:

— Хотите, сказку скажу?

— Сказывай.

Собрались на привале солдаты в кружок, расселись, притихли.

— Давно ли то было, недавно, — начал капрал, — дело не в том. Только встретил как-то в лесу серый волк лосенка. Защелкал злодей зубами:

«Лосенок, лосенок, я тебя съем».

«Подожди, серый волк, — говорит лосенок. — Я же только на свет народился. Дай подрасту».

Согласился лесной разбойник. Пусть погуляет телок, пусть наберется мясом.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только опять повстречал серый волк лосенка. Смотрит — подрос за это время телок. Рожки пробились. Копытца окрепли. Не телок перед волком — подросток лось. Защелкал злодей зубами:

«Лось, лось, я тебя съем».

«Хорошо, серый волк, — отвечает лось. — Только дай попрощаться с родимым краем».

«Прощайся», — ответил волк.

Пошел молодой лось по родному краю, по полям, по лесам, по дубравам. Ступает он по родной земле, силу в себя вбирает. И волк по следу бежит. Притомился в пути разбойник: шерсть отлетает, ребра ввалились, язык как чужой, из пасти наружу лезет.

«Стой, стой!» — голосит злодей.

Долго ли, скоро ли время шло — дело не в том. Только остановился однажды лось. Повернулся навстречу волку. Глянул тот, а это не просто лось: стоит перед ним сохатый. Защелкал серый зубами:

«Сохатый, сохатый, я тебя съем».

Усмехнулся лесной красавец:

«Давай подходи».

Бросился волк вперед. Да только силы теперь не те. Лосенок теперь не тот. Поднялся богатырь на задние ноги, ударил волка пудовым копытом, поднял на рога и об землю — хлоп! Кончился серый.

Капрал замолчал.

Задумались над сказкой солдаты.

— Видать, неглупый телок попался.

— В сохатого вырос!

— Э, постой, да в сказке твоей намек.

— К отходу, к отходу! — прошла команда.

Вскочили солдаты. Построились в ряд. Подняли солдатские головы. По полям, по лесам, по дубравам, по низинам идут солдаты. Не по чужой, по родимой земле идут.

«Где же они, герои?»

Соединились русские армии под Смоленском, приняли бой.

Два дня французы штурмуют город.

Атака. Снова атака. Еще одна.

Топот солдатских ног. Звериный рев пушек. Груды людей побитых.

Рвутся солдаты навстречу французам. Не ожидая команд, ударяют в штыки. Безрассудны герои. Картечь так картечь. Гранаты — пусть будут гранаты. Нет страха в солдатских душах. Один на роту французов лезет ...

... Двое — на целый полк.

Бьются рядом полки: Симбирский, Волынский, Уфимский. Бьются и другие полки и роты. Не уступает в геройстве сосед соседу.

Солдат из симбирцев Егор Пинаев ранен штыком в ключицу. Хлещет по телу кровь. Не слышит Пинаев боли:

— В атаку! В атаку!

Оторвало волынцу Петру Занозе гранатой ухо. Вытер Заноза кровь, шуткой других забавляет:

— Муха не птица, овца не волчица, ухо не голова.

Уфимцу Рассаде перебило картечью ноги. Рухнул на землю солдат. Лежа целит, врага стреляет:

— Братцы, вперед!

Бьются герои. Льется потоками кровь.

К исходу второго дня от страшной вражеской канонады загорелся город Смоленск.

Пламя рванулось к небу. Рассыпались в разные стороны тысячи искр. Дым повалил по улицам, повис над Днепром. С треском рушатся здания. Нечем дышать от гари. Негде укрыться от пламени. Бушует, мечется огненный водоворот, идет по холмам смоленским.

Бьются симбирцы, волынцы, уфимцы. Бьются другие полки и роты. Неведом героям страх.

Подходят на помощь французам все новые и новые части. Понимает Барклай де Толли: не осилить русским французов, ночью отдал войскам приказ отойти.

Снялись полки с позиций, бесшумно ушли за Днепр. Меряют новые версты.

Шагает в строю Пинаев. Шагает в строю Заноза. Везут на возу Рассаду.

Проходят симбирцы, волынцы, уфимцы. Проходят другие полки и роты.

Проезжает вдоль войск генерал Барклай де Толли:

— Привет героям!

Переглядываются солдаты: «Кому это Барклай де Толли кричит привет?»

— Видать, волынцам, — решают симбирцы.

— Видать, уфимцам, — решают волынцы.

— Видать, симбирцам, — решают уфимцы.

Озираются солдаты по сторонам: «Где же они, герои?»

Военный маневр

Нелегкая жизнь досталась Кутузову. Нелегкая, зато славная.

В 1812 году Михаилу Илларионовичу Кутузову исполнилось 67 лет.

Много всего позади. Не счесть боев и походов. Крым и Дунай, поля Австрии, Измаильские грозные стены. Бой под Алуштой, осада Очакова, у Кагула упорный бой.

Трижды Кутузов был тяжело ранен — дважды в голову, раз в щеку, лишился правого глаза.

Пора бы уже в отставку, на старицкий покой, так ведь нет — помнит народ Кутузова. Вот и сейчас. Собирайся, мол, старый конь.

Кутузов едет к войскам. Новый главнокомандующий едет.

Рады солдаты. «Едет Кутузов бить французов», — идет по солдатским рядам.

Бегут рысаки по дороге. Солнце стоит в зените. Мирно гудят стрекозы. Ветер ласкает травы.

Едет Кутузов, сам с собой рассуждает: «Плохи, плохи наши дела. Нехорошо, когда армия отступает. Непривычно для русских солдат этакое. Орлы! Да ведь силы наши пока слабы. Армию сберегать надо. Смерть без армии государству Российскому. Но и солдат понимать нужно. Душу русскую понимать». Прибыл Кутузов к войскам.

— Ура! — кричат главнокомандующему солдаты. — Веди нас, батюшка, в бой. Утомились, заждались.

— Правда ваша, правда, — отвечает Кутузов. — Пора унять супостата.

Довольны солдаты, перемигиваются: вот он, настоящий боевой генерал.

— Что мы — не русские? — продолжает Кутузов. — Что нам, в силе господь отказал? Что нам, храбрости не хватает? Сколько же нам отступать!

— Вот это слова!

— Ура генералу Кутузову!

Довольны солдаты. «Ну, братцы, ни шагу назад. Не сегодня-завтра решительный бой».

Спокойно заснули солдаты. Пробудились на следующий день, им объявляют первый приказ Кутузова. В приказе черным по белому значится: продолжать отступление.

Зароптали солдаты:

— А бой!

— Что-то непонятное, — разводят они руками.

— Может, приказ от старых времен остался?

Увидели солдаты Кутузова:

— Ваша светлость, так что же, опять отступление?

Посмотрел на солдат Кутузов, хитро прищурил свой единственный глаз:

— Кто сказал отступление? Сие есть военный маневр!

Новая должность

Кутузов читал письмо:

«Милостивый государь, батюшка Михаил Илларионович!..»

Письмо было от старого друга-генерала, ныне уже вышедшего в отставку. Генерал вспоминал многолетнюю службу с Кутузовым, былые походы. Поздравлял с назначением на пост главнокомандующего. Желал новых успехов. Но главное, ради чего писалось письмо, было в самом конце. Речь шла о генеральском сыне, молодом офицере Гришеньке. Генерал просил Кутузова в память о старой дружбе пригреть Гришеньку, взять в штаб, а лучше всего — в адъютанты.

— Да-а, — вздохнул Кутузов. — Не с этого мы начинали. Видать, молодежь не та уже нынче. Все ищут, где бы теплее, где жизнь спокойнее. Все в штаб да в штаб, нет бы на поле боя.

Однако дружба есть дружба. Генерал был боевым, заслуженным. Кутузов его уважал и решил исполнить отцовскую просьбу.

Через несколько дней Гришенька прибыл.

Смотрит Кутузов — стоит перед ним птенец. Не офицер, а мальчишка. Ростом Кутузову едва до плеча. Худ, как тростинка. На губах пух, ни разу не тронутый бритвой ...

...

Даже смешно стало Кутузову. «Да, не та пошла молодежь, офицерство теперь не то. Хлипкость в душе и теле».

Расспросил Кутузов Гришеньку об отце, вспомнил о матушке.

— Ну ладно, ступай. Исполнил я просьбу Петра Никодимыча — шей адъютантский наряд.

Однако офицер не уходит.

— Ваша светлость!

Кутузов нахмурился. Понял, что молодой офицер начнет благодарить.

— Ступай, ступай!

— Ваша светлость!.. — опять начинает Гришенька.

Кутузов поморщился: «Эка какой прилипчивый».

— Ну что тебе?

— Михаил Илларионович, мне бы в полк... Мне бы в армию к князю Петру Багратиону, — пролепетал Гришенька.

Развеселился от этого вдруг Кутузов. Смотрит на малый рост офицера, на пух, что вместо усов над верхней губой. «Дитё, как есть дитё». Жалко стало юнца Кутузову. Куда же посыпать такого птенца под пули...

— Не могу, не могу, — говорит. — Батюшке твоему другое обещано.

Дрогнули у офицера губы. Ну, право, вот-вот расплачется.

— Не могу, — повторил Кутузов. — Да куда тебе в полк! Тебя-то и солдаты в бою не приметят.

Обиделся офицер:

— Так и Суворов ведь был не саженного роста.

Кутузов удивленно поднял глаза. Понял он, что Гришенька не из тех, кто за отцовскую спину лезет. Подошел фельдмаршал к офицеру, расцеловал.

— Ладно, ладно. Вот и батюшка твой, бывало... — Кутузов не договорил: слеза подступила к глазу.

Постояли они минуту.

— Ступай, — махнул рукой наконец Кутузов. — Быть по сему: лети, крылатый, своей дорогой.

Гришенька вытянулся, ловко повернулся на каблуках, вышел. А Кутузов долго и задумчиво смотрел ему вслед. Затем он потребовал лист бумаги и принялся писать письмо старому генералу.

«Милостивый государь, батюшка Петр Никодимович!

Радость господь послал мне великую. Прибыл твой Гришенька. И сдавалось мне, что сие не новый побег, а юность наша с тобой явилась. Спасибо тебе за такой сюрприз. Уповаю видеть его в героях...»

Потом подумал и приписал:

«Просьбу твою исполнил. Отныне Гришенька у меня на самом приметном месте: при душе моей в адъютантах...»

Получив письмо, старый генерал долго ломал голову. «При душе» — как же это понять? Эх, приотстал я в военном деле: видать, при главнокомандующем новую должность ввели».

Татарин

У города Гжатска солдаты хоронили погибших товарищей. Вырыли большую могилу. Место выбрали на вышине, на холме у трех сосен.

Глянешь отсюда налево — речки-певуны кругой изгиб. Глянешь направо — бежит дорога. Посмотришь вперед — поля и поля, необъятная даль России.

Спите спокойно, герои.

Перенесли солдаты погибших на холм, положили у края могилы. Ждут армейского батюшку для отпевания.

Лежат, как в строю убитые. Только глаза закрыты. Руки у всех на груди.

Разные лица: молодые и старые, худые, полные, усыпые, с пухом вместо усов, с густыми бровями, с редкими, а вот и совсем безбровый, широкой лопатой скулы.

— Так это ж татарин!

Смотрят солдаты, как же им быть? Татарин ведь другой, не христианской веры. Какое ж ему отпевание? Как бы того, не покарал бы Господь за такое дело.

Сгрудились, перешептываются между собой солдаты.

— Конечно, оно не по праву. Да ведь вместе сражался. Погиб за Россию. Хоть и не христианская, а тоже солдатская кровь. Нет, нельзя, не по-христиански его в сторонку. Пусть остается со всеми.

Явился батюшка, вынул кадило, пригладил свою поповскую бороду, приготовился. Только хотел начинать отпевание, видит — лежит татарин.

Нахмурился батюшка:

— Убрать!

Не шевелятся солдаты.

— Убрать, — повторил священник.

— Ваше преподобие, — взмолились солдаты, — пусть остается. Он же солдат. Господь не осудит.

Перекосилось от слов подобных лицо священника. Скула с бородой отвалилась, открылся и замер, словно в распорках, рот.

— Богохульники! — заревел на солдат батюшка. — Христопродавцы! Кайтесь, кайтесь святым угодникам!..

Переглянулись солдаты: не речи, а гром. Хотели они идти на попятную. Да что-то их удержало. Братство, видать, солдатское.

В это время холмом мимо трех сосен ехал Кутузов. Видит: священник, могила, лежат убитые. Снял Кутузов фуражку, слез с лошади, перекрестился.

— В чем дело, ваше преподобие?

Объяснил священник, в чем дело. Посмотрел Кутузов на побитых солдат, на татарина, посмотрел на живых солдат, обратился к священнику:

— А нельзя ли солдат уважить?

— Ваша светлость, побойтесь Бога!..

— Ладно, ладно, — поморщился главнокомандующий. Глянул опять на солдат, опять на священника, показал на кадило. — Дай-ка сию вещицу.

Поп растерялся и отдал.

Кутузов взял и сам замахал кадилом.

Перед битвой

Подымись на колокольню церкви, что стоит в самом центре села Бородина. Осмотрись внимательно по сторонам.

Здесь на огромном, изрытом оврагами поле 7 сентября 1812 года вскипела бессмертная битва. Великая слава России крепла на этих полях. Далекие праотцы наши завещали ее потомкам. Поклонись великому полю. Поклонись великому мужеству.

Помни!

Знай!

Не забудь!

...Перед зарею, еще в темноте, никому не сказав ни слова, Кутузов сел на коня и, не доехав версты полторы до Бородина, остановился на холме у небольшой деревеньки Горки ...

... Он еще с вечера облюбовал это место. Тут во время боя будет ставка Кутузова.

Вправо уходит речка Колоча, образуя разветвление с Москвой-рекою. Здесь начинался правый фланг русских позиций. Линия русских полков пересекала новую Смоленскую дорогу и уходила без малого на целых семь верст далеко налево, где за Семеновским ручьем и селом Семеновским, у старой Смоленской дороги, лежала деревня Утицы.

В нескольких местах на возвышениях стояли русские батареи. Одной из них, той, что называлась Кургановой, суждено было стать главным местом Бородинской битвы.

Это знаменитая батарея Раевского. Левее ее, за селом Семеновским, были вырыты флеши — окопы углом к противнику. Это знаменитые Багратионовы флеши.

Правый фланг русских войск занимала армия Барклая де Толли. Левый — армия, которой командовал Багратион.

В нескольких верстах от основных сил в низинах и перелесках были укрыты резервные полки, казаки и кавалеристы.

...Темно. Молча сидит на коне Кутузов. Не столько видит, сколько по свету догорающих бивачных костров угадывает расположение войск противника. Не столько слышит, сколько острым чутьем бывалого воина улавливает передвижения в неприятельском лагере.

Не торопясь Кутузов слезает с коня. Трудно ему без помощи. Стар, телом гружен. Не вернешь молодые годы.

Кряхтя, главнокомандующий становится на колени, нагибается, прикладывает ухо к земле. Проверяет свои догадки. Без ошибки, как музыкант, определяет Кутузов малейшие звуки в ночной тишине.

Затем он поднимается. Снова садится верхом на коня. И снова смотрит и смотрит в ночную даль.

На востоке проглянула первая полоска зари. Грачи завозились на ветлах. Конь под Кутузовым заскреб траву копытом, тихо заржал.

Подскакали обеспокоенные адъютанты, генералы из Кутузовской свиты, офицеры из штаба. Окружили они Кутузова.

Все светлее, светлее восток. Округа с холма словно на ладони. Притихло, замерло все. Недвижимы войска. Немота над полями. Лишь тучки над лесом крадутся кошачьим шагом.

И вдруг рванули пушки. Провалилась, как в топь, тишина. Ударил час Бородинской битвы.

Где искать Багратиона

Размещая войска перед битвой, на левый фланг Кутузов поставил армию Багратиона. Место здесь самое опасное. Подходы открытые. Понимает Кутузов, что тут французы начнут атаку.

— Не мало ли войска у князя Петра? — заволновался кто-то из штабных генералов.

— Там же Багратион, — ответил Кутузов. — Это удвоит силы.

Как и думал Кутузов, Наполеон действительно ударил с левого фланга. Взять Багратионовы флеши, а потом уже бросить войска на центр — таков план императора.

Сто тридцать французских пушек открыли огонь. Три кавалерийских корпуса ринулись к флешим. Десятки пехотных полков смешались на малом месте. Лучшие маршалы Франции Ней, Даву и Миорат лично ведут атаку.

— На одного генерала и столько маршалов! — шутят в русских войсках.

— Князю Багратиону хоть пять давай!

— Держись, не робей, ребята!

За атакой идет атака. Страха не знают французы. Лезут на флеши вместо убитых новые герои.

— Браво, браво! — кричит Багратион. Не может сдержать похвалы героям.

Но и русские сшибы не ржавой иглой. Не меньше у русских отваги. Сошли с две стены. Бьются герой с героем. Не уступает смельчак смельчаку. Словно коса и камень. Русские ни шагу назад, французы ни шагу вперед. Лишь курганы растут и растут из тел убитых.

Не стихает бой у флешей. Солнце уже высоко. Не сдаются упрямые флеши.

Негодует Наполеон. Срывается план императорский.

Посыпает он двести, триста, четыреста пушек.

Грозен приказ императора:

— Все силы на левый фланг!

Бросаются в битву новые силы.

— Ну как, отступил Багратион?

— Нет, ваше величество.

Скачут от Кутузова к Багратиону посыльные. Везут приказы, наказы, распоряжения. Трудно в бою разыскать генерала. Багратион не сидит на месте.

— Не генерал я, а первый солдат, — любит он шуткой ответить.

Ищут курьеры князя Петра.

— Тут он, — решают.

— Генерал вон там, — посылают курьеров в другое место.

Прискачут туда посыльные.

— Был, да отбыл, — слышат в ответ.

Скачут дальше курьеры. И опять без удачи. Теряют посыльные драгоценное время. Пот у коней проступает.

И лишь один офицер Воейков, как только получит приказ от Кутузова, сразу же Багратиона находит.

Завидно другим посыльным. «Эка удачлив какой Воейков». Стали они у него допытывать, как это он без ошибки знает, куда скакать.

— Очень просто, — отвечает Воейков. — Князь Багратион самолично мне в том помогает.

Обижаются офицеры. Понимают, что шутит Воейков.

— Ты головы нам не моти. Глупыми нас не считай ... Признавайся, какой у тебя секрет.

Рассмеялся Воейков.

— Секрет? Вот он, секрет, — показал рукой в сторону Багратионовой армии.

Смотрят курьеры. Ничего необычного там не видят. Армия как армия. Бой как бой. Стрельба. Дым. Штыковые атаки. В стонах земля содрогается.

— Зорче, зорче глядите! — кричит Воейков. — Где самое жаркое место?

Нашли офицеры.

— Вон там, — тычут поспешно пальцами.

— Туда и скачите, — ответил Воейков. — Там мой секрет. В самом пекле Багратиона ищите. Будет всегда удача.

Богатырская сила

Батарея поручика Жабрина срочно меняла позиции. Впрягли солдаты коней, торопятся на новое место. Полки генерала Милорадовича пошли в наступление. Срочно нужна подмога.

— Живей, живей! — командует Жабрин. — Душу вам наизнанку... Кому говорят — живей!

Дорога шла по месту недавней схватки. Спустились кони в низинку. Все поле завалено трупами. Русские, французы лежат вповалку. Крест-накрест, один на другом. Словно кто-то кули разбросал по полю.

Остановились солдаты.

— О господи!

Глянул Жабрин направо, глянул налево. Нет свободного места. Времени нет объезжать. Перекрестился поручик.

— Прямо, вперед! Мертвый живого не схватит... Солдат Епифанов чуть отстал от других. Страх обуял солдата. Прикрыл он глаза.

Скорей бы проехать жуткое место. Подбрасывает пушку как на ухабах. Мурашки идут по солдатской спине. Вдруг тихий протяжный стон. Приоткрывает Епифанов глаза. Прямо под пушкой, у самого колеса, шевельнулся седоусый капрал. Солдата аж пот прошиб.

— Тпру! — закричал на коней Епифанов. Спрятался на землю.

Лежит, стонет в бреду капрал. Бок в кровяных подтеках. Кивер лежит в стороне. Однако ружье при себе, под мышкой.

Подбегает Епифанов к капралу. Пытается вытащить из-под колес. Грузен, тяжел капрал. Другими телами придавлен.

Шевельнулся страдалец. Глянул на свет, на солдата, на пушку:

— Откуда?

— Канониры мы, — зачастил Епифанов. — С левого фланга на правый фланг. На подмогу идем рысями. Слышишь, дядя, пальба вокруг... Наступает генерал Милорадович.

— Наш, наш генерал! — закричал капрал. — А ну-ка выше, голову выше мне! Смотрит капрал, а там, на бугре, лавиной идут солдаты. Слышит старый воин привычные звуки. Словно товарищей зов.

Улыбка прошла по лицу капрала:

— А ну, подмогни!

Помог подняться капралу с земли Епифанов.

— А ну-ка, кивер надень.

Надел Епифанов на седую голову кивер.

Подтянулся, словно в строю, капрал. Изготовил ружье, как в атаке. Шаг левой, шаг правой. С шага на бег перешел капрал.

Опесил солдат Епифанов: кровь из капрала хлещет.

— Ура-а! — победно несется с холма.

— Ура-а! — ответно кричит капрал.

Пробежал он метров десять — пятнадцать и вдруг, словно дуб-великан под взмахом последним удальца дровосека, рухнул плашмя на землю.

Подлетел Епифанов к герою. Не стонет, не дышит капрал. Кончил свой путь солдатский.

Догнал Епифанов своих. Набросился Жабрин:

— Где пропадал?! Душа твоя воробышная!..

Объясняет солдат задержку. Никак не придет в себя. О старом капрале, сбиваясь, рассказывает.

Утихнул поручик Жабрин. Молча стоят солдаты.

— Так звать как? Как величать героя?

Разводит Епифанов руками:

— Капрал. Старый такой. С усами. Силы в нем совсем не было.

Сняли солдаты шапки.

— Силы в нем не было?! Дурак, богатырская сила в нем!

Солдатское сердце

Сдружились они в походах: солдат молодой и солдат бывалый, Клим Дуга и Матвей Бородулин. Вместе отступали от самого Немана. Вместе бились у Витебска. Чуть не погибли у стен Смоленска. Вместе пришли к Бородинскому полю.

Матвей Бородулин при Климе Дуге словно бы дядька. Уму-разуму в военных делах наставляет: как порох держать сухим, как штык наточить, как лучше идти в походе, чтобы ноги меньше уставали.

На привале Бородулин уступит младшему место поближе к костру. Упрется Дуга:

— Да что я, дитё какое?

— Ложись, ложись! — прикрикнет солдат. — Я привычный ... Мне на холодке даже и лучше.

Делят кашу, и тут Бородулин о друге думает. Из миски своей в миску к нему добрую часть отвалит.

— Дядя Матвей, — отбивается Клим, — да что я, хряк на откорме?

— Ешь, ешь! Тебе в рост. Тебе в пользу.

В Бородинской битве солдаты сражались рядом. Клим — богатырь, Бородулин — усох с годами. Прикрывает Дуга старшего друга. Недоглядел: ранило вдруг солдата. Повалился Матвей Бородулин на землю, талым сугробом осел.

— Дядя Матвей! — закричал Дуга. Рухнул он на колени, тормошит Бородулина. Ухо к груди приложит. — Дяденька Матвей! Родненький!..

Приоткрыл Бородулин глаза, глянул на друга.

— Воды, — простонал и снова забылся.

Схватились солдаты за фляги — пусты солдатские фляги. Скоро десять часов, как бой. Не осталось во флягах глотка воды.

И ручья поблизости нет. Ближайший ручей в руках у французов.

— Воды! Воды! Воды! — идет по солдатским рядам.

Нет нигде воды, как в пустыне.

Поднялся Дуга на ноги. Смотрит растерянным взглядом. И вдруг словно ток прошел по солдату. Схватил он пустую флягу, руку поднял и рванулся навстречу французам, туда, где штыки и ружья, где за ними ручей в овраге.

Перехватило у тех, кто был рядом, дух.

— Господи, верная смерть...

— Леший!

— Достался Дуга французам.

Смотрят солдаты с тревогой вслед. Смотрят на бегущего русского и сами французы.

— Камрады, — кричит Дуга, — дядька Матвей погибает! Дядька просит воды! — И флягой пустой, как белым флагом, машет.

— Во-о-ды-ы! — несется над полем.

Французы хотя и враги, а тоже ведь люди. Непонятна им русская речь. Однако сердцем людским поняли: неспроста побежал солдат.

Расступились французы, открыли дорогу к ручью. Стих на участке огонь. Не стреляет ни эта, ни та сторона. Замерло все. Лишь:

— Дядька Матвей погибает! — режут воздух слова солдата.

Добежал Дуга до оврага. Зачерпнул флягу воды студеной, в разворот — и помчался назад коридором солдат французских.

Подбежал он к дядьке Матвею, снова стал на колени, голову поднял, флягу поднес ко рту. Смочил лоб, виски.

Приоткрыл Бородулин глаза, вернулось к солдату сознание, признал молодого друга:

— Где же ты водицу, родной, достал?

Где? Из сердца достал солдатского.

Птица-слава

Солдат Изюмов до Бородинской битвы ни разу не отличился. Хотя и мечтал о славе. Все думал, как бы ее поймать. Еще в самом начале войны у Изюмова произошел такой разговор с каким-то солдатом.

— Что такое есть слава? — спросил Изюмов.

— Слава есть птица, — ответил солдат. — Она над боем всегда кружится. Кто схватит — тому и слава.

То ли в шутку сказал солдат, то ли и сам в это верил, только потерял с той поры Изюмов покой. Все о птице чудесной думает . Как же ее поймать?

Думал об этом под Витебском. Другие солдаты идут в атаку, смело колотят врагов. А Изюмов все время на небо смотрит. Эх, не прозевать бы волшебную птицу! И все-таки прозевал. Слава другим досталась.

Во время боев под Смоленском опять повторилось такое же самое. И здесь остался без славы солдат.

Огорчился страшно Изюмов. Пожаловался он товарищам на свою неудачу.

Рассмеялись солдаты:

— Славу не ловят, слава сама за храбрым летит. Только лучше о ней не думать. Отпугнуть ее можно враз.

И вот в Бородинском сражении солдат забыл о славе. Не то чтобы сразу, а как-то так, что и сам того не заметил.

Битва клонилась к концу. Французы старались вырвать победу. На русскую пехоту были брошены кирасирские и уланские полки. Разогнали кавалеристы коней: сторонись — любого сметут с дороги.

Глянул Изюмов и замер. Замер и тут же забыл о славе. Об одном лишь думает, как устоять против конных.

А кони все ближе и ближе. Растигнут они солдат. Обрушатся палаши и острые сабли на русские головы. Изюмов даже поежился. Стоял он в самом первом ряду.

— Ружья к бою! Целься. Подпускай на убойный огонь! — раздалась команда.

Вскинул ружье Изюмов. Выстрелил. А что дальше произошло, точно и не расскажет. Со стороны-то оно виднее.

Стоял Изюмов секунду как столб, а потом вдруг вскинул ружье на манер штыковой атаки и ринулся навстречу французской коннице. Побежали за ним солдаты. И получилось, что пеший пошел в атаку на конного.

— Ура! — голосит Изюмов.

— Ура! — не смолкают другие солдаты.

Опесили французские кирасиры и уланы. На войне еще не бывало такого. И хотя атаку свою, конечно, они не оставили, однако поколебался как-то у конных дух. А это в сражении главное. Наполовину пропал замах.

Подлетели солдаты к французам, заработали штыками ...

... Чудо творится на поле — пеший конного вдруг побивает. Разгорелся солдатский пыл.

— Братцы, колите коня под брюхо! Бейте француза прикладом, коль штык у кого слетел! — разошелся вовсю Изюмов.

Французы совсем растерялись. Все реже и реже взмахи французских сабель. Все тише руки удар. Минута — и дрогнут французы. Вот и действительно дрогнули. Развернули коней.

Казалось бы, все. Победа уже одержана. Так нет.

— Братцы, вдогон! — закричал Изюмов.

Побежали солдаты вслед за французами. Пеший за конным бежит по полю. Глянешь — не поверишь своим глазам.

Конечно, лошадиные ноги быстрее солдатских ног. И все же немало нашлось французов, которым русский штык успел продырявить спины.

Даже отстав, солдаты продолжали, как копья, бросать во французов ружья со штыками.

Ускакали французы. Подобрали солдаты ружья, возвращаются к своим.

Идут, а навстречу им:

— Героям слава!

— Изюмову слава!

— Храброму честь и почет!

Обалдели от боя солдаты. Идут, ничего не слышат. Идут, ничего не видят.

Однако мы-то прекрасно видим: птица-слава над ними летит.

Фили

Маленькая деревня Фили у самой Москвы. Крестьянская изба. Дубовый стол. Дубовые лавки. Образа в углу. Свисает лампада.

В избе за столом собирались русские генералы. Идет военный совет. Нужно решить вопрос: оставить Москву без боя или дать новую битву у стен Москвы?

Легко сказать — оставить Москву. Слова такие — ножом по русскому сердцу. За битву стоят генералы.

Нелегкий час в жизни Кутузова. Он только что произведен в чин. За Бородинское сражение Кутузов удостоен звания фельдмаршала. Ему, как старшему, как главнокомандующему, как фельдмаршалу, — главное слово: да или нет.

У Бородина не осилили русских французы. Но ведь и русские не осилили. Словом, ничейный бой. Бой хоть ничейный, да как смотреть. Наполеон впервые не разбил армию противника. Русские первыми в мире не уступили Наполеону. Вот почему для русских это победа. Для французов и Наполеона победы нет.

Рвутся в новый бой генералы. Солдаты за новый бой. Что же решить Кутузову?

Сед, умудрен в военных делах Кутузов. Знает он, что на подмогу к Наполеону торопятся войска из-под Витебска, из-под Смоленска. Хоть и изранен француз, да не убит. По-прежнему больше сил у противника.

Новый бой — окончательный бой. Ой как много военного риска! Тут мерь, перемерь, потом только режь. Главное — армию сберечь. Будет армия — будет время разбить врага.

Все ждут, что же скажет Кутузов.

Поднялся фельдмаршал с дубового кресла, глянул на генералов.

Ждут генералы.

Посмотрел Кутузов на образа, на лампаду, глянул в оконце на клок сероватого неба, глянул себе под ноги.

Ждут генералы.

Россия ждет.

— С потерей Москвы, — тихо начал Кутузов, — еще не потеряна Россия... Но коль уничтожится армия, погибнут Москва и Россия.

Кутузов остановился. В оконце стучалась муха. Под грузным телом фельдмаршала скрипнула половица. Послышался чей-то глубокий вздох.

Кутузов поднял седую голову. Увидел лицо атамана Платова. Предательская слеза ползла по щеке бывалого воина. Фельдмаршал понял: важны не слова, а приказ. Он закончил быстро и твердо:

— Властью, данной мне государем и отечеством, повелеваю... повелеваю, — вновь повторил Кутузов, — отступление...

...И вот войска оставляют Москву. Яузский мост. Понуро идут солдаты. Подъехал Кутузов. Смотрит на войско. Видят его солдаты. Видят, но делают вид, что не видят. В первый раз ему не кричат «ура».

Морем огонь колышется

Русская армия расположилась южнее Москвы, у села Тарутино.

Кутузов немедленно занялся хозяйственными делами. Армия обтрепалась — надо ее одеть. Наступила осень — о теплой одежде надо подумать. С продовольствием плохо — надо пополнить запасы хлеба. Много у Кутузова разных дел.

И у Наполеона в Москве не меньше. Не оправдались надежды французов. Ушли, увезли все с собой жители. Нет в Москве ни хлеба, ни мяса. Нечем кормить коней. Лишь вина в погребах до отвалу. Напытятся солдаты — идет грабеж. А где грабеж, там сразу пожары. Осень сухая. Огню раздолье. Запылал Китай-город, Гостиный двор. В Каретном ряду пожарище. В Охотном ряду пожарище ...

... За Москвой-рекой Балчуг горит. Ночами светло как днем. Наполеон в Московском Кремле. Куда ни глянешь отсюда — огонь и огонь. Морем огонь колышется.

— Ваше величество, — обеспокоены французские маршалы и генералы, — опасно! Огонь подошел к Кремлю.

Не хочется Наполеону уходить из Кремля. Неловко и стыдно. Только занял Московский Кремль, и вдруг — будь мил, катись восвояси. Медлит Наполеон.

— Ваше величество, спасайтесь! Быстрее к реке... — умоляют императора генералы.

Медлит Наполеон.

— Ваше величество!..

И вот император нехотя надевает сюртук.

Бушует, мечется пламя.

Наполеон сбегает по широкой дворцовой лестнице: «Это дорога в ад», — вспоминает Наполеон слова Коленкура. В злобе кусает губы.

Четыре дня бушевали пожары.

К пятому дню от Москвы осталось пепелище.

Не город в руках французов — сплошные развалины.

Зато хороши дела у русских войск под Тарутином. Провиант сюда подвозят. Меняют солдатам одежду. Лошадьми пополняют конницу. Отдыхают спокойно солдаты.

Плохи дела в Москве у французов.

Есть над чем задуматься Наполеону: «Победитель я или нет? почему же русские не просят мира?»

Проходит три томительно долгих недели.

Негодует Наполеон:

— Мир, немедленный мир с Россией!

Не дождался император русских послов. Вызывает своего генерал-адъютанта маркиза Лористона:

— В Тарутино, к этой старой лисице — марш!

Тарутино

Понял Кутузов после посещения Лористона, что дела у французов плохи. Дал под Тарутином бой.

Опять загремели пушки. Скостились штыки и сабли. Сила на силу опять пошла.

Проиграли французы бой. 36 пушек досталось русским.

Дня четыре спустя после битвы прaporщик Языков с казачьим отрядом находился в разведке. Обнаглели совсем казаки, к самой Москве подъехали.

Стоят, смотрят на спаленный город:

— Вот она, наша страдалица. Дождик накрапывает осенний. Хотя и тепло и безветренно.

Где-то раздается собачий лай.

— Ты смотри, а говорят — французы псов всех поели!

— Этот хитрый, видать, убежал.

— Да-а, пропала Москва-красавица...

— Дура, о мертвых плачь! Не смертник Москва — отстроится.

Перешептываются казаки. Вдруг слышат — страшный грохот и взрыв долетает из города.

Переглянулись донцы, покосились на командира. Любопытство в душе казацкой. Переглянулись, помчались к Москве.

— Эх, была не была! Бог не выдаст — свинья не съест. На то и разведка.

Влетели они на пустынные улицы города. Ни французов, ни жителей. В молчанье лежат развалины. Лишь цокот от конских копыт в тишине раздается.

Понеслись всадники к центру. Доскакали до самой Ордынки, близко Кремль. Нигде не видать французов.

Попался какой-то стариk.

— Эй, борода, где басурманы?

— Ушли, ушли из Москвы французы. Ушли поутру, родимые.

Больше месяца пробыл Наполеон в Москве. Ждал император от русских посыльных с миром. Не явились к нему посыльные. Сам послал Лористона. Не привез согласия на мир Лористон. А тут еще бой под Тарутином. Да скоро зима. Да голод в армии. Что ж, как в мышеловке, сидеть в Москве? Нет, пока есть силы, пока не поздно — скорее домой. Ушли французы бесславно, как тень из Москвы.

Узнали казаки небывалую новость, забыли про грохот и взрыв, завернули коней, стрелой полетели с долгожданной вестью к Кутузову.

Потом и про взрыв, конечно, узнали. Злопамятен Наполеон. Мстит за свои неудачи. Приказал, уходя, взорвать Московский Кремль. К счастью, погибло немногое. Пошедший дождь загасил фитили.

Выслушал Кутузов доклад Языкова, перекрестился.

— Свершилось. Вот оно, неизбежное... Спасена отныне Россия.

Потом повернулся к селу Тарутину:

— Спасибо тебе, Тарутино!

Тишка и Минька

Оставив Москву, Наполеон пошел на Калугу. В Калуге — городе, войной не разоренном, французы надеялись пополнить свои припасы. А затем уже свернуть на Смоленск, на Вильну и вон из России.

Кутузов понял расчет противника и со своей армией стал у него на пути. У города Малый Ярославец разгорелась новая битва. И снова, как при Бородине, сражение длилось с утра до вечера. Упорство и французов и русских было отчаянным.

Выбили французы русских из Малого Ярославца. Начали атаку русские. Выбили русские французов из Малого Ярославца. Начинают атаку французы. И так восемь раз. Город то и дело из рук в руки переходил.

Малоярославские мальчишки братья-двойняшки Тишка и Минька при первом же штурме французов забились в подвал. Маленько оконце торчит наружу. Прилипли мальчишки к окну. Хоть и боязно, но интересно.

При подходе французов почти все жители оставили город. Ушли и родители Тишк и Миньки ...

... Они и ребят с собой увели. Только братья от них сбежали. Затерялись в общей толпе и — снова в город. Интересно им посмотреть на взарапдавший бой.

И вот ребята стоят у оконца. Все им впервые, все интересно. И как солдаты идут в атаку, и как командиры в бою кричат, и как дым от ружей по улице стелется.

Вначале, когда атаковали французы, бой шел где-то в отдалении. До ребят доносились лишь страшные крики. Потом, когда в город ворвались русские, одна из схваток завязалась на той улице, где стоял дом Тишк и Миньки. Отряд русских возглавлял молодой офицер. Нарядный, красивый.

Следят ребята за офицером.

— Генерал, — шепчет Минька.

— Молод для генерала, небось поручик, — уточняет Тишка.

Рядом с оконцем произошла жаркая схватка. Солдаты сошлись в штыки.

— Штык ржавеет без дела. Солдат без победы не солдат. Вперед! — И первым идет в атаку.

Минута — и штыки обагрились кровью. Заалели от ран мундиры. Кровавая лужа натекла на месте боя. Смешалась французская, русская кровь.

Отпрянули от оконца ребята.

— Страшно? — спрашивает Тишко у брата.

— Нет, — отвечает Минька.

Говорит «нет», а руки дрожат. И у Тишкы дрожат. Ходуном, непослушные, ходят.

Когда они вновь подошли к окну, то бой в этом месте уже окончился. Все стихло. Лежали на земле убитые. А ближе всех — молодой офицер. Видели ребята, что офицер штыком в атаке ранен. Он лежал и тихо протяжно стонал.

Переглянулись мальчишки.

— Его бы в подвал, — произнес осторожно Тишко.

— Эге, — согласился Минька.

Однако выйти наружу страшно. Постояли ребята и все же набрались храбрости. Крадучись выбрались из подвала. Подхватили офицера под руки, поволокли.

— Тяжелый, — шепчет тихонько Минька.

Втащили они офицера в подвал. И вовремя. На улице снова начался бой. Однако ребята к оконцу уже не ходили. Крутились около офицера. Воду ему на голову лили. Тишко от исподней рубашки оторвал клок почище и приложил к тому месту на офицерском боку, где виднелась рваная рана.

Офицер метался в жару. Что-то кричал. Утихал, потом принимался снова.

Так было до самого вечера. Так было и ночью. Намучились с ним мальчишки. То по соседству загорелись дома. И страшный дым повалил в подвал. Хорошо, что дом, в котором сидели Тишко и Минька, был каменным. Уберегся он от огня.

Потом началось самое страшное. Малый Ярославец остался в руках французов. Какие-то солдаты заняли дом. И ребята боялись, что вот-вот доберутся они до подвала.

— Тише, ваше благородие, тише... — уговаривают они офицера.

Офицер словно понимал их, умолкал, а потом снова метался в жару и крике.

К счастью, все обошлось.

Среди ночи ребят свалил беспробудный сон. Очнулись они — солнце уже высоко. Кругом тихо. Подбежали к окошку — нигде не видать французов.

А произошло вот что. Хоть и остался Малый Ярославец в руках у французов, да понял Наполеон, что к Калуге ему не прорваться. Впервые в жизни император не решился на новый бой. Отдал войскам приказ отступить.

Вылезли ребята из подвала. Смотрят — в город входят русские. А вместе с солдатами валят и жители. Вот и Тишкун и Минькин отец идет.

Увидел он сыновей:

— Ах вы разбойники!

Застыли Тишак и Минька. А отец недолго думая снял поясной ремень и тут же, прямо на улице, начал ребят стегать.

Терпят братья-двойняшки. Отец у них строгий. Другого и нечего ждать.

Наконец родитель устал, остановился, переводит дух.

— Тять, — начал Тишак, — а там раненый. — Он указал он рукой на торчащее из-под земли оконце.

— Офицер, — добавил Минька.

Спустился отец в подвал. Верно, не врут ребята. Присмотрелся — лежит молодой полковник.

— Ого!

Побежал отец, доложил кому следует. Пришли санитары, забрали полковника.

А отец снова свернул ремень и продолжил свою расправу. Правда, теперь бил уже не так больно и не столько ругался, сколько ворчал:

— Мать бы хотя пожалели... Ироды вы окаянные!..

Прошло несколько дней. И вдруг отец был вызван в городскую управу. Там ему вручили медаль ...

... К медали был приложен приказ, в котором значилось, что житель города Малого Ярославца Кудинов Иван Михайлович, то есть отец Тишака и Миньки, награждается медалью за спасение жизни русского офицера.

Опесил отец. Стал было объяснять, что тут-то он и ни при чем, что это спас офицера не он, а Тишка и Минька. Однако в управе слушать его не стали.

— Кто там спас, разбирайтесь сами. Получил медаль и ступай, не задерживай.

Вернулся отец домой. Не знает, что с медалью ему и делать. На две доли, что ли, ее рубить.

— Тут вам медаль. Одна на двоих, — заявил он ребятам.

Смотрят Тишка и Минька на медаль. Глазенки горят. Руки к ней сами собой тянутся. Вот бы такую на грудь надеть!

Однако отец у них строгий. Взял и спрятал медаль в ларец.

— Не для баловства подобные штуки, — заявил он суроно.

В ларце медаль и лежала.

Однако дважды в году, в рождество и на пасху, когда всей семьей Кудиновы отправлялись в церковь, отец доставал медаль.

В церковь шел при медали Тишка. Возвращался домой при медали Минька.

Большие последствия

Еще до того как разгорелась Бородинская битва, в дни, когда русская армия отступала, к князю Петру Багратиону неожиданно явился подполковник Ахтырского гусарского полка Денис Давыдов.

Багратион Давыдова знал давно — когда-то Давыдов служил у него адъютантом, — он принял его сразу и очень приветливо.

— Ну рассказывай, ну выкладывай. Начальство обидело?

— Нет, — отвечает Давыдов.

— Наградой обойден? В отпуск, наверное, просишься?

— Нет, — отвечает Давыдов.

Поразился Багратион. Ждет, что же скажет ему подполковник.

— Вот какую имею мысль, — произнес Давыдов.

И стал говорить о французской армии. Мол, растянулась армия на сотни и сотни верст. От самого Немана через всю Россию тащатся к ней обозы, идут подкрепления, порох, ядра везут.

— Верно, — бросает князь Петр.

— Все время туда и сюда мчатся курьеры с бумагами. Длинный французам путь.

— Так, так... — слушает Багратион. — Нового не открываешь.

— А новое в том, — вдруг заявил Давыдов, — что надо, ваше сиятельство, оставить у Бонапарта в тылу конные наши отряды. Пусть они обозы и мелкие части щупают. Будет немалый урон врагу. Прошу казаков и гусар — докажу.

Пока Давыдов все это говорил, лицо Багратиона светлело, светлело и даже вовсе расплылось в улыбке.

— Молодец! Дай поцелую. — Поцеловал. — Жди.

Багратион тут же пошел к Кутузову. Начал с того, с чего и Давыдов. Мол, французская армия растянулась на сотни и сотни верст... И передал все слово в слово о просьбе Дениса Давыдова.

Выслушал Кутузов Багратиона:

— Фантазии разные...

Кутузов только что принял армию, готовился к бою и берег каждый отряд солдат.

— Ваша светлость, — обиделся Багратион, а был он на редкость вспыльчивым, — фантазии в том, что часто мы собственной выгоды не разумеем! — И потом ужетише: — В этом деле есть полный резон. Тут выйдут большие последствия.

— Ну ладно, голубчик, ладно. Я же ведь так. Человек-то надежный твой подполковник? Говоришь, из гусар?

— Надежный, ваша светлость. Пять лет у меня в адъютантах был.

Подумал Кутузов:

— Ладно, может, и вправду дело будет сие значительным. Распорядился Кутузов выделить Давыдову 50 гусаров и 80 казаков.

Так возник первый партизанский отряд. Русская армия отошла дальше, а Денис Давыдов ушел в леса.

Немало причинили партизаны вреда французам. Фельдмаршал вскоре оценил мудрое предложение Давыдова и теперь уже сам стал отправлять отряды солдат в тыл к неприятелю.

К солдатам все чаще и чаще присоединялись крестьяне. Они и сами создавали свои отряды. Сотни и тысячи крестьянских отрядов разили теперь врага.

Как в половодье река сокрушает округу, так и тут — на войне народной — прорвался крестьянский гнев. Спустя два месяца, когда русская армия уже перешла в наступление, Кутузов распорядился вызвать в ставку к себе Давыдова.

Он долго смотрел на гусара. Наконец произнес:

— Тут я как-то при жизни князя Петра назвал твой маневр фантазией. Прости старика. Только не думай, что я от слов своих отрекаюсь. То, что свершилось, доподлинно есть фантазия.

И так же, как тогда князь Багратион, подошел и крепко расцеловал Дениса Давыдова.

Туда и обратно

Слухи о доблестных делах партизана Дениса Давыдова катили в русскую армию валом. Один за одним. То обозы с порохом перехватили, то разогнали артиллерийскую часть. То схвачен курьер с очень ценностными бумагами, то сам Давыдов в бою отличился — зарубил четырех французов.

Стал молодой корнет Васильчиков мечтать о том, чтобы и ему попасть к партизанам. Эскадронного командира просил:

— Отпустите к Давыдову!

К полковому начальнику бегал:

— Отпустите к Давыдову!

Однако начальники не отпускают. Подумал корнет, подумал, взял и ушел без разрешения. Правда, оставил записку. Мол, не считайте, что я дезертир. Не могу я — ушел к партизанам.

Стал пробираться он в Гжатский уезд, туда, где были отряды Давыдова. Едет, думает о Давыдове. Представляется ему партизанский начальник заправским гусаром, в гусарской куртке, в шнурках гусарских, в гусарской шапке с лихим султаном.

Добрался корнет до Гжатска удачно. Разыскал партизанский отряд. Вернее, партизаны у Гжатска его схватили и привели к Давыдову в лагерь. Глянул

корнет на Дениса Давыдова. А где же гусарская куртка, где султан и галун гусарский?!

Стоит перед ним настоящий мужик. Борода крестьянская, каftан крестьянский, даже кушак крестьянский. Растерялся Васильчиков. Забыл и представиться. Смеется Давыдов:

— Честь имею, подполковник Давыдов. Слушаю вас, корнет.

— Васильчиков, — выдавил корнет. Устал он с дороги, отправился спать.

Уложили его под сосной на шинели, укрыли каким-то рядном.

В общем, началась жизнь партизанская.

Утром стал Давыдов его поучать:

— Что важнейшее для партизана?

Разводит корнет руками ...

...

— Внезапность, — отвечает Давыдов. — И непрерывность в движении. — В чем партизана главная сила? — И опять отвечает: — Бить не числом, а умением.

И вот — походы, переходы, ночевки в лесах. То мокнешь под ливнем, то зябнешь от стужи, то спишь на сырой земле.

Бои без плана, без всяких правил: то утром рано, то поздно вечером негаданный бой, то ночью — уснул — тревога.

Непривычен к такому корнету. Стал он жалеть, что ушел из части. Покрутился еще с неделю, взял и покинул партизанский отряд. Даже записки не оставил.

Вернулся Васильчиков в армию.

А когда он исчез, в армии было целое дело. Самовольство для офицера — серьезная вещь. Доложили тогда Кутузову об уходе корнета.

Теперь доложили о его прибытии.

Выслушал Кутузов, распорядился:

— Наказать за самовольный отъезд. — Потом подумал и строго добавил: — А за то, что вернулся, — вдвое.

Солдатское превосходительство

В бою под солдатом драгунского полка Ермолаем Четвертаковым была ранена лошадь. Четвертаков попал в плен. Привезли его в Гжатск. Из Гжатска солдат бежал.

Оказался он в тех местах, занятых неприятелем.

Пришел драгун в деревню Басманы. Видит — крестьяне воинственны, французов чумой ругают. Злой мужик кипит.

Тут-то и пришла Четвертакову мысль поднять крестьян на борьбу с французами, создать партизанский отряд. Заговорил.

И вдруг крестьяне замялись. Мол, неизвестно, откуда прибыл солдат. Как знать, что из того получится. Лишь молодой рябоватый парень пошел за драгуном.

Поехали они вместе в деревню Задково — там поднимать крестьян. По дороге встретили двух французов. Убили. Потом еще двоих встретили. И этих прикончили.

— Ух ты! Двое — и вдруг четверых! — подивились крестьяне в Басманах.

— А если четверо — то получится восемь!

— А если восемь — то будет шестнадцать!

Заволновались в Басманах: а вдруг как мужики из Задкова прежде их создадут отряд?

— Давай возвращай драгуна!

— Сами желаем иметь отряд!

Вернулся в Басманы драгун. Извинились сельские жители.

— Не обижайся. Хотели тебя проверить, — схитрили крестьяне. — Стоящий ли солдат.

Сразу же более двухсот мужиков дали свое согласие быть у него в отряде. Это было началом. Вскоре из всей округи свыше четырех тысяч крестьян собралось под командованием Четвертакова.

Стал Четвертаков признанным командиром. Порядки в войске завел военные: караулы, дежурства и даже учения. Следил строго, чтобы головы крестьяне держали высоко, животы не распускали.

— Да ты что, полковник, — смеются крестьяне. А сами довольны, что крепкой руки начальник.

— Что там полковник — сам генерал! Ваше превосходительство!

Жили крестьяне по-прежнему в селах. Поднимались они по тревоге, когда возникала нужда...

Едет французский отряд по русской дороге. Обоз, но с большой охраной. Порох доставляют для армии. Кони пушку везут впереди. Это чтобы пугать крестьян, ну и себя, французов, конечно, подбадривать.

Звенят, гудят, переливаются на церковных звонницах колокола. То медью ударят, словно в набат, то трепетно, тонко зальются

. Приятно французам слушать.

Вот здесь отгремели. Ушли за бугор — там тоже деревня и церковь.

Подхватились и слева и справа. Идет от села к селу перезвон. Приятные звуки...

Продолжают французы свой путь. Идут и не знают того, что это не просто звон — это для них звон погребальный.

Четвертаков использовал церковные перезвоны как сигналы для своих отрядов. В каждом переливе свои команды. Слушай внимательно — будешь знать, куда идти и где собираться.

Продолжают французы свой путь. А в это время из разных окрестных сел выходят уже отряды. Приказ — собраться сегодня у ручья, у Егорьевской балки.

Подошли французы к ручью — крестьяне со всех сторон. Несметно. Черно от кафтанов. Конный виден в крестьянских рядах — наверно, начальник.

Скомандовал конный. Бросилось воинство на французский обоз. Растерялись солдаты, что были с пушкой, — куда палить, в какую же сторону? Всюду крестьяне. Стрельнули в конного, в старшего. Да, к счастью, того, перелет.

Выстрел был первый и последний. Не успели французы вставить новый заряд. Ноги крестьянские быстры, руки проворны и цепки. Пушка, обоз, солдаты — все через минуту в крестьянских руках.

Возвращаются партизаны с отважного дела домой. Едет на коне солдат Четвертаков, Ермолай... как там тебя по батюшке? Эх, можно, пожалуй, без батюшки. Ермолай Четвертаков — генерал крестьянский. Ваше солдатское превосходительство!

Аркан

Наловчились крестьяне села Локотки арканом ловить французов. Спрятчутся где-нибудь в кустах при лесной дороге, ждут — не прейдет ли какой отряд. Дождутся — конных ли, пеших, подстерегут отставшего и немедля аркан ему на шею. Кляп ему в рот, пока не вскрикнул. И будь здоров, мусье. Словно карась, на уду попался.

Как-то снова крестьяне засели на выгодном месте. Вначале была неудача — никто не движется. И вдруг конный отряд рысями. И, как всегда, кто-нибудь сзади. На сей раз рослый с чубом француз. Подъехал француз к кустам, где притаились крестьяне. Взвился аркан ...

... Полетел наездник с коня. Кляп в рот ему немедленно.

Приволокли мужики француза к себе в Локотки. Дорогой еще пристукнули. Уж больно ершистый француз попался. Все ногами крестьян пинал.

Положили крестьяне пленного в каком-то хлеву. Притащили воды, плеснули на голову. Вынули клял. Решили вести в уезд, в Сычевку. Там принимали пленных.

Поднялся француз, как закричит:

— Путаны бороды! Сивые мерины! Рог вам бугаев под самое дыхало!

Крестьяне так и разинули рты. Икота на иных напала.

Оказалось, то был не француз, а донской казак из отряда Дениса Давыдова. Казаки специально оделись во французскую форму. Ехали то ли в разведку, то ли еще по какому делу.

Опомнились, пришли, конечно, крестьяне в себя:

— Да откуда мы ведали.

— На лбу не написано.

— Скажи спасибо, что жив остался.

— Глаза поросячья! Дубы неотесанны! — не утихает казак. — А это что?! — и тычет на чуб казацкий.

Конечно, чубов у французов не было. Да поди разгляди там в такую минуту.

— Ладно, — наконец приостыл казак. — Есть ли у вас чарка вина?

— Это найдется.

Выпил казак, тряхнул плечами:

— Ну, мужички, бывайте! Благодарствую за угощение.

Несколько дней крестьяне не решались выходить на дорогу.

— Ну их, снова не энного схватишь!

А потом опять принялись за дело. Однако теперь осторожнее. Схватят француза крестьяне, смотрят прежде всего на голову — не виден ли чуб казацкий.

Россия есть Россия

Наслышавшись всяких донесений о действиях крестьянских отрядов, Кутузов решил взглянуть на живых героев. Под городом Юхновом собрались к нему партизаны. Были всякие: и старые и молодые, подороднее и попроще, кое-кто с боевыми рубцами, и даже один без глаза, и тоже, как у Кутузова, правого.

Набились крестьяне в избу. Расселись. Стал угощать их Кутузов чаем. Пьют мужики осторожно, не торопясь, сахар вприкуску.

За чаем зашел разговор. Конечно, прежде всего о войне, о францаузах.

— Французы народ геройский, заявляют крестьяне. — Да только духом они слабее. Дал Бонапарт промашку: разве испугом возьмешь Россию!

— Тут Невский еще сказал, — вспомнил безглазый. — Придешь с мечом, от меча и погибнешь!

— Верно! — шумят крестьяне.

Заговорили затем о Москве.

— Конечно, жалко. Не маленький город. Веками в народе славится. Да разве Москва — Россия? Отстроится город. Была бы жива держава.

Хвалит Кутузов крестьян за смелые стычки с французами.

— Мы что... Нам достается плотвичка. Тут армии первое слово.

Видит Кутузов — неглупый народ собрался. Приятно вести беседы.

— О Денисе Давыдове слышали?

— А как же! И в нашем уезде его отряды

. Лихой командир. Зачинатель великого дела.

— Говорят, на Смоленщине женщина видная есть?

— Так это же Кожина, — отвечают крестьяне. — Старостиха Василиса. Гвардейская баба! Мужеской хватки.

Вспомнили солдата Четвертакова.

— Природный начальник. Ему в офицерах положено быть.

Потом как-то, Кутузов и не заметил, разговор перешел на другое. Заговорили крестьяне про озимые, про яровые. Про недород на Смоленщине. Потом о барах. И вдруг:

— Михайла Илларионович, ваша светлость, а как насчет воли? Чай, после победы крестьянам ее дадут?

— И как там с землей? — сунулся кто-то.

Не ожидал Кутузов такого. Ну что он скажет крестьянам про волю? Дикость, конечно, в России. Кутузов бы волю дал. Да он ведь только над войском начальник. Сие не ему решать.

Не знает, что и ответить фельдмаршал. Впервые попал впросак.

Ясно крестьянам, что трудный задали вопрос. Не захотели смущать Кутузова, снова вернулись к войне. Да только разговор как-то уже не клеился. Отпустил их Кутузов.

Идут по селу крестьяне:

— Да, воли оно не предвидится.

— И земля, как была, у господ останется.

Замедлил ход вдруг какой-то парень. Скинул он шапку и с силой об землю:

— Только напрасно с французами бьемся! Жизнью своей рискуем.

— Цыц, молоко необсохшее! — выкрикнул тот, безглазый. — Тут вещи не равные — разные. Баре есть баре. Россия есть Россия!

Серебряный оклад

Солдат Жорж Мишле шел в Россию с большой охотой: «Россия страна богатая. Немало добра домой привезу». Да что там Мишле, все солдаты в такое верили. Сам император это обещал.

Стал Мишле припасать богатства. В Смоленске — шубу из горностая. В Вязьме достал дорогие подсвечники. В Гжатске — ковер из памирской

шерсти. В Москве в каком-то большом соборе похитил икону в серебряной раме.

Доволен Мишле. Взял бы еще, да тяжесть и так большая. «Ну, — рассуждает Мишле, — теперь пусть русские просят мир. Готов я домой к отбытию».

А русские мира не просят ...

... Что ни день, то французам все хуже и хуже. Лютым местом стала для них Москва.

И вот покатились французы. Дай бог унести из России ноги. Поспешно стал собираться Мишле. Вещи свои пакует. Ковер из памирской шерсти — в мешок, в ранец солдатский — подсвечники, шубу — поверх мундира. А икону куда? Икону вынул, оклад надел на шею. Торчит из нее мародера лицо мародера^[13], словно лицо святого.

Гонят французов русские. Армия бьет. Партизаны в лесах встречают. У дорог стерегут крестьяне.

Быстрым маршем идут французы. Потеет Мишле.

Унести такое добро силы нужны немалые. Ранец плечи ему натирает. Оклад тяжелый — полпуда в нем серебра — голову веткой к дороге клонит. Шуба длинная, полы волочатся — трудно в такой идти.

Отступает французская армия. Неустанно тревожат ее казаки. Кутузов в боях добивает.

Все больше и больше отставших среди французов. Еле плетется Мишле. Отстает от своих солдат. Силы его покидают. Нужно с добром расставаться.

Дошли до Гжатска. Тут когда наступали, Мишле раздобыл ковер. Вспомнил француз о хороших днях, поплакал. Кинул памирский ковер.

Дошли до Вязьмы. Тут достал дорогие подсвечники. Глянул на них. Вытер слезу. Бросил подсвечники.

Дошли до Смоленска — расстался с шубой.

Расстается с вещами Мишле. Жалко до слез добытого. Плачет Мишле. Ружье незаметно бросил, ранец откинулся. Однако оклад упорно тащит.

— Да брось ты проклятый оклад! — кричат упрямцу товарищи.

И рад бы, да не может бросить Мишле. Не в силах расстаться

. Ему богатства же были обещаны. Он, может, в Россию специально шел ради этого серебряного оклада.

Оставили вовсе солдата силы.

Отстал за Смоленском Мишле. Отстал, отбился и помер в дороге.

Лежит в придорожной канаве рама. Торчит из нее мародера лицо, словно лицо святого.

Свадьба

В каком-то селе под Сморгонью Кутузов попал на крестьянскую свадьбу.

Пригласили — не отказался.

Изба-пятистенок. Столы и лавки в длиннющий ряд. Место для плясок. Ведра с рассолом — для тех, кто начнет хмелеть. В ярких одеждах гости. Жених в рубахе небесного цвета. В розовых лентах невестин наряд.

Сидят молодые. Рядом Кутузов.

Вот так невидалъ в русской деревне! Свадьба не то чтобы с каким генералом, а прямо с самим фельдмаршалом!

Вокруг избы все село собралось. Буйно идет веселье. Пьют за невесту.

— За здоровье жениха!

— Горько, горько! — кричат крестьяне.

Целуются молодые.

— За то, чтобы полная чаша в доме!

— За здоровье отца невесты!

— За, женихова родителя!

— За матерей! (И разом, и по отдельности.)

И вдруг:

— За его светлость фельдмаршала князя Кутузова!

Поднялся Кутузов с почетного места:

— Увольте, увольте! Я не жених, — и сам подымает чару. — За матушку нашу — Россию. За богатырский народ!

— За Россию! — кричат крестьяне.

Вернулся Кутузова в штаб свой с веселья. Окружили его генералы.

— Ваша светлость, вам ли по свадьбам мужицким ездить, здоровье свое не беречь. — И в адрес крестьян с укоризной: — Война кругом полыхает, а им хоть бы что, свадьбы себе играют. Как-то оно не совсем прилично.

— Прилично, прилично, — ответил Кутузов. — К мирной жизни народ стремится. Чует конец войны. Мир, а не бой, жизнь, а не смерть искони в душе россиянина.

Новый поход

1812 год. Декабрь. Неман. Граница России. Тот же мост, что переходили летом полгода тому назад. Идут по мосту солдаты. Только уже в обратную сторону. Не чеканят больше солдатский шаг. Не бьют барабаны. Не пыжатся дудки. Знамен не колышется строй. Горстка измученных, крупица оборванных, чудом еще в живых, покидают французы российский берег. Жалкий остаток великой силы. Доказательство силы иной.

Вышли русские к Неману, остановились. Вот он, конец похода.

— Выходит, жива Россия!

— Жива, — произнес седоусый капрал.

Смотрят солдаты — капрал знакомый.

— Ба, да не ты ли нам сказку тогда рассказывал?

— Я, — отвечает капрал ...

...

— Значит, вырос телок в сохатого, — смеются солдаты. — Копытом злодея насмерть!

— Выходит, что так.

Легко на душе солдата — исполнен солдатский долг.

Стоят солдаты над обрывом реки, вспоминают былое время. Витебский бой, бои под Смоленском, жуткий день Бородинской сечи, пожар Москвы... Да, нелегок оказался путь к победе. Будут ли помнить дела потомки?.. Немало пролито русской крови. Многих не счасть в живых.

Взгрустнулось чуть-чуть солдатам. Поминают своих товарищей. И радостен день, и печален.

В это время сюда же, к реке, подъехал со свитой Кутузов.

— Ура-а! — закричали солдаты.

— Спасителю отечества слава!

— Фельдмаршалу слава!

— У-у-р-р-а-а!

Поклонился Кутузов солдатам:

— Героям отечества слава! Солдату русскому слава!

Потом подъехал поближе к солдатам:

— Устали?

— Устали, — признались солдаты. — Да ведь уже конец похода.

— Нет, — говорит Кутузов. — Вам новый поход.

Смутились солдаты. К чему тут фельдмаршал клонит? А сами:

— Рады стараться! — Так армейский устав велит.

Отъехал Кутузов на видное место. Обвел он глазами войска. И голосом зычным (куда старики хрипь девалась!):

— Герои Витебска, герои Смоленска, соколы Тарутина и Ярославца, Бородинского поля орлы — незабвенные дети России! — Кутузов приподнялся в седле. — Живые, мертвые — стройся! Героям новый поход — в века!

Мчал в Петербург курьер

Из Таганрога, от берегов Азовского моря, мчал в Петербург курьер. Курьер был в высоком военном звании.

И если вдруг на почтовых станциях не находилось в тот час лошадей, тряслись и бледнели начальники станций.

— Из-под земли достать лошадей! В Сибирь упеку! — громыхал курьер.

— Свят, свят, — крестились начальники станций. — Упаси в другой раз от таких гостей.

1825 год. Ноябрь. Осень стоит на юге. На севере выпал снег. То в таратайке летит курьер, то несется в кибитке, в санях. Верста за верстой, верста за

верстой. Хрипят, задыхаются в беге кони. То брызжет из-под копыт грязь, то снежные вихри взбивают полозья.

Мчит в Петербург курьер. А справа и слева лежит Россия.

Россия, Россия! То степью она раскинется, то прошумит дубравой. Зябью посмотрит в небо. Топью болотной ляжет. Встанет сосновой и елью. То песней она откликнется, то в горе людском притихнет. То упадет в молитве, то в гневе народном Россия вздыбится.

И днем и ночью летит курьер. Эй, пеший, эй, конный, сходи с дороги! С сообщением срочным, с сообщением тайным спешит курьер.

А следом несутся слухи:

— Может, снова война с неверными. (В те годы Россия часто сражалась с Турцией.)

— Может, снова явился Разин. (Не забыт он, не стихает в народе молва о Разине.)

— Может, царь-государь забыл в Петербурге сверхважный, сверхтайный, сверхсрочный пакет и гонит за ним курьера. (В те дни русский царь Александр I был как раз в Таганроге.)

Мчит в Петербург курьер. Верста за верстой, верста за верстой. Хрипят, задыхаются в беге кони.

Примчал наконец в Петербург курьер. Сдержал лошадей у Зимнего . Бросился в царский дворец.

— К его высочеству великому князю Николаю Павловичу. Из Таганрога.

Распахнулись немедля двери. Принял великий князь Николай гонца.

Замер курьер, как солдат на параде:

— Ваше высочество, в Таганроге...

— Так что в Таганроге?

— Горе какое, горе...

— Короче давай, короче!

— В Таганроге скончался царь.

Николай быстрым шагом прошел по комнате, проверил, хорошо ли закрыты двери. Вернулся. Палец поднес к губам:

— Тсс!

И грозно взглянул на курьера.

Шумно сейчас у Рылеева

— Смерть тиранам! Царям и монархам смерть!

На квартире у отставного поручика поэта Кондратия Рылеева собрались члены тайного общества.

Свечи горят в подсвечниках. Виден в углу камин. Подошел Рылеев к камину. К поленьям свечу поднес. Побежал огонек. Заиграло пламя.

Тайных обществ в России два. Одно — в Петербурге, на севере. Оно так и называлось — Северным тайным обществом. Второе возникло на юге, на Украине. Оно называлось Южным.

Стонет под властью царей Россия. Сбросить царей в России, дать землю и волю крестьянам — вот главное в планах обоих обществ. Шумно сейчас у Рылеева. Все веселее гудит камин. Тянутся пламя в трубу кинжалами.

Офицеры сидят у Рылеева. Большинство — совсем молодые люди.

Гвардейские здесь офицеры, армейские. Гусары, уланы, драгуны. Офицеры морские, от артиллерии, от инfanterии^[14] — представители разных войск.

Шумно сейчас у Рылеева. Обсуждается план восстания. Удачный настал момент. Не дождался великий князь Николай от Константина прямого ответа. Решил Николай не медлить. Рвется он стать царем. Уже заготовлен о том манифест. 14 декабря утром он будет зачитан сенаторам. Сенаторы принесут присягу. И с этой минуты великий князь Николай станет царем Николаем I.

— Не быть Николаю царем!

— Не быть Николаю царем!

План у молодых офицеров такой: вывести 14 декабря утром войска на Сенатскую площадь, вступить в Сенат, заставить сенаторов отклонить манифест Николая, а затем собрать представителей от всех областей России и вместе с ними решить, кому и как дальше Россией править ...

...

Все ярче и ярче горит камин. Пламя бурлит и пляшет.

С чего же начать восстание? Как обеспечить его успех?

Предлагает Рылеев:

— Нужно ворваться в Зимний дворец. Нужно схватить Николая.

Нет тут другого мнения.

Капитан Александр Якубович обещает со своими солдатами штурмом взять Зимний дворец.

— Нужно взять Петропавловскую крепость.

— Верно, верно. И это верно.

Полковник Александр Булатов дал слово повести солдат на крепость.

— Нужен диктатор (то есть предводитель всего восстания). Кому же диктатором быть?

— Трубецкому! Трубецкому! Пусть полковник князь Сергей Трубецкой старшим над всеми будет!

Согласен Рылеев, согласны все. Князь Сергей Трубецкой согласен. Поднялся Кондратий Рылеев:

— Друзья! Минуты дороги. Смерть тиранам! Свобода родине! К делу, друзья. Ура!

— Ура! — пронеслось по комнате.

Разошлись по домам офицеры. Остался один Каходский. Давно вызывался поручик Петр Каходский убить царя.

Спросил Рылеев:

— Не передумал?

— Стою на прежнем, — сказал Каходский.

Поклялся Каходский убить царя.

Бушует, бушует в камине пламя. Рвется в трубу пожаром.

Барабанщики бьют тревогу

Тра-та-та, тра-та-та, тра-та-та!.. Барабанщики бьют тревогу.

— Выходи! Становись!

— Выходи! Становись!

Утро. 14 декабря. Члены тайного общества, штабс-капитаны братья Александр и Михаил Бестужевы и штабс-капитан князь Дмитрий Щепин-Ростовский взбунтовали лейб-гвардейский Московский полк.

— Выходи! Становись!

Распахнулись ворота полковых казарм. Устремились вперед солдаты.

Рядовой Епифан Кириллов чуть запоздал к командам. Бросился вслед за своей уходящей ротой. Почти догнал. Только хотел пристроиться. Но вдруг:

— Стой! Ни с места! Ни шагу вперед!

Замер, оцепенел солдат. Застыл столбом верстовым на месте.

Перед восставшими появился командир полка генерал-майор Фредерике.

— Кругом! — кричит Фредерике. — Быдло! Кругом! В казармы!

Хотел повернуться кругом Кириллов. Да только видит: никто из солдат не дрогнул. Не повернулся никто кругом.

Слышит Кириллов:

— Прошу, генерал, отойдите. — Это сказал Александр Бестужев.

— Прочь, прочь, убьем! — раздались солдатские голоса.

— Молчать! — вскипел Фредерике. — Слушай мою команду!

Озверел Фредерике. Рот до ушей от крика. И главное, смотрит именно на Епифана Кириллова. Оробел гренадер. Застыл по стойке «смирно». Ждет, какую ж команду слушать.

Только команду так и не успел прокричать Фредерике.

Штабс-капитан Щепин-Ростовский ударом сабли сбил генерала с ног.

Упал, замолчал Фредерике. Хотел Епифан Кириллов скорей подбежать к своим. Но тут же:

— Стой! Ни с места! Ни шагу вперед!

Вздрогнул солдат, снова застыл на месте.

Это бежал к воротам бригадный командир генерал-адъютант Шеншин.

— Кругом! — закричал на солдат Шеншин. — Кругом! В казармы! Молчать! Слушай мою команду! — и тоже, как генерал Фредерике, на Епифана Кириллова смотрит.

Застыл Епифан

. Ждет, какую ж команду слушать.

Но не успел закончить команду Шеншин. Сабельным ударом сбил и его Щепин-Ростовский с ног.

Рухнул как сноп генерал на землю. Рванулся Кириллов быстрее к своим. Но тут же:

— Стой! Ни с места! Ни шагу вперед!

Снова застыл солдат. Даже пот у бедного выступил. Это подбегал к восставшим полковник Хвошинский.

— Кругом! В казармы! Кругом! Изменники! — кричит Хвошинский. Кричит и тоже, как на грех, на Епифана Кириллова смотрит.

Отдельно стоит Кириллов. Больше других приметен. Поежился под пристальным взглядом солдат. Хотел повернуться к казармам. Да в это время снова вскинулся Щепин-Ростовский саблю.

Однако хитрее других оказался Хвощинский. Не пожелал он на землю падать. Зайцем метнулся в сторону. Чуть Кириллова с ног не сбил. От неожиданности даже Кириллов вскрикнул.

— На Сенатскую, братцы. За мной! Вперед! — скомандовал Александр Бестужев.

— Наконец-то команда ясная, — просиял Епифан Кириллов.

Вышли солдаты на улицу. Идут на Сенатскую площадь. Чеканят шаг. Не двадцать, не тридцать идет солдат. В строю восемьсот гвардейцев.

«Почему никого не видно?!»

Сенатская площадь. Берег реки Невы. Памятник царю Петру I. Вздыбил бронзовый Петр коня.

Кажется, что вот-вот сорвется рысак с огромного камня и стукнет копытами по мостовой.

Если станешь лицом к Неве — справа Адмиралтейство, слева Сенат. Сзади за памятником Петру I стройка Исаакиевского собора. Прямо перед тобой мост через Неву. На том ее берегу, если глянуть чуть-чуть правее, стены и шпиль Петропавловской крепости. Идут лейб-гвардейцы на Сенатскую площадь, а в это время в других местах...

— Стройся! Шибче! Не трусь, ребята! — Это морской офицер Николай Бестужев и лейтенант Антон Арбузов подымают моряков гвардейского экипажа.

— Дружнее, ребята, дружнее ...

... Другие уже на площади. Нам ли в последних быть! — Это поручики Александр Сутгоф и Николай Панов выводят лейб-grenaderov.

Призывают декабристы к восстанию солдат и в других местах.

Пришел на Сенатскую площадь Московский полк. Построились солдаты в боевое каре — четырехугольником, перепроверили, хорошо ли заряжены ружья.

Тихо, пусто возле Сената. Беспечно кружит поземка. Ветерок по камням шныряет.

Смотрят солдаты, а где же кареты, где экипажи, где же сами сенаторы? Сейчас начнется присяга царю. Но почему никого не видно?!

— Почему никого не видно?!

Попался солдатам какой-то старик. В длинной енотовой шубе.

— Были. Разъехались... Состоялась уже присяга.

— Как состоялась?!

— Да вот так. По закону: присягнули, и все.

Что же случилось?

Накануне восстания великий князь Николай вдруг узнал о заговоре декабристов. Нашелся предатель — поручик Яков Ростовцев. Рассказал великому князю, что утром войска выйдут на Сенатскую площадь.

— А ты... того... не выдумал? — грозно спросил Николай.

— Никак нет, ваше высочество. Сам своими ушами слышал. Сам при уговоре злодеев был. — Сбавил Ростовцев голос: — Выйдут на площадь они пораньше. До начала присяги поспеть хотят...

— Ах, до присяги! — воскликнул великий князь. — Ну что ж, на всякое «раньше» бывает «еще раньше».

Разбудили, растолкали среди ночи в теплых кроватях сенаторов. Привезли их в Сенат сонных, небритых, не евших.

В семь часов утра великий князь Николай огласил манифест. Принесли сенаторы присягу. В семь двадцать стал Николай царем.

Пришел Московский полк на Сенатскую площадь. Ни царя, ни сенаторов. К этому времени все разъехались.

«Где Александр Бестужев?»

Двинул царь Николай I против восставших войска. Выступление на севере и на юге было раздавлено. Начались аресты декабристов. Задержанных немедленно доставляли в Зимний дворец к царю.

Вот схвачен Рылеев. Вот схвачен Кауховский. Князь Трубецкой задержан. Штабс-капитан Щепин-Ростовский взят прямо в бою на Сенатской площади. В бою на юге взяты Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин. Арестованы Розен, Сутгоф, Панов...

Царские сыщики искали Александра Бестужева.

Александр Бестужев был не только гвардейским офицером, но и известным в стране писателем. Печатался он под именем Марлинский.

Ворвались сыщики в дом Бестужевых.

— Где Александр Бестужев?

— Нет Александра Бестужева.

Бросились к месту военной службы.

— Где Александр Бестужев?

— Нет Александра Бестужева.

Стали вспоминать жандармские офицеры, с кем Бестужев был близок, с кем находился в приятельских отношениях. Ездили на Мойку, на Фонтанку, на Васильевский остров.

— Где Александр Бестужев?

Сбились с ног царские сыщики, прибыли в Зимний дворец, докладывают:

— Нет Александра Бестужева.

— Разыскать! — последовал строгий приказ.

И снова по петербургским улицам, по разным домам, по офицерским квартирам и клубам забегали сыщики и жандармы.

— Где Александр Бестужев?

— Где Александр Бестужев?!

А в это время к Зимнему дворцу подходил офицер. Был он в полной парадной форме. В мундире, при сабле. Шпоры на сапогах. Пересек офицер Дворцовую площадь. Быстрым шагом направился к Зимнему. Перед ним распахнули дверь. Офицер переступил порог и представился:

— Я — Александр Бестужев.

— По-рыцарски поступил сочинитель Марлинский, — доложили царю приближенные. — Явился, ваше величество, сам.

«По-рыцарски» ответил на это и царь Николай I. Приказал заточить Александра Бестужева в Петропавловскую крепость, в Алексеевский равелин.

Тройка

Пронька Малов первым заметил тройку. Выскочила она из-за леса, птицей с бугра слетела. Тряхнув бубенцами, пронеслась перед Пронькой. Исчезла за поворотом.

«К барам в гости», — подумал Пронька.

Помчал по селу мальчишка:

— Тройка, тройка, а в ней военный!

Гадали тогда в селе, кто же приехал к барину. И к какому из них, к молодому ли, к старому?

А через час тройка неслась обратно.

И снова Пронька ее увидел. А вместе с ним увидел тройку и бывалый солдат Гурий Донцов.

— Дела... — произнес Донцов. — И с чего бы?..

Объяснил он Проньке, что тройка была фельдъегерской, что в кибитке сидел жандарм. А рядом... Впрочем, молодого барина Пронька и сам разглядел. Умчал неизвестно куда жандарм молодого барина.

...1812 год. Русские войска отступают под ударами французского императора Наполеона I. В барском доме переполох.

— Никита! Никита! Никитушка!

Дворовые сбились с ног.

— Никита! Никита! Никиту-ушка!

Шестнадцатилетний Никита Муравьев исчез из дома.

Через несколько дней младший брат Никиты — Александр признался: Никита бежал на фронт.

Никита Муравьев сражался под Дрезденом, под Лейпцигом. Вместе с русскими войсками вступил в побежденный Париж. В Париже он прожил несколько лет. Изучал здесь политику и историю.

В 1816 году вышла в свет большая работа историка Н. М. Карамзина «История государства Российского». Предисловие к этой работе кончалось словами: «История народа принадлежит царю».

«История народа принадлежит народу» — так ответил на слова знаменитого историка молодой офицер Никита Муравьев.

Вместе с Кондратием Рылеевым Никита Михайлович Муравьев был одним из главных руководителей Северного тайного общества. В день Декабрьского восстания на Сенатской площади его не было. Никита Муравьев находился в орловском имении родителей своей жены. Сюда и примчался за ним жандарм ...

...

Долго гадали в селе крестьяне, за что и куда увезли их молодого барина. Барин был добр, крестьяне его любили.

Вместе со всеми гадал и Пронька.

— Знаю, знаю! — кричал мальчишка. — К царю он поехал. На званый прием.

— Во-во — на прием названный, — усмехался солдат Донцов.

По всей России носились тогда фельдъегери. Хватали они декабристов.

Лунин и Зайчиков

Декабрист подполковник Михаил Сергеевич Лунин отказался спастись от расправы. Спасти же Лунина намеревался сам великий князь Константин. Подполковник был у него в адъютантах.

14 декабря Лунин находился в Варшаве и, конечно, на Сенатской площади не был. Но и ему угрожал арест. Лунин состоял членом тайного общества.

Великий князь Константин любил своего адъютанта. Умен, находчив молодой подполковник. Ростом высок, подтянут. К тому же лихой наездник. А князь Константин обожал лошадей.

Распорядился великий князь Константин приготовить для Лунина иностранный паспорт.

— Паспорт готов. Граница рядом. Бери бумагу. Скачи к границе. И ты свободен.

И вдруг Лунин отказался взять паспорт.

Великий князь Константин даже обиделся:

— Ну смотри, смотри...

— Не могу, — объясняет Лунин. — Не могу побегом обесчестить себя перед товарищами.

Дежурный офицер Зайчиков, узнав про такое, сказал:

— Хитер, хитер Лунин. Не зря не берет паспорт. Иное, видать, придумал.

Предположение дежурного офицера вскоре подтвердилось. На охоту стал собираться Лунин. Давно он мечтал съездить в леса, к самой силезской границе, сходить с ружьем на медведя. Много медведей в силезских лесах. Знатная там охота.

Попросил Лунин у великого князя Константина разрешение на отъезд

. Дал великий князь разрешение. Получил Лунин нужный пропуск, уехал.

— Не дурак он. Ищи теперь ветра в поле, — посмеивался дежурный офицер Зайчиков.

Только уехал Лунин, как тут примчался из Питера на тройке фельдъегерь:

— Где Лунин?

— Нет Лунина. На охоте Лунин. На силезской границе, — объясняют фельдъегерю.

— Фить! — присвистнул царский посыльный. — На силезской границе!

— Не дурак он, не дурак, — опять за свое Зайчиков.

И все-таки Лунина ждут.

— Приедет, — сказал Константин. — Знаю характер Лунина. Приедет.

Ждут день, второй, третий. Четвертый кончается день. Не возвращается Лунин.

— Обхитрил, обхитрил, — не унимается Зайчиков.

Прошел еще день, и вдруг Лунин вернулся. Разгоряченный, красивый, стройный. С убитым медведем в санках.

Спрыгнул Лунин на снег.

— К вашим услугам, — сказал фельдъегерю.

Все так и замерли.

Усадили Лунина в фельдъегерскую тройку.

— По-ошел! — дернул ямщик вожжами.

Тронулись кони. Удалили бубенцы.

— Чудак человек, — говорили в Варшаве. — По доброй воле голову в пасть.

«Чудак», — подумал и сам великий князь Константин.

Даже дежурный офицер Зайчиков и тот заявил:

— Да, не каждый бы, ваше высочество, способен к поступку оному.

— Ну, а ты бы? — спросил Константин.

— Я бы, ваше высочество, — поминай как звали...

— Да, не каждый... — задумчиво повторил Константин. Потом посмотрел на дежурного офицера, брезгливо поморщился и, нахмуривши брови, бросил: — В том-то беда для трона: Луниных мало, Зайчиковых много.

Старший из четырех

Гордо держали себя декабристы во время допросов.

По Петербургу ползли слухи о смелом ответе царю Николая Бестужева.

— Так и сказал?

— Так и сказал.

Морской офицер Николай Бестужев был старшим из братьев Бестужевых. Это он призвал к восстанию, а затем и привел на Сенатскую площадь гвардейский морской экипаж.

Стоят друг против друга царь Николай I и Николай Бестужев.

Внимательно смотрит на декабриста царь.

— Ты Николай Бестужев?

— Так точно, ваше величество, я и есть Николай Бестужев.

— Значит, поднял руку свою на Отечество?

— Никак нет, ваше величество. За святынь почитаю Родину. Ценю превыше всего Отечество.

— Против чего же ты бунтовал?

— Против негодных порядков, ваше величество.

Генерал-адъютант Левашов — он сидел за большим дубовым столом и записывал ответы Николая Бестужева — при этих словах оторвал голову от бумаги, глянул на Бестужева, на государя. Щеки царя зарозовели — признак того, что царь подавляет гнев.

— Да знаешь ли ты, — Николай I заметно повысил голос, — что все вы в моих руках...

— Знаю, — спокойно ответил Бестужев.

Спокойный ответ и взорвал царя.

— Ах, знаешь! — закричал Николай I. — Нет, ты пока ничего не знаешь. Хочешь, тебя помилую?

Не отвечает Бестужев.

— Да знаешь ли ты, слово одно государя — и...

Вот тут-то Николай Бестужев и произнес ту самую фразу, о которой потом говорил Петербург:

— Ваше величество, в том-то и все несчастье, что каприз царей в России превыше любых законов. Против порядков этих я и поднял с друзьями меч.

Приговор

Шесть томительных месяцев провели декабристы в Петропавловской крепости. Шесть томительных месяцев не прекращались допросы. И вот приговор объявлен. Пять декабристов: Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каходский — были приговорены к смертной казни через повешение. Остальные лишились чинов и званий и ссылались в Сибирь на каторгу.

Декабристы гордо встретили свой приговор.

— И в Сибири есть солнце, — сказал декабрист Сухинов ...

...

12 июля, впервые за все эти месяцы, заключенных собрали вместе. Была устроена церемония лишения осужденных чинов и званий. Называлось это гражданской казнью. С осужденных

должны были сорвать эполеты и ордена, бросить в огонь. Над головой у каждого переломить шпагу.

Николай I находился в это время далеко за городом, в Царском Селе. Он приказал, чтобы через каждые 15 минут к нему являлся фельдъегерь, сообщал о том, как идет церемония.

Приехал первый фельдъегерь.

— Построены, ваше величество. Генерал-адъютант Чернышев приказал распалить костры.

— Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

— Да что-то не очень видно, ваше величество.

Прибыл второй фельдъегерь.

— Костры разложены, ваше величество.

— Так.

— Генерал-адъютант Чернышев дал приказ срывать эполеты и ордена.

— Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

— Да что-то не очень видно, ваше величество.

Третий курьер явился.

— Срывают эполеты и ордена, ваше величество. Бросают в огонь.

— Так.

— Генерал-адъютант Чернышев отдал приказ ломать шпаги над головами.

— Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

— Да что-то не очень видно.

Четвертый курьер примчался:

— Шпаги ломают, ваше величество.

— Так.

— Генерал-адъютант Чернышев отдал приказ одеть виновных в каторжные халаты.

— Так. Ну, а как же сами злодеи? Видно ль на лицах у них раскаяние?

— Осмелюсь доложить, государь, смеются, кажись, злодеи.

Царь побагровел, в гневе бросил посыльным:

— В цепи презренных, в цепи. Разойдись! — закричал посыльным. Схватился рукой за сердце.

— Дурново! Дурново!

Мчит Дурново, тащит капли ему от сердца.

Расплакался

Гордо встретили декабристы приговор суда. А вот морской офицер лейтенант Бодиско расплакался.

— Морской офицер лейтенант Бодиско расплакался, — доложил генерал-адъютант Чернышев царю.

Николай I улыбнулся, остался доволен.

— Вижу, среди негодяев хоть и один, да человек благородный есть. Если бы знал — помиловал. Что же он говорил?

Что говорил Бодиско, генерал-адъютант Чернышев не знал.

— Разузнать. Доложить! — приказал Николай I.

Стал хвастать царь своим приближенным, что морской офицер лейтенант Бодиско расплакался.

Похвастал брату.

Похвастал жене.

Адъютантам своим похвастал.

— Расплакался! Расплакался! Расплакался! — повторял государь. Даже повеселел. Даже помальчишечки настыривать что-то начал. — Расплакался! Расплакался! А сегодня я вам передам, что при этом сказал Бодиско.

Разнесли адъютанты налево, направо слова государя о том, что морской офицер расплакался.

— «Среди негодяев человек благородный есть. Если бы знал, помиловал» — вот что сказал государь.

В богатых домах Петербурга о слезах лейтенанта Бодиско только теперь и речь.

— Морской офицер расплакался!

— Морской офицер расплакался!

Правда, надо сказать, что активного участия в восстании Бодиско не принимал. И по решению суда наказание было вынесено ему, по сравнению с другими, совсем не сурое, а даже, скорее, мягкое. Как других, не отправляли его на вечную каторгу. Лишался Бодиско чинов и дворянства, ссылался в Сибирь на поселение.

Вечером генерал Чернышев снова докладывал царю:

— Дознались, ваше величество.

— Ну-ну. Что говорил Бодиско? Какими словами каялся?

— Ваше величество, он того...

— Что «того»? — насупился царь.

— Плакал этот злодей не потому, что в тяжких грехах раскаялся. Счел, разбойник, ваше величество, за личное унижение столь мягкий ему приговор. «Стыдно смотреть мне в глаза товарищам» — вот что сказал Бодиско.

Пятеро

Петербург

. Лето. Июльский рассвет. Неохотно плывут облака. Нева еще сонно дремлет. Шпиль Петропавловской крепости шпагой вонзился в небо.

Осужденных ведут на казнь. Вот они, пятеро: Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин, Петр Каховский. Идут они в белых льняных рубахах. Прощально звенят кандалы.

Кронверк Петропавловской крепости. Слева стоят солдаты. Справа стоят солдаты. Помост. Два столба. Перекладина. В красной рубахе палач. Пять веревок, как змеи, петлей свисают.

Идут декабристы. Двадцать шагов до смерти... десять... последние пять.

Генерал-адъютант Чернышев, он старший и тут, при казни, — сидит верхом на коне, смотрит на обреченных. В руках у генерала лорнет. То поднесет он его к глазам, то на секунду опять опустит.

Ждет генерал-адъютант Чернышев, не дрогнет ли кто-нибудь из осужденных. Не раздастся ли стон, не сорвется ли крик.

Четыре шага до смерти. Идут декабристы. Открытый, бесстрашный взгляд. Три шага. Два. Последний предсмертный шаг.

— Начинай! — закричал Чернышев.

Накинул палач на осужденных петли. Затянул. Перепроверил ...

... Из-под ног ловким ударом выбил скамейки.

Натянулись веревки-змеи, превратились в тугие струны.

Снова поднес к глазам генерал-адъютант Чернышев лорнет.

И вдруг... Оборвался Рылеев.

И вдруг... Оборвался Сергей Муравьев-Апостол.

И вдруг... Оборвался Каховский.

Солдаты, присутствовавшие при казни, замерли. Кто-то быстро перекрестился, зашептал:

— Помиловал господь, помиловал.

В старину существовал обычай, по которому человека, который срывался с виселицы, второй раз не казнили — миловали.

Растерялся и сам палач. Повернулся он к Чернышеву.

Махнул генерал рукой. Не понял палач, замешкался.

— Вешай! — закричал Чернышев.

Похоронили казненных на острове Голодай, тайно. Где — неизвестно.

Княгиня Трубецкая

— В Сибирь!

— Бог ты мой!

— Катенька!

Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая уезжала к мужу в Сибирь на каторгу.

Когда прошение Трубецкой попало в руки к царю, он долго вертел бумагу. Не хотел Николай I отпускать Трубецкую:

— Пример нехороший. Поедет одна, а за ней и другие следом.

Мечтал Николай I о том, чтобы забыли вообще декабристов, чтобы отвернулись от них и отцы и жены. Решил припугнуть Трубецкую.

— Если поедет, лишить ее титула княжеского. Посмотрим, посмотрим, усмехнулся Николай I.

— Сразу небось передумает.

Сообщают царю:

— Трубецкая согласна, ваше величество.

Хмыкнул царь Николай I. Уставился в потолок. Что бы еще придумать?

— Денег не брать. Ценных вещей не брать. Подчиняться во всем коменданту. Видеться с мужем в неделю раз. Ладно, пусть будет — два, зато в арестантской палате. И при свидетелях. Посмотрим, посмотрим, усмехнулся Николай I. — Сразу небось передумает.

Сообщают царю:

— Трубецкая согласна, ваше величество.

Хмыкнул царь Николай I. Грозно повел бровями. Уставился в потолок. Что бы еще придумать?

— Если рождаются дети, — царь поднял палец над головой, — лишить их отцовской фамилии. Приписывать к местным заводам. Считать крестьянами. Посмотрим, посмотрим, — усмехнулся Николай I. — Сразу небось передумает.

Сообщают царю:

— У княгини слезы стоят в глазах.

Улыбнулся царь Николай I. Ладошкой потер ладошку. Молодец, неплохо, видать, придумал.

— Значит, не едет теперь Трубецкая!

— Ваше величество, едет, согласна.

— Ах так, — обозлился царь. — Навеки ее в Сибирь. Дороги назад не будет!

Тронулась в путь Трубецкая. Верста за верстой, верста за верстой. Десятки, сотни, тысячи верст. Приволжские степи, Уральские горы

. Просторы сибирских лесов и рек.

— Быстрее, быстрее, — просит княгиня.

Едет и ночью и днем.

Через месяц Трубецкая была в Иркутске. Рядом совсем Благодатский рудник — там находится сейчас ее муж. Еще несколько дней — и увидит княгиня мужа. Однако не пропускает иркутский генерал-губернатор Трубецкую дальше. Находит причины разные. Получил он приказ от царя чинить непокорной помехи.

— Не могу, не могу, княгиня. Осень. На Байкале обвалы, идет большая волна.

При новой встрече:

— Не могу, не могу, княгиня. Не предвидится транспортных средств.

Проходит еще неделя.

— Не могу, не могу, княгиня. На дорогах хозяйничают разбойники. Я же за вас в ответе.

Не отступает отважная женщина.

Сослался губернатор тогда больным.

Ходит к нему Трубецкая и раз, и второй, и пятый. Слышит одно в ответ:

— Его превосходительство хворые.

— Не может принять, не может.

Пять месяцев добивалась Трубецкая приема. Не отступила. Доконала она губернатора. Получила право тронуться дальше в путь.

Но это было еще не все. Приехала Трубецкая на Нерчинские рудники, и тут началось все сначала.

Встретил ее начальник Нерчинских рудников Бурнашев:

— Княгиня, княгиня. Жалко мне вас, княгиня. Там не дворцы.

— Знаю!

— Не хоромы...

— Знаю!

— Там снега и кандалльный звон!

— Знаю!

Развел Бурнашев руками. Приказал для Трубецкой приготовить санки.

Княгиня Волконская

В доме Волконских бал. Свечи костром пылают. Мелькает за парой пара. Кружатся. Кружатся. Кружатся. Плавно играет вальс. Марии Волконской всего восемнадцать лет. 1825 год. Весна ...

...

Всем известна батарея Раевского. Все помнят суровый 1812 год. Неман, Витебск, Смоленск, Бородино... Кутузов, Барклай де Толли, Багратион, Николай Раевский... Мария Волконская — дочь генерала Раевского.

Твои пленительные очи
Милее дня, чернее ночи —

так Пушкин писал о Марии Раевской.

В начале 1825 года юная Мария Раевская стала женой князя Волконского.

Сергей Волконский, как и отец Марии, был прославленным героем войны 1812 года. В семнадцать лет он уже командовал полком. В двадцать пять стал генералом. В пятидесяти восьми сражениях участвовал князь Волконский. Не счёсть наград и орденов, полученных им за отвагу.

Князь Волконский был активным участником Южного тайного общества. И вот приговор — Сибирь, двадцатилетняя каторга, вечное поселение. Еще с большим трудом, чем княгиня Трубецкая, добилась Мария Волконская права поехать следом за мужем на каторгу.

Княгиня Трубецкая ехала летом. Княгине Волконской пришлось двигаться тем же путем зимой!

Бежали версты. Мелькали поля в сугробах. Угрюмо смотрели Уральские горы. Гроздно качали ветвями сибирские кедры. Бушевали бураны, стонали метели. Кони сбивались с пути. Выли голодные волки. И птицы, не выдержав лютых морозов, падали в снег, как камни.

В Иркутске Марии Волконской, как и княгине Трубецкой, пришлось выдержать нелегкий разговор с губернатором. Пугал губернатор княгиню.

— Согласна! Согласна! На все согласна!

В Нерчинске — с Бурнашевым:

— Согласна!

— Согласна!

— Согласна!

И вот Благодатский рудник.

Вот он — Сергей Волконский.

Мария Николаевна бросилась к мужу. Замерла: послышался звон цепей. Это муж рванулся навстречу.

Не ожидала Мария Николаевна увидеть мужа в цепях. Растерялась. Но тут же пришла в себя. Опустилась перед Волконским она на колени, поцеловала его кандалы. Потом поднялась и нежно прижалась к нему.

Начальник рудников Бурнашев, бывший при этой встрече, остолбенело смотрел на молодую княгиню. Было Марии Волконской неполных двадцать лет.

Короткое слово «нет»

Вслед за Трубецкой и Волконской приехали в Сибирь жены и других декабристов: Александра Григорьевна Муравьева — жена Никиты Муравьева, Наталья Дмитриевна Фонвизина — жена генерала Фонвизина, Александра Ивановна Давыдова, Елизавета Петровна Нарышкина, Александра Васильевна Ентальцева и другие.

Рвалась к мужу и Мария Андреевна Поджио. Но где же сам Поджио? Нет о нем никаких вестей. Куда же Марии Андреевне ехать? На рудник Благодатский, на Зерентуйский? В остроги Читинский, Петровский, в другие места? Куда?!

— Забудь ты его, забудь, — говорит Марии Андреевне отец — сенатор и генерал Бороздин. — Он преступник. Забудь!

Иосиф Викторович Поджио был приговорен к двенадцатилетней сибирской каторге.

Посыпает Мария Андреевна письма в Сибирь.

«Не привезен», — отвечают с рудника Благодатского.

«Не привезен», — отвечают с рудника Зерентуйского.

Приходит ответ из острога Читинского. Приходит из острога Петровского. Из других далеких сибирских мест. Отовсюду один ответ — короткое слово «нет».

— Забудь ты его, забудь, — начинает опять отец. — Из головы ты злодея выброси.

Но не забывает Мария Андреевна.

Летят ее письма в далекие дали: в Якутск, в Верхоянск, в Верхне-Колымск, Туруханск, на Витим. Во многие места Сибири разослав декабристов царь. Может, Поджио именно здесь?

Приходят ответы из дальних далей. Во всех ответах одно слово — короткое слово «нет».

— Помоги, разузнай, — просит Мария Андреевна отца. — Ты сенатор, ты генерал, ты у царя в почете. Неужели тебе откажут?

Пообещал генерал Бороздин. Слово сдержал. Через неделю принес ответ.

— Разузнал. Помер давно злодей.

Плачет Мария Андреевна. Не верит.

Идут годы. Один за другим. Не верит Мария Андреевна. Все ждет: вот-вот откроются двери, хотя бы письмо принесут от мужа. Десять лет дождалась она вестей. Наконец сникла, смирилась. Поверила — нет в живых Поджио.

А Поджио был и жив и здоров. Томился он в Шлиссельбургской крепости. Сам Бороздин декабриста туда запрятал. Не зря он сенатор, не зря генерал, не зря у царя в почете.

Не хотел генерал Бороздин, чтобы дочь вслед за мужем в Сибирь уехала.

— Я хитрее других, — хвастал друзьям Бороздин. — И Трубецких и Раевских. Я свою дуру обвел вокруг пальца. Ради счастья ее старался.

А какое у Марии Андреевны счастье? До самой смерти она томилась. Все вспоминала Поджио.

Шестнадцать Александров

Александр Бестужев, Александр Муравьев, Александр Якубович, Александр Одоевский, Александр Поджио — брат Иосифа Поджио, моряк, Александр Беляев и десять еще Александров. Всего шестнадцать. Вот их сколько среди декабристов.

Каждый год в конце лета тюремное начальство разрешало для всех Александров устраивать общие именины. Торжественно, весело проходил этот день.

Макар Макаров — солдат из новеньких — несет охрану, ходит вдоль тюремной стены. Знает он, что веселятся сейчас заключенные. Сквозь окна дружный несется смех.

Ходит солдат, рассуждает. «Ишь, смеются! Каторжные, а веселятся, ишь!»

Потом кто-то запел. Басом таким, что Макаров вздрогнул. «Не хуже, чем наш Гаврила», — прикинул солдат. Был у них на деревне певец Гаврила. Голос имел такой, что минуту его послушаешь — неделя в ушах звенит.

Затем кто-то читал стихи. Кто-то играл на скрипке. Снова пели ...

.. На этот раз хором:

Эй, вы, сени, мои сени, Сени новые мои...

«Ишь веселятся...» — опять о своем Макаров.

И вдруг сквозь песню солдату послышался звон цепей.

Замер Макаров.

«Никак, кандалы сбивают, — пронеслось в голове у солдата. Прислушался. — Так и есть — сбивают! Железо стучит».

Представил себе Макаров — вырвутся каторжане сейчас наружу. Их много. А он один. И ружье одно.

Сильнее, сильнее кандальный стук.

Бросился Макаров кunter-офицеру Кукушкину. Вышел Кукушкин из караульного помещения. Прислушался. Верно. Так и есть — кандалы сбивают.

— За мной! — закричал Кукушкин. Бросился к камере.

Однако за дверь не решился. Приложился вначале к замочной скважине. Глянул, выпрямился. Повернулся затем к Макарову и съездил солдата по шее.

— Дубина, — сказал и ушел.

Постоял в изумлении новичок. А потом и сам приложился к скважине. Глянул, не верит своим глазам: в танце, в мазурке кружатся узники. Мазурка — азартный танец. Нелегко в кандалах танцевать мазурку. Бьют по дощатому полу кандальные цепи. Дребезжат и трясутся рамы.

Глазеет обалдело на декабристов Макар Макаров: «Ишь напридумали. Каторжные, а веселятся. Ишь!»

Исправил

Отправляя декабристов в Сибирь на каторгу, Николай I гадал, как поступить лучше: то ли расселить их по разным тюрьмам, то ли в общий острог согнать. Наконец решил: «Вместе держать их лучше. Когда вместе, за ними следить удобнее».

Рассуждал царь и о другом: «Побудут год они в общей тюрьме, начнут между собою ссориться. Характеры у них разные, привычки разные. По богатству не одинаковы — кто беден, а кто богат. И по чинам — кто генерал, а кто рядовой поручик. И по званиям — кто князь, а кто грязь. Перессорятся!»

Дурново и здесь был у царя в советчиках.

— Гениально! — кричал Дурново. — Гениально!

Приказал Николай I собрать декабристов вместе вначале в Читинском остроге, а потом построил специальную тюрьму на Петровском заводе, без окон.

Привезли декабристов. Выждал царь год.

— Ну как, перессорились?

— Нет, дружно живут, ваше величество.

Прошел еще год.

— Ну как, перессорились?

— Нет, дружно живут, ваше величество. Даже еще дружнее.

И верно. Жили декабристы на редкость дружно. Общая каторга еще больше сблизила, объединила их. Не кичились они ни чинами, ни званиями, ни богатством своим. Всегда приходили на помощь один другому. Сообща им было легче бороться с тюремным начальством. Легче переносить лишения и утраты.

Понял Николай I, что из плана его ничего не вышло.

— Ошиблись мы с тобой, Дурново, ошиблись. Обмишурись. Надо бы их поместить раздельно.

И вот когда декабристы стали выходить на поселение, царь решил исправить свою ошибку.

— Разгоню их по разным местам. В разные стороны раскидаю!

По всей необъятной Сибири разбросал декабристов царь. Неслись тройки в Тобольск, Селенгинск, Минусинск, в Туринск. В Баргузин и Нарым. В Кяхту, Березов, Иркутск, Пелым и в десятки других селений.

— Гениально! — кричал Дурново. — Гениально! Погибнут они среди местных жителей. Затеряются.

Но не затерялись декабристы в снегах Сибири, не погибли. Благодарна память о них в Сибири. Она и сейчас жива.

Как жили декабристы в изгнании, как встретили их местные жители, почему с благодарностью помнят о них в Сибири, вы и узнаете из последних рассказов этой книги.

Ссыльный

Расселяя декабристов, Николай I поступал так: возьмет карту, ткнет пальцем:

— Сюда вот Бестужевых. Сюда Трубецкого. Сюда Волконского.

Когда решалась судьба декабриста Николая Лорера, царь вообще указал на пустое место. Долго колесили по Сибири жандармы, прежде чем нашли хотя бы избенку одну поблизости. Мертвый Култук называлось то место. И в нем действительно только одна изба.

Матвея Муравьева-Апостола царь поселил в Вилюйске.

Узнали жители — каторжный едет на поселение. Что за каторжный, толком никто не знал. Всполошился Вилюйск. Разные слухи пошли нехорошие. Мол, едет грабитель с большой дороги, мол, пятерых зарезал.

Поселился ссыльный. Живет незаметно. Ножей не точит. Никого не режет.

«Что-то не то», — понимают жители. Стали при встречах с ссыльным они здороваться. Кто-то даже в доме у него побывал. Разнес по Вилюйску: в доме, мол, книги — полным-полно. Как-то мальчишки к дому подкрались. Увидел ссыльный.

— Заходите, — сказал ребятам.

Смутились мальчишки, однако зашли. Сидели, листали книжки. Ссыльный о диковинных странах им рассказал, карту и глобус показал ...

...

— Есть люди как сажа черные, — несли ребята потом по Вилюйску.

— А земля стоит не на трех китах. Она есть шар и вертится.

— А за что он сослан? — интересуются жители. — За что?

Разводят ребята руками:

— Не говорил.

Потянулись мальчишки к Муравьеву-Апостолу.

— Про войну расскажи, про войну. Про Суворова и Кутузова. (Матвей Муравьев-Апостол отличился в войне с французами. Три награды имел за храбрость.)

Опять по Вилюйску несли ребята:

— Суворов ел солдатские щи и кашу.

— Правый глаз у Кутузова был незрячий.

Интересуются жители:

— А за что же он сослан? За что?

Разводят ребята руками:

— Не говорил.

Все больше и больше интерес у жителей к ссыльному. Вот и взрослые стали к нему заходить. Поначалу на минутку, на две. Потом по часу, по два сидели. Стал им Муравьев-Апостол книги давать для чтения. О многом рассказывал. То про луну, про Солнце, то про Петербург и Сенатскую площадь. То про Кутузова и партизана Дениса Давыдова, то про царя и Алексеевский равелин.

Прошел год. Нет в Вилюйске теперь человека, который не знал бы, кто такие декабристы, за что боролись они, за что сослал государь их на каторгу.

Недолго пробыл здесь Муравьев-Апостол. Перевели декабриста в другое место. Сожалели о нем в Вилюйске.

— Жаль, что уехал, жаль.

— Что тут скажешь — конечно, жаль.

И кто-то задумчиво, тихо:

— Дороги ему хорошей. О деле святом, великому пусть и в новых местах расскажет.

Мельница

Десять лет простояла она в бездействии. Что-то случилось с приводом. Отказалась работать мельница.

Многие брались ее наладить. Что-то крутили, где-то вертели. Морщили лбы, разводили руками. Кряхтели, потели. Только уперлась мельница. Хоть умри — колесо не вертится.

Как-то ученый немец чудом сюда попал. В ноги упали немцу. Явился гость на мельницу. Что-то потрогал, на что-то глянул.

— Не знаю, — произнес. Уехал.

Стала мхом покрываться мельница. Травой заросло подворье.

И вдруг... Пашка, Наташка и бурят Талалайка сами увидели — заработала старая мельница. Закрутилось, задвигалось колесо. Заискрилось веселыми брызгами.

Понесли Пашка, Наташка и бурят Талалайка новость по всей окруже:

— Крутится!

— Крутится!

— Крутится!

— Стойте, так кто же крутится?!

— Колесо!

— Колесо!

— Колесо!

— Чье колесо? Какое?

— То, что на мельнице!

— Мельнице!

— Мельнице!

— Стойте же вы, пострелы. Кто починил? Говорите толком!

— Они, — отвечают Пашка, Наташка и Талалайка.

— Кто они?!

— Эти!

— Эти!

— Да говорите вы ясно, грачи-сороки!

— Те, которых царь в кандалах пригнал.

Мельницу, которую никто не мог починить, пустили в ход декабристы Николай Бестужев и морской офицер Торсон.

Среди декабристов много было людей знающих и умеющих. Своим искусством и опытом многим в Сибири они помогли.

Уродилось

Пашка, Наташка и бурят Талалайка новость несут по округе:

— Уродилось!

— Уродилось!

— Что уродилось?

Разводят ребята руками.

— Желтое, аж красное, — заявил Пашка.

— Длинное, — сказала Наташка.

Талалайка добавил:

— С хвостиком!

— Где уродилось?!

— Там!

Показали ребята на стену, которая окружала Читинский острог. За этой стеной, за частоколом, был клочок земли. Перекопали ее декабристы, устроили огород. А нужно сказать, что в тех местах никто до этого огородами не занимался.

Про огороды первым узнал Талалайка. Залез он как-то на тюремную стену, а это совсем не простое дело, глянул внутрь — видит, декабристы копают землю.

Рассказал Талалайка Наташке и Пашке о том, что видел.

«Что же там такое?» — гадают те.

С этого дня и стали ребята приходить к стене. Правда, Наташка и Пашка лазить на нее не решались. Лазил Талалайка. Что видел, о том рассказывал.

Вскоре он доложил:

— Что-то в землю они понатыкали.

Через какое-то время:

— Что-то растет. Прет из земли зеленое.

К середине короткого читинского лета разросся за тюремной стеной огород. Огурцы завязались, поднялся картофель, репа взошла, морковь.

Прошло еще небольшое время. Талалайка снова залез на стену. Видит, Волконский идет меж грядок.

— Волконский идет, — зашептал ребятам. — Остановился.

Через минуту:

— Нагнулся, руку к чему-то тянет.

Не утерпели Наташка и Пашка. Тоже полезли на стену. Вцепились руками в бревна, глазеют на огород.

Нагнулся Волконский к какой-то зеленой метелке. Дернул. И вдруг из-под земли — длинное, желтое, с хвостиком. Разинули рты ребята — впервые видят они морковь. Соскочили с забора, понеслись по читинским улицам:

— Уродилось!

— Уродилось!

— Что уродилось? Где уродилось?

— Там!

Местные жители вскоре переняли опыт у декабристов. Теперь огороды появились в разных местах Сибири.

Позже, когда декабристы вышли на поселение, им удавалось, правда не под открытым небом, а в парниках, выращивать в Сибири и цветную капусту, и спаржу, и даже арбузы и дыни.

«Озолочу!»

У иркутского купца-богатея помирала жена. Молодая. Красивая. Купец плакал, как маленький. Метался от доктора к доктору:

— Спасите! Озолочу!

Получали доктора деньги. Лечили. Но больной становилось все хуже и хуже. Наконец наступил момент, когда уже никто не брался спасти умирающую ...

...

Побежал купец к колдунам и знахарям. Заклинали те, плясали вокруг больной. Огонь разводили, дымили, чадили. Помирает совсем жена.

И вот тут какая-то иркутская старуха шепнула обезумевшему от горя купцу — мол, в Читинском остроге сидит колодник.

— Он доктор. Своих он лечит. Великий искусник.

Старуха сказала правду. Декабрист доктор Вольф был великолепным врачом. До ареста он числился личным лекарем главнокомандующего Южной армией.

Помчался купец в Читу. Бросился к коменданту тюрьмы:

— Спасите! Не забуду! Озолочу!

Долго не мог понять комендант: в чем дело, кого спасать, от кого спасать? Решил, что на купца напали разбойники.

— Да не разбойники. Жена помирает, — стонал купец.

Согласился комендант отпустить заключенного. Посадили Вольфа в телегу. Приставили рядом солдата с ружьем. Поехали.

Вылечил доктор молодую купчиху. Купец от счастья был на десятом небе. Отпуская Вольфа, он поставил перед ним расписной кувшин. Подивился Вольф: что это, мол, такое?

— Вам, — говорит купец. — С огромнейшей благодарностью. От души, от сердца. Внутрь загляни, благодетель, внутрь.

Поднял Вольф крышку, глянул в кувшин. А там полным-полно золота. Нахмурился Вольф. Отодвинул кувшин.

— Не беру. Не беру! Пошли, — сказал караульному.

Уехал Вольф с караульным солдатом, а купец еще долго стоял над кувшином, осталбенело смотрел на золото.

— Не поймешь их, каторжных. Ей-ей, не поймешь!

Своим искусством доктор Вольф прославился на всю Сибирь. Многих он спас от тяжелых болезней и верной смерти. Даже сам генерал Лепарский у него лечился.

Но денег Вольф никогда не брал. Об этом тоже в Сибири знали. Об этом легенды тогда ходили.

Задачи

Многими добрыми делами оставили декабристы в Сибири о себе благодарную память. Особенно тем, что создавали для местных детей школы.

С ребятами занимались и Матвей Муравьев-Апостол, и братья Бестужевы, и братья Беляевы, Александр Якубович, Петр Борисов, Петр Муханов, моряк Торсон. Занимались и другие.

Учил детей и Иван Якушкин. Когда освоили дети чтение, с цифрами их познакомил. Обучил сложению и вычитанию, умножению и делению. Про половинки и четвертинки им рассказал. Ребята были смышлеными — освоили даже дроби.

Но больше всего любили ребята решать задачи.

— Сегодня задача на сложение, — начинает Якушкин.

Замрут ребята, слушают.

— Было у барина две деревеньки. Прикупил барин еще одну. Сколько всего стало?

— Три, — голосят ребята.

— Правильно. А теперь давайте на умножение. Срубил крестьянин в барском лесу три осинки. Узнал барин, приказал за каждое дерево всыпать крестьянину по пять плетей. Сколько плетей получил крестьянин?

— Пятнадцать! Пятнадцать! — кричат ребята.

— Молодцы. Правильно. А теперь давайте на вычитание.

Притихли опять ребята. Начал Якушкин:

— Собрал крестьянин с поля десять мешков зерна. Три из них за землю отдал помещику. Четыре мешка вернул тому же помещику за долги. За крестины сына один мешок оттащил

попу. Два пришлось отнести купцу — задолжал крестьянин купцу за ситец. А ну, кто живее из вас сосчитает, сколько мешков зерна у крестьянской семьи осталось?

— Ничего не осталось! — кричат ребята. — Ничего! Пусто!

— Молодцы, — говорит Якушкин. — Ну, дело у вас пойдет.

Мятежный дух

Жандармы искали мятежный дух.

Унтер Уклейка примчал к исправнику:

— Нашел!

— Ну, ну.

— Пушки видел! Ядра видел!

Исправник недоверчиво посмотрел на жандарма.

— Ты — того... Снова пьян?

— Никак-с нет.

— Ступай-ка сюда.

Уклейка шагнул.

— Дыхни!

Дыхнул жандарм. Видит исправник — верно, не пьян Уклейка.

— Так что ты видел?

— Пушки видел. Ядра видел, — твердил Уклейка. — Порох в мешках. Фитили для запала.

Исправник все еще с недоверием смотрел на жандарма, однако спросил:

— Где? У кого?

— У него, — зашептал Уклейка. — Рядом с домом, в амбаре.

Все было ясно. Речь шла о декабристе, бывшем подполковнике Андрее Васильевиче Ентальцеве. Отбыв каторгу, Ентальцев жил на поселении в городе Ялуторовске.

— Да-с, — протянул исправник, а сам подумал: «Молодец Уклейка. Все совпадает. Не зря и начальство о том говорило».

Как раз в это время предполагалось, что Сибирь посетит наследник русского престола, будущий царь Александр II. Наследник должен был проехать и через Ялуторовск.

Предупредили об этом исправника, а заодно и о том, чтобы зорко следил за городом. Прежде всего за ссыльными декабристами. (Кроме Ентальцева, здесь жили Якушкин, Пущин и Оболенский.) Чтобы был начеку. Не убавилось, мол, у злодеев мятежного духа. Всякое может быть ...

...

В ту же ночь, взяв отряд военного караула, исправник окружил дом и амбар Ентальцева.

Наставлял:

— Тише, чтоб взять живьем!

— Если будет стрелять из пушек, не разбегайся. Падай на землю, ползи пластом.

Крадутся солдаты к амбару. Вдруг раздался какой-то шорох — то ли в амбаре, то ли за ним.

— Ложись! — закричал исправник.

Упали солдаты на землю.

— За мной!

Пополз исправник, за ним солдаты.

Снова раздался шорох.

— Замри!

Замерли все. Уклейка лежит, трясеется. Пролежали минуту, две, снова исправник командует:

— Вперед!

Поползли солдаты. Опять шорох.

— Стреляй! — закричал исправник.

Пульнули солдаты по двери амбара. Тут же вскочили в рост. Помчались к амбару. Выбили с ходу дверь.

Осмотрели амбар — два старых лафета, труба от самовара, шары от крокета, мешок с овсяной крупой. Фитилей никаких, конечно, не видно. Даже ничего похожего.

Вдруг снова в амбаре шорох.

— Ложись! — закричал исправник.

Упали на пол солдаты.

«Мяу», — раздалось в темноте.

— Ты что же, — закричал исправник на Уклейку, — шутки шутить вздумал? Ну, где твой порох, где ядра, пушки?

— Да тут они были, тут, в щелку я видел, — уверяет жандарм. — Были, были. Вот тут стояли. Доложу вам — нюхом учゅял мятежный дух.

— Нюхом, — ругнулся исправник. — Не в щелку смотри, болван, а в душу. Вот где мятежный дух.

...Декабристам разрешили вернуться из Сибири лишь через тридцать лет. Дожили до этого времени всего несколько человек.

Родное село

Село называлось Закопанка. Стояло оно над самой рекой. С одной стороны начинались поля. Уходили они далеко-далеко, куда глаз видел. С другой — был парк и усадьба господ

Воротынских. А за рекой, за крутым берегом, шел лес. Темный-темный... Страшно было в лесу, а Митька бегал. Не боялся, хотя и фамилия у него была Мышкин.

Прожил Митька в Закопанке десять лет, и с ним ничего не случалось. И вдруг...

Как сейчас помнит Митька то утро. Прибежала в избу дворовая девка Маланья, закричала:

— Аксинья, Аксинья, барыня Кузьму кличут!

Собрался отец, ушел. А когда вернулся, страшно и посмотреть: осунулся, посерел. Отозвал Кузьма Аксинью за дверь и стал о чем-то шептаться. Митька приложил ухо к двери

. Только о чем говорил отец, так разобрать и не смог. И лишь по тому, как заплакала мать, как заголосила на разные лады, понял: случилось недобре.

— Тять, тять! — приставал Митька к отцу. — Скажи, что такое, а, тять?

Только отец стал какой-то недобрый, все отмахивался и ничего не говорил.

А вскоре прибежали Митькины дружки, позвали на улицу.

— Митяй, а вас продают! — закричали ребята. — И Гришку продают, и Маньку продают, и Савву одноглазого продают!

Митька сначала и понять не мог, а потом понял. Вспомнил: год назад тоже продавали. Все плакали. Только продавали тогда кого-то другого, не Митьку, а теперь, выходит, его продавать будут. А как, он и не знал. И зачем продавать? Митьке и здесь неплохо.

Продали

Шумно, празднично в воскресный день на ярмарке в большом селе Чудове. Скоморохи прыгают, гармоника играет, распевают песни подвыпившие мужики.

И все разумно на ярмарке. Ряды идут по базарной площади. В одном ряду гусей и разную птицу торгуют, в другом стоят возы с мукой и зерном, в третьем продают огородную мелочь. А дальше идут скотные ряды. Тут коровы, козы, овцы... А рядом со скотным и еще один ряд.

Здесь продают людей.

Выстроились в ряд мужики и бабы, а перед ними прохаживаются баре да управляющие — те, кто ведет торги.

Подходят господа к мужикам, меряют с ног до головы взглядом, заставляют открывать рот — зубы смотрят, ладони рассматривают. Потом торгуются.

На базар в Чудово привезли и закопанских мужиков.

Сгрудились они в одну кучу, стоят, как овцы. Сматривает Митька по сторонам: и боязно и интересно.

Рядом с Митькой по одну сторону — мать и отец, по другую — кривой Савва...

— Ты чуть что — реви, — поучает Савва Митьку. — Баре, они ох как слез не любят! Может, не купят.

Однако реветь Митьке нет надобности. Продает закопанских мужиков староста Степан Грыжа. Кричит Грыжа, нахваливает товар. Да только к закопанским мужикам никто не подходит.

— Сегодня покупателев нет, — сказал Савва. — Мужик к осени не в цене.

Успокоился Митька, осмелел, стал в носу ковырять: ждет, когда повезут назад в Закопанку.

Да только под самый конец базара появилась в людском ряду старая барыня. А за барыней, словно на привязи, шел мужик. Борода нечесаная, рожа заспанная, в руках кнут. Прошла барыня по людскому ряду раз, два, взглянула на Митьку и остановилась. Грыжа сразу ожила.

— Добрая баба! — заговорил, показывая на Митькину мать. — И мужик при ней. Баба смиренная, работящая.

А барыня только на Митьку смотрит и ничего не говорит.

— Добрая баба... — опять начинает Грыжа.

— Но, но! — прикрикнула барыня. — Ты мне зубы не заговаривай. Мальчишкой мы интересуемся.

Замялся староста, умолк: неудобно как-то мальца одного продавать.

А барыня снова:

— Ты что, язык проглотил? Сколько мальчишка, спрашиваю?

Замер Митька, ждет, что скажет Грыжа. А кривой Савва Митьку в бок: мол, пора, пускай слезы. Взвыл Митька, как под ножом, — даже Грыжа вздрогнул ...

... А барыня хоть бы что. Подошла, Митькины руки пощупала, в рот заглянула, за ухо подергала.

— Так сколько? — снова спросила Грыжу.

Помялся староста, а потом решил: хоть какая, да прибыль, — проговорил:

— Пять рублей.

— Что? Да ты где такие цены, бесстыжий, выискал! Два с полтиной.

— Четыре, — скинулся Грыжа.

— Три, — набавила барыня.

Однако Грыжа уперся. Ушла барыня. Кривой Савва толкнул Митьку; тот смолк, вытер слезы, даже улыбнулся.

Но барыня не отступилась. Походила, потолкалась по рядам, вернулась снова. Стала около Митьки.

— Ест много? — спросила Грыжу.

— Ест? — переспросил староста. — Да не, чего ему много есть. Мало ест, больше пьет воду.

— Так какой он мужик, раз ест мало, — сказала барыня.

Понял Грыжа, что дал маху, стал выкручиваться:

— Так это он зимой ест мало, когда работы нет. А летом — у-у, что птенец прожорлив!

Барыня снова ощупала Митьку, осмотрела со всех сторон, сказала:

— Три. Красная цена ему три.

За три рубля и отдали Митьку.

Взял нечесаный мужик, что был с барыней, мальчика за руку, дернул. А Аксинья, Митькина мать, как заголосит, как бросится к сыну.

— Дитятко мое! — запричитала. — Ох, люди добрые, сил моих нет... — Прижала к себе Митьку.
— Не пущу, — кричит, — не отдам!

Подбежал Грыжа, оттолкнул Аксинью. А бородатый мужик обхватил Митьку, приподнял, словно куль, взвалил на плечи.

— Ой, ой! — взвыла Аксинья и вдруг смирилась; обмякла, осела и рухнула на землю.

Забился Митька, как карась на уде, заколотил по спине нечесаного мужика ногами. А тот лишь прижал крепче и потащил к выходу.

Впереди, поднимая подол длинного платья, шла барыня. Сзади голосила мать. А на площади прыгали скоморохи, играла гармоника и подвыпившие мужики тянули песню...

Как жили

Была барыня Мавра Ермолаевна помещицей из бедных. Жила одна, детей не имела. И был у нее всего один дом, десятина земли да две души крепостных — кучер Архип и кухарка Варвара.

Когда-то был у Мавры Ермолаевны муж. Служил офицером в армии, да погиб на войне. Получала теперь барыня пенсию. С нее и жила. Стоял дом Мавры Ермолаевны на взгорке, у реки, в самый притык к полям графа Гущина.

Дом барыни был малый — в три комнаты. Во дворе стояли хлев для коровы, сарай для лошади и гусятник. И еще во дворе была банька, при ней-то Архип и Варвара жили. А около баньки росла кудрявая и пушистая, единственная на весь двор березка, и висел на березке скворечник.

Жизнь в доме у Мавры Ермолаевны начиналась рано. Просыпалась барыня с рассветом. Выходила в ночном халате на крыльце, кричала:

— Варвара! Варвара!

Выбегала заспанная Варвара; шла, помогала барыне мыться и одеваться. Пила барыня по утрам сбитень, потом ходила по подворью. Смотрела, как Архип коня чистит и солому у коровы меняет, как Варвара на кухне возится

. Затем Мавра Ермолаевна шла в гусятник. Любила барыня гусей кормить.

— Гусенъки мои, гусенъки! — выводила она старческим голосом.

После обеда барыня почивала. Вставала к ужину. Проверяла, подоила ли Варвара корову. Снова пила сбитень, раскладывала карты и часов в восемь ложилась спать. И так изо дня в день.

Только в субботу день был необычный.

После обеда Архип топил баню. Мылись все вместе.

Вслед за баней начиналось главное — барыня порола своих крепостных. Летом — прямо на улице, зимой — в сенцах господского дома. Архип приносил широкую скамью, Варвара размачивала в соленой воде розги. Когда завела барыня такой порядок, Архип и Варвара не помнили. Давно это было. Привыкли.

Первым были Архипа.

Он неуклюже спускал с себя портки, задирал рубаху и ложился. Рядом становилась Варвара и подавала барыне розги. «Раз, — отсчитывала Мавра Ермолаевна, — два, три...» Двадцать ударов получал Архип.

Затем ложилась Варвара, а розги подавал Архип. Варваре как бабе полагалось десять ударов. Потом Архип убирал скамью, а Варвара вешала сушить розги.

После порки Архип запрягал мерина. И все ехали в церковь, к вечерне, молиться. Архип поерзывал распухшим задом по сиденью и все норовил привстать.

— Садись! — прикрикивала на него барыня. — Садись! Чай, не по лицу била. Нежности большой на том месте нет.

А после церкви ложились спать.

Так и жили из года в год у помещицы Мавры Ермолаевны. Скучно жили.

Розги

Из-за розог и начались Митькины неприятности в новом доме.

Когда в первую же субботу после бани Архип притащил скамью и стал готовиться к порке, Митька спросил:

— Дядя Архип, а зачем розги?

— Пороть.

— Кого пороть? — удивился Митька.

— Кого? Вестимо кого: нас пороть, — ответил Архип.

— Так за что, дядя Архип?!

— Как — за что? — Архип посмотрел на Митьку, погладил свою кудлатую бороду, сказал: — Для порядку. Ну, чтоб помнили свое место, чтобы барыню уважали... А как же иначе! Иначе нельзя. Мужики, они, знаешь, народ балованный.

Смотрит Митька на Архипа, опять спрашивает:

— И меня бить будут?

— Ну, а чего бы тебя не бить? — отвечает Архип. — И тебя пороть будут. С малолетства привыкать к порядку, стало быть, следует.

Больно было Митьке, когда пороли, а стерпел. И стало мальчику жалко и себя, и Варвару, и дядю Архипа. А больше всего обидно. Решил он розги спрятать. Так и сделал.

Полез в следующую субботу Архип за розгами, а их нет.

Бросился туда, бросился сюда — нет, словно и не было ...

...

Накинулась барыня на Архипа:

— За добром, ротозей, углядеть не можешь!

— Да тут они были, — оправдывается Архип и показывает на стену. — Они уже какой год тут висят, — и разводит руками.

Архип, Варвара, барыня — все розги ищут. Нет розог.

Тогда Мавра Ермолаевна позвала Митьку.

— Брал розги? — спрашивает.

— Нет, — говорит Митька. А сам чувствует, что краснеет.

— Врешь! — говорит барыня. — Брал. По лицу вижу, что брал.

А Митька все больше краснеет. Краснеет, но молчит. Решает: не отдам, и все.

Так и не нашли розог. А спрятал их Митька под барынину перину. Ну, а кому могло прийти в голову такое!

Варвару и Архипа в этот день не пороли. А Митьке досталось. Надавала барыня ему тумаков и посадила в гусятник до той поры, пока не сознается.

Гуси

Страшно Митьке в гусятнике. Сидит, замер, не шелохнется. И гуси спокойно лежат на своих местах, словно бы Митьку не замечают.

Но вдруг гусиожили. Вытянул гусак шею, зашипел: «Ш-ш, ш-ш!» За ним зашипели и остальные. Испугался Митька, поднялся. Тогда и гусак поднялся. А за гусаком, как по команде, все стадо. С испуга мальчик бросился к двери, забарабанил что было сил кулаком.

А в это время на улице как раз барыня была — уезжала в церковь.

Подошла барыня к двери, спрашивает:

— Одумался?

Не признается Митька, только колотит в дверь и кричит:

— Пустите! Ой, боюсь! Пустите! Ой, боюсь...

— А где розги спрятал? — спрашивает барыня.

Молчит Митька.

— Раз так, — сказала Мавра Ермолаевна, — пусть гуси тебя съедят.

Села барыня в телегу и уехала. Стучит Митька в дверь. Никто не отзыается. Никого дома нет.

А гуси растопырили крылья, вытянули шеи и подходят к Митьке все ближе и ближе...

— Кыш! — закричал Митька.

Гуси даже внимания не обращают.

— Кыш, кыш! Вот я вас! — отбивается мальчик, а у самого зуб на зуб не попадает.

А гуси в ответ шипят и тянут к нему свои страшные клювы. Схватил тогда Митька палку и ударил по вожаку, да с такой силой, что перебил шею. Подпрыгнул гусак, перевернулся и сдох. И сразу гуси умолкли.

Перепугался Митька еще больше. Потом успокоился, прилег и заснул.

И приснился Митьке сон, что он дома. Отец что-то стругает, мать пряжу крутит. Дома тепло, хорошо.

Сидит на печи кот Васька, одним глазом на Митьку смотрит и как бы говорит: «А гуси, они ведь не страшные». Подходит Митька к коту, хочет погладить. Смотрит, а это вовсе не кот, а барыня Мавра Ермолаевна. Вскрикивает Митька, просыпается, а перед ним и впрямь стоит барыня, розги в руках держит.

Нашлись все же розги! Приехала Мавра Ермолаевна из церкви, легла спать, а ей в бок что-то колет

. Сунула руку под перину — розги!

Била Митьку барыня тут же, прямо в гусятнике.

А утром стала Мавра Ермолаевна гусей кормить и нашла своего любимого гусака мертвым. И снова пороли Митьку. На этот раз долго и больно.

Валенки

Первые дни жил Митька с Архипом и Варварой в каморке при баньке. А потом взяла барыня мальчика к себе в дом. Стал Митька у нее в услужении.

Целый день барыня Митьку то туда, то сюда...

Только и слышится:

— Митька, в погреб сбегай!

— Митька, половик стряхни!

— Митька, где ты? Ми-и-тька!

А вечером ляжет барыня спать и заставляет чесать себе пятки. Чешет Митька, чешет, пальцы устанут, а Мавра Ермолаевна все не засыпает.

Наконец заснет. Свернется и Митька, как щенок, калачиком Только закроет глаза, слышит:

— Митька, воды подай!

— Митька, туфли найди!

И так до утра.

Или у барыни бессонница начнется. И опять Митьке не спать. Требует барыня, чтобы Митька ей разные истории рассказывал. Уж он ей и про королевича Бову расскажет, и про серого волка, и про господ Воротынских, и про старосту Степана Грыжу. А барыня — давай еще.

Днем-то барыня отоспится, а Митьке опять дело. Заставит Мавра Ермолаевна его пшено перебирать или горох растирать. Сидит Митька, глаза слипаются, спать хочется, но трет горох перебирает пшено.

А как-то легла барыня после обеда и заставила Митьку сушить валенки.

— Да смотри, — говорит, — не спи! Валенки, они новые, далеко в печь не засовывай.

Сидел, сидел Митька возле валенок и вдруг заснул. Проснулся оттого, что горелым запахло. Сунулся в печь, а от валенок одни верха остались. От горелого проснулась и барыня.

— Митька! — закричала. — Митька, чего горелым пахнет!

Прибежала Мавра Ермолаевна, смотрит — у Митьки в руках одни верха от валенок.

И снова Митьку били. Всыпала ему барыня розог и приговаривала:

— Тебе что, ночи мало? Тебе еще и днем спать, паршивец, ненасытная твоя душа!

Дорога

И стало Митьке невмочь. Забывается куда-нибудь, плачет. Родную Закопанку, отца, мать, кота Ваську вспомнит.

Тяжело Митьке...

Решил он бежать из господского дома. Стал потихоньку на дорогу собирать сухари. Прятал их в коровник, под стойлом. Потом стал дорогу выспрашивать осторожно. Заговорил вначале с Архипом.

— Дядя Архип, а Чудово отседова, видать, далеко-далеко? — спросил Митька.

— Далеко, — ответил Архип. Потом почесал свою кудлатую бороду, подумал и еще раз сказал:
— Далеко-о!

— А наше село Закопанка еще дальше? — опять спросил Митька.

Снова почесал Архип свою бороду, снова подумал и ответил:

— Должно быть, дальше.

Больше от него Митька ничего не узнал. Тогда он решил поговорить с Варварой.

— Село Чудово? — переспросила она. — Есть такое село. Только далеко ли оно, не ведаю. Я дале трех верст отсель не бывала. Ты спросил бы у Архипа — он человек знающий ...

...

Понял Митька, что и от Варвары проку не будет, решил выведать про дорогу у самой Мавры Ермолаевны.

Выждал Митька, когда барыня была в добром настроении, и спросил:

— Барыня, а куда та дорога, что мимо усадьбы лугом идет?

— На мельницу, — сказала барыня.

— А та, что через мост, на тот берег реки?

Но барыня не ответила. Отвлекли Мавру Ермолаевну какие-то дела.

Ушла.

Через несколько дней Митька опять к ней с тем же вопросом.

Посмотрела Мавра Ермолаевна на Митьку, потом взяла за ухо и спросила:

— Дорога? А зачем тебе знать дорогу?

Митька растерялся.

— Так я так, барыня... — начал Митька.

— Я те дам «так»! — перебила Мавра Ермолаевна. — Ты у меня смотри, опять розог захотел?.. Архип, Архип! — позвала. — Дай-ка розгу, я покажу, какая дорога куда ведет.

А через несколько дней барыня, зайдя в коровник, нашла Митькины сухари.

Подивилась барыня, а потом поняла.

И снова в этот день Митьку били. Отлеживался он в баньке, стонал и все выговаривал:

— Убегу... убегу...

Присаживалась к нему Варвара, по голове гладила.

— Ить, родненький, — говорила, — и куда ты отсель побежишь? Дороги отсель тебе нету.

Граф Гущин

Чтобы попасть в поместье графа Гущина, надо было из села Чудова ехать три версты полем, а потом еще десять лесом. А когда кончался лес и дорога выходила к реке, то, проехав мосток, надо было обогнуть усадьбу помещицы Мавры Ермолаевны, взять направо и ехать еще две версты по старинному парку, по липовой, ровной, как стрела, аллее.

И вот только тогда вырастал из-за деревьев большой господский дом с шестью белыми колоннами, флигелями, барскими конюшнями, псарней и прочими дворовыми постройками. Это и было новгородское поместье графа Алексея Ильича Гущина — Барабиха. А кругом Барабихи, не охватишь глазом, лежали графские земли. И лес, что стеной стоял на горизонте, был графский. И луг, что зеленым ковром тянулся вдоль берега реки, графский. И села, что раскинулись кругом, словно жуки расползлись, были графские. И люди, что жили в этих селах, — тоже графские. Двадцать тысяч душ крепостных имел граф Гущин. Да и имение у Гущина не одно. Были графские земли еще под Смоленском и под Орлом, а в Питере, на Невском проспекте, стоял высокий, с каменными львами при входе дом Гущина. Здесь-то и жил сам граф. А в Барабиху наведывался всего раз в год. Приезжал осенью или зимой. Жил несколько дней и опять уезжал в Питер.

Все остальное время старшим в Барабихе был управляющий Франц Иванович Нейман. Лет десять назад, будучи послом в Пруссии, граф Гущин привез тамошнего кучера Франца Неймана с собой в Россию. Нейман был расторопен, услужлив. Граф подумал и назначил немца своим управляющим.

Вместе с графом съезжались в Барабиху человек до тридцати разных господ. Устраивались развлечения. Каждый год новые. То охоту на медведей придумают, да еще так, чтобы обязательно живых изловить. То кулачные бои меж мужиками, да так, чтобы непременно

кого-нибудь насмерть. То санные катания. А вместо лошадей впрягут в розвальни молодых парней и девок и наперегонки заставляют бегать. Потом призы вручают тому, кто пришел первым. Только призы давали не тем, кто вез, а тем, кто сидел в розвальнях и погонял.

А тут сообщил граф своему управляющему, что приедет на Новый год

. И к приезду нужно организовать театр. Граф писал, что артистов пришлет из Петербурга. А управляющему наказывал, чтобы он набрал из местных мужиков и баб людей, склонных к пению и играм на инструментах, и чтобы к его приезду был в имении свой хор и оркестр. Однако о театре и о музыке немец имел понятие малое.

То-то задал граф Гущин задачу своему управляющему!

Дудка

Говорила Варвара, что не уйти Митьке от Мавры Ермолаевны. А получилось иначе. Только не так, как он сам думал.

По весне, как только появилась на лугу трава, барыня приставила Митьку к новому делу — пасти гусей.

Сделал Архип Митьке дудку. «Это, — сказал, — для каждого пастуха вещь первейшая». Варвара сшила торбу для хлеба, напутствовала: «Только смотри далеко от гусей не отходи. И упаси боже, чтоб в графские хлеба не зашли! Не ровен час, увидит сам Франца Иваныч, ужо тогда тебе будет».

А про немца Митька уже слышал, и не раз, и все недобroe.

«Этот Франц, — говорил Архип, — скуче свет не видывал. Он лошадям и то корм сам отсыпает».

«Немец-то антихрист, — шептала Варвара. — В церковь не ходит, постов не блюдет».

И чуть что, так пугала Митьку:

«Вот барыня продаст немцу — будешь знать!»

Пасти гусей Митьке нравилось. Угонит их лугом подальше от дома, развалится на траве. Гуси ходят, траву щиплют, а Митька на дудке играет. И так наловчился, что Архип только головой качал: «Ить и здорово это у тебя получается!»

И вот однажды — дело уже летом было — угнал Митька гусей лугом почти до гущинского парка. Сел на бережку, заиграл на дудке и не заметил, как гуси зашли в графские овсы. А в это время с горки от графского имения спускался на дрожках управляющий Франц Иванович и увидел гусей и Митьку.

— О майн гот![\[15\]](#) — воскликнул немец, повернулся и съехал на луг.

Вылез из дрожек, стал к Митьке красться. Переступил раз, два... и вдруг замер.

А Митьку ровно кто дернул. Обернулся — немец! Дудка сама из рук вон. А тут еще увидел гусей в овсах и совсем оробел. Вскочил — бежать!

— Стой, стой! — закричал немец. — О, ты есть музыкант!

Отбежал Митька в безопасное место, остановился. Взглянул — немец ничего такого дурного не говорит, а в сторону гусей даже не смотрит.

— Иди сюда! — манит немец. — Я есть не злой человек.

Поколебался Митька, потом подошел, однако встал так, чтобы чуть что — сразу бежать.

— О, ты есть музыкант! — снова сказал управляющий. — Ты чей есть? — спросил.

— Барыни Мавры Ермолаевны, — ответил Митька.

— Гут, — протянул немец. — Зер гут.

Потом нагнулся, поднял с земли дудку, покрутил в руке, усмехнулся. Порылся управляющий в кармане, достал кусок сахара, сунул Митьке; сел на коня и уехал.

Посмотрел Митька на сахар, хотел сгрызть, а потом спрятал в карман. Решил: как убежит — матери принесет гостинец. А про себя подумал: «Говорили — немец злой. Вовсе он и не злой».

Немой

Долго торговался немец с Маврой Ермолаевной. Наконец выменял Митьку на два мешка овса и старую графскую перину Перина и решила все дело. Уж больно хотелось барыне поспать на графском пуховике!

Привел немец Митьку в небольшую избу, сказал: «Здесь есть твой дом». Глянули на мальчика четыре женских глаза — два молодых, недобрых, два подслеповатых, старых, от которых повеяло домашним теплом.

Изба, куда привел управляющий Митьку, стояла тут же, на господском дворе. Жили в ней дворовая девка Палашка и тетка Агафья — барская повариха ...

...

Вначале Митька всего боялся, а больше всего девки Палашки. Уже в первый вечер, когда ложились спать, Палашка стала кричать:

— И кой черт этого кутенка сюда сунули!

Хорошо, заступилась тетка Агафья.

— Тише! — крикнула она. — Чай, не своей волей.

И погладила Митьку по голове.

— Не боись, — приговаривала, — не боись, соколик!

А потом, когда Митька познакомился с дворовым мальчишкой Тимкой Глотовым, то узнал, что от девки Палашки никому прохода нет. «Она немцу про всех доносит», — говорил Тимка.

Тимка рассказал Митьке и про другие дела, про то, что немец горькую пить любит. А как напьется, всех бьет и по-черному ругается. Рассказал Тимка и про ночного сторожа, деда Ерошку. Митька еще в первую ночь слышал, как кто-то все около их окон в колотушку бил. Это и был дед Ерошка. «Он трус, — говорил Тимка. — Всю ночь крутится возле вашей избы — это чтоб Палашка знала, что он не спит».

Тимка был старше Митьки, и ростом выше, и в плечах шире. Ходил все эти дни Митька за Тимкой, как телок за маткой, и во всем слушался. А еще Тимка рассказал про господскую псарню и про немого, что за псами ходил. Тимка водил Митьку смотреть на немого.

Глянул Митька — и мороз по коже прошел. Зарос человек, как медведь, а ноздри — нет ноздрей, одни клочья болтаются.

— Что это? — спросил Митька.

— Разбойник, — ответил Тимка. — Вот ему ноздри и выдрали.

— Эй, немой! — крикнул Тимка и кинул в заросшего человека камнем.

Тот выбежал из псарни, неуклюже взмахнул руками, что-то замычал и бросился к ребятам. Тимка — раз! — и убежал. Митька не успел. Подскочил немой к нему, схватил за грудки, притянул к себе, к заросшему лицу с драными ноздрями.

— А-а! — закричал Митька.

А немой ничего не сделал; отпустил Митьку и ушел.

Всю ночь после этого немой мальчику снился. Вскрикивал во сне Митька. Просыпалась Палашка, тыкала его в бок.

— Цыц, поганец! — кричала. — Сила нечистая чтоб тебя забрала!

Артисты приехали

Хоть и пил немец, а хозяин был дельный. Вот и с оркестром. Менее чем через месяц собрал немец и оркестр, и певцов разыскал. В Чудово на базар ездил, в соседние поместья заглядывал, графские деревни искалесил — и набрал. А вскоре приехал из Новгорода оркестрант и стал вести занятия. И Митька ходил учиться.

К осени, как и обещал граф, прибыли в Барабиху артисты

. Встречать прибывших высыпала вся дворня.

— Глядь, штаны-то какие, штаны! — кричал дед Ерошка и показывал на клетчатые, узкие, внизу со штрипками штаны высокого мужчины, ловко выпрыгнувшего из телеги.

— Юбка-то, юбка-то! И как в таких юбках ходят? — хотела девка Палашка и тыкала пальцем в сторону молодой девушки.

Та смущенно улыбалась и прятала лицо в голубой шарфик.

Вместе со всеми встречать приехавших пришел и Митька. Стоял он рядом с Тимкой и, чтобы лучше разглядеть, по-гусиному вытягивал шею. И вдруг Митька увидел девочку. Была она совсем маленькая, зябко куталась в старенькое пальтишко, из-под которого выглядывала полосатая юбочка. На голове — Митька никак понять не мог — ни платок, ни шаль. Никогда Митька такого наряда не видывал. Девочка внимательно смотрела на встречающих и держалась за руку высокого, в штанах со штрипками.

Девочка Митьке понравилась. После этого Митька все ходил около барского флигелечка, где разместили артистов, — надеялся встретить. Да ему не везло. В первый день прогнала девка Палашка. На второй Митька чуть не попался на глаза самому немцу.

И все же Митька девочку подкараулил. Припрятался как-то в кустах, а когда та проходила, выскоцил. Выскочил, да и сам испугался.

— Ты что? — спросила девочка.

А у Митьки язык словно дома остался.

— Ты что? — повторила девочка. — Как тебя звать?

— Митька я, Мышкин.

— А я Даша, — сказала девочка.

И Митьке от этого сразу стало как-то легко. Осмелел он и выпалил:

— А я тебя еще в первый день заприметил, ты в шали была!

— Да какая это шаль! — засмеялась Даша. — Это шляпка называется.

Митька смутился. Однако Даша улыбнулась. И мальчик опять ободрился.

— А хочешь, я тебе поместье покажу? — спросил он.

— Хочу, — ответила Даша.

Митька ходил, словно летал на крыльях. Сводил Дашу на конный двор, подвел к псаарне, показал, где господские амбары, а потом повел в парк и всю дорогу про жизнь в имении рассказывал. И про деда Ерошку, и про Палашку, и про немца.

— А еще, — зашептал Митька, — у нас немой есть. Федька. Он разбойник. Ему ноздри выдрали.

Даша слушала внимательно, и Митьке было приятно.

— А этот высокий — он кто тебе, папаня? — спросил Митька, когда они возвращались домой.

— Нет, — ответила Даша. — Это Роланд.

— Кто? — переспросил Митька.

— Рыцарь Роланд, — повторила Даша. — Это роль у него такая.

— А мамка и папка у тебя тоже артисты? — спросил Митька.

— Да, — ответила Даша. — Только их продали князю Трегубову.

— Как — продали? — удивился Митька.

— Взяли да и продали, — ответила Даша. — Крепостные мы — вот и продали.

У Митьки от удивления даже рот приоткрылся.

— Как так: артисты — и крепостные? — усомнился он.

— Конечно, крепостные, — ответила Даша.

— Все крепостные? — переспросил Митька.

— Да.

— И тот, что штаны в клетку?

— Да.

А Митька все смотрел на Дашу и не верил: артисты — и вдруг крепостные!

Ушел

Жил Митька на новом месте, а все о своем думал — бежать ...

... И снова стал собирать сухари на дорогу. Только поступал теперь умно: прятал сухари далеко, на конном дворе, в старой соломе.

А как-то сидел Митька с Дашей на обрыве реки и рассказал про свой план. И про сухари рассказал.

— Вот здорово! — воскликнула Даша. — А куда ты побежишь, Митя? — спросила.

— В Закопанку, домой, — ответил мальчик.

Сказал в тот день Митька, что убежит, а потом пожалел. Прошла вдруг у Митьки охота бежать. Назначил один срок не ушел. Назначил другой — не ушел тоже.

А однажды Даша его спрашивает:

— Ты что ж, передумал?

Митька покраснел, надулся и ничего не ответил. А сам решил: «Уйду, в эту же ночь уйду!»

Дождался Митька вечера, лег на лежанку, а сам, чтобы не заснуть, с боку на бок переворачивается.

— Ты что, поганец, не спишь? — крикнула девка Палашка.

Затих Митька. Выждал, пока Палашка захрапела, полежал еще немного, потом соскользнул тихонько с лежанки, на цыпочках подошел к двери, приоткрыл ее так, чтобы та не скрипнула, вышел в сени, схватил армяк — и на улицу.

Думал Митька, что девка Палашка спит. А она притворялась. Заметила Палашка за Митькой последние дни странное, вот и стала приглядывать.

Только Митька за дверь, Палашка поднялась и тоже вышла. Митька побежал к конному двору. Палашка — за ним. Подходит, смотрит — мальчик что-то разгребает и мешок вытаскивает. Сухари это были. Только Митька мешок под мышку, а Палашка его за руку — хват! От неожиданности Митька вскрикнул, выронил мешок. Дернул было руку, но Палашка держит крепко. Забился Митька в руках Палашки, а потом изловчился и ухватил Палашку за руку зубами. Взвизгнула девка, выпустила Митьку. А он за сухари, через забор, мимо конного двора, за плетень — и в лес.

Ушел Митька.

Погоня

Подняла Палашка крик, бросилась к управляющему.

— Франца Иваныч! — будит. — Франца Иваныч!

Встрепенулся немец.

- Вас ист эс? — забормотал на своем языке.
- Митька бежал! — тараторит девка Палашка. — Митька бежал!
- Какой Митька? — не может взять в толк немец.
- Ну, Митька, тот, что на дудке играет, что у барыни Мавры Ермолаевны вы за перину выменять изволили.
- Так что есть Митька? — опять спрашивает немец.
- Утек, говорю, мальчишка.

А в это время Митька был уже далеко от усадьбы графа Гущина. Пересек вброд ручей и шел лесом. Отбежал версты три, когда вдруг услышал собачий лай. Вначале Митька решил, что это в соседней деревне. Потом лай стал слышнее, потом все ближе и ближе... Побледнел Митька: погоня! Побежал быстрее, не выбирая дороги, прямо через кусты. Хлещут ветки, ударяют Митьку в лицо, хватают за руки... Бежит Митька, тяжело дышит. «Загрызут, загрызут!» — бьется тревожная мысль. И вдруг словно кто подсказал! Бросился Митька к дереву. В темноте не разглядел — попалась сосна. Поцарапал руки, больно, но лезет. Пролез метра два. А в это время псы подбежали к дереву и пронеслись мимо. Собачий лай ушел куда-то в сторону. Митька облегченно вздохнул

. Лай перекинулся на другое место. Потом псы заскулили, забегали по кустам — то там, то тут... И вдруг повернули назад, остановились у дерева, подняли страшный вой и заскребли о кору. От страха Митька полез выше. И вдруг — хруст — обломился сучок! Митька хватать за другой — и тот хруст!

— А-а-а! — заголосил Митька и полетел вниз, прямо на собачьи спины.

Взвизгнули от неожиданности псы, разлетелись брызгами в стороны. А потом опять в кучу.

Лежит Митька, закрыл глаза; ждет, когда псы вцепятся.

А псы подбежали, истошно над самой головой лают, брызгут слюной, но не трогают. Приоткрыл Митька один глаз, потом второй; приподнял голову, смотрит — а перед ним Федька — драные ноздри!

Замычал Федор на псов, удариł одного арапником — те приумолкли. Встал Митька, а самому, оттого что немой здесь, еще страшнее. Федор ему показывает: мол, пошли. А Митька словно окаменел, с места не может сдвинуться. Подтолкнул немой Митьку; пошел тот, от страха еле ноги передвигает, повернуть голову назад не решается.

Шли назад окружной дорогой, часа два. Митька шел и все думал, что-то теперь будет! И не так боялся Митька порки, и даже Федора не так уж боялся, но стыдно было Даши. «Ну, скажет, и убежать не смог!»

Думал Митька, что его поведут к немцу. Оказывается, нет Привел Федор Митьку на псарню, отвел в свой закуток, расстелил рядно, показал: мол, ложись, и дал краюху хлеба.

Ушел куда-то Федор. А Митька лежит, понять не может. Чего это его Федор сюда привел, и чего они окружным путем шли, и чего это немой ему краюху сунул? Лежит Митька, уснуть не может.

«Вот ты где!»

— Вот те Франца всыплет! — кричала девка Палашка на Федора. — Мало тебе ноздри пообрывали, бока еще пообломают!

А Федор мычал и что-то руками показывал.

— Не догнал, Франца Иваныч, — докладывала утром Палашка немцу. — Утек, поганец. Немой-то ни с чем вернулся.

Пошумел, пошумел немец и плонул. Пригрозил всыпать и Палашке и Федору. Тем дело и кончилось.

К утру Митька сообразил: не хочет Федор его выдавать немцу. Живет Митька на псарне день, живет два. Федор еду ему приносит. Вечером присядет, по голове потреплет. Постепенно стал Митька привыкать к немому. А все-таки как-то боязно... Вспомнит, как дразнили Федора, и самому неловко.

Дней через пять повел с самого утра Федор собак прогуливать. Остался на псарне Митька один. Скучно стало в Федоровой каморке, вышел в сарай, где стояли собачьи клети: решил размяться. Побегал Митька из угла в угол, верхом на пруту покатался. Только хотел опять в каморку вернуться, вдруг входит на псарню Франц Иванович, а за ним девка Палашка. А Митьке и податься некуда. Юркнул было за собачью клеть, но Палашка как закричит:

— Вон он, ирод, вон!

Подбежала Палашка к Митьке, схватила за шиворот, вытащила на середину сарая.

— А-а... — протянул немец. — Вот ты где!

— Тут, тут! — тараторила девка Палашка. — Я же говорила, Франца Иваныч, что немой наврал. Неспроста немой с кухни-то похлебку воровал. Я-то приметила. Ить, думаю, и зачем это он?

Пытался Митька вырваться, да где уж! Крикнул немец дворовых — связали Митьку ...

... А через час, когда вернулся Федор, скрутили и Федора.

Пороли виновных тут же, на псарне. Били арапниками. Федора — двое взрослых мужиков, Митьку — Палашка.

— Ирод, — кричала Палашка, — вот тебе, будешь знать, как честных людей обманывать! — и во всю силу врезала тяжелым арапником по худым Митькиным плечам.

Митька только ежился и вздрогивал.

— Не кричишь? — приговаривала Палашка. — Я те заставлю кричать!

Митька стиснул зубы и молчал. Никто не заметил, как он потерял сознание.

«А он вовсе и не страшный»

Двое суток Митька не приходил в себя. А когда открыл глаза, не мог понять, где он и что произошло. Смотрит, рядом на корточках сидит девочка. Признал Митя — Даша, улыбнулся. Улыбнулась и Даша.

— Митя, — сказала, — жив?

— У-у, — промычал Митька.

— А мы-то уж думали... — Даша не договорила.

Посидела Даша, ушла. А потом пришла тетка Агафья.

— Ну, жив, соколик? — спросила. — А твоя-то Даша тут совсем исплакалась. «Это, говорит, все я! Я его не отговорила». Дни и ночи возле тебя сидела. Спать не ложилась. Ахтерка, а девка славная.

Поправлялся Митька медленно. Федор давно уже встал, опять с псами возится, а Митька все лежит. И ходят к нему то Даша, то тетка Агафья, то обе разом. И Федор, чуть свободная минута, здесь же рядом, что-то мычит и на руках показывает. Только что, Митька понять не может, а чувствует — что-то доброе немой сказать хочет.

А как-то пришла тетка Агафья, и Митька — к ней.

— Тетка Агафья, — говорит, — а дядя Федор, он вовсе и не страшный.

— Не страшный, не страшный, соколик! — отвечает тетка Агафья. — А чего ему быть страшным? Ты слушай его, он, Митька, человек добрый, таких еще поискать нужно.

— А чего он немой? — спрашивает Митька. — И ноздри чего у него драные? Разбойник он? Он человека убил?

— Что ты, что ты, бог с тобой! — замахала руками тетка Агафья. — Какой он разбойник! Все бы такими были! — Потом наклонилась к Митьке и зашептала: — Ты про мужицкого царя слыхал?

— Про Емельку Пугачева? — спросил Митька. — Которому руки и ноги рубили?

— Какой он тебе Емелька! — повысила голос тетка Агафья. — Емелиан Иванович он! — И снова зашептала: — Федор-то был у Пугачева своим человеком. А как разбили Пугачева, схватили и Федора. Пытали, а потом разодрали ноздри и язык отрезали. Вот без малого пятнадцать лет такой он и есть. Ты его люби, Митя, — он человек хороший, — уходя, еще раз сказала тетка Агафья.

А вечером пришел Федор и присел на лежанку, Митька доверчиво улыбнулся, уткнулся ему в живот лицом, как, бывало, к матери, и стал гладить рукой по спине. И Федор своей шершавой рукой Митьку гладил. И сидели они молча весь вечер...

Около месяца пролежал Митька. И все эти дни Даша бегала на псарню. Приносила поесть, новости рассказывала. А вечером садились они с Федором к Митьке на лавку. Смотрел Митька на Федора, смотрел на Дашу, и было ему так хорошо, как в родной Закопанке.

Как скрипел снег

Поднялся Митька, когда уже снег выпал. Укрыл снег по-хозяйски господский дом, и псарню, и лес, и все поля, что вокруг виднелись. Вышел Митька на улицу, сощурил глаза от яркого снега, попрыгал с ноги на ногу, вздохнул полной грудью.

И снова жизнь пошла своим чередом. Только уж не ходил Митька больше в оркестр играть: поотстал за время болезни. Обошлись без него. Приставили пока Митьку к тетке Агафье на кухню — помои вытаскивать.

Нравилась Митьке эта зима

. Хоть и мороз пошаливал и ветreno было, а Митька словно и не замечал. Чуть свободная минута, бежит к Даше. Позовет Тимка Глотов Митьку с собой играть, а он: мол, не могу, занят, тетка Агафья не отпускает. А сам — к Даще. И бродят, ходят они по господскому парку, как тогда первый раз осенью.

И Митьке хорошо. В парке никого нет. Только прыгают с ветки на ветку белки. Много развелось их в парке, и стали они словно ручные. «Цок, цок», — щелкают еловые шишки, только шелуха летит вниз. Сидят белки, щелкают орешки, на Митьку с Дашей поглядывают. Подмигнет Митька белкам, свистнет — те врассыпную.

А как-то ушли Митька и Даша далеко-далеко. Шли, взявшись за руки, тащили за собой санки — надумали с гор кататься.

Шли, а потом Митька сказал:

— Садись, Даша.

Даша села. Митька вез санки, и было ему совсем не тяжело. Митьке было радостно, и снег весело скрипел под ногами — хруст, хруст!

А потом они съезжали с гор. Даша крепко держалась за Митьку и вскрикивала от страха. Санки подпрыгивали на буграх, и тогда сыпучими хлопьями взлетал из-под полозьев снег. А внизу санки переворачивались, ребята летели в пушистый сугроб и весело смеялись. Потом отряхивались и снова бежали на гору.

И вдруг Даша остановила Митьку, сказала:

— Митя, не хочу я... Не надо больше так. Не заходи больше ко мне.

Митька оторопел.

— Задразнили меня, Митя. Невестой зовут. И немец ругается, говорит: «Играть на театре тебя купили, а не для других дел». Не заходи, боюсь я...

Митька ничего не ответил. Шли домой молча. И Митя уже не вез Дашу, а шли они рядом и вместе тащили санки, санки казались тяжелыми, ноги отяжелели, и снег хрустал уже вовсе не радостно, а зло и скрипуче, словно отругивался.

Генеральная репетиция

Обиделся в тот день Митька. Не забегал больше к Даше и старался на улице не встречать. И флигелек актерский обходил стороной. Словно вовсе и не было Даши.

А время шло и шло. И чем ближе к Новому году, тем быстрее, будто кто подгонял палкой. Артисты кончали последние приготовления, и вот наступил день генеральной репетиции.

Еще как-то раньше Даша говорила:

«Митя, как будет репетиция, ты приходи, обязательно приходи! Проберись в зал, там еще дверь с резной ручкой, и встань у окна за занавеску. Только смотри стой тихо, виду не подавай!»

И вот Митька вспомнил эти слова. Вспомнил — и вдруг захотелось взглянуть на Дашу, да так, как и раньше никогда не хотелось.

«Пойду», — решил Митька.

Пробрался он в графский дом, прошел в зал, спрятался за штору; стоит, замер ...

... Прошел час, а может быть, и два. У Митьки уже ноги отекать стали. Зашевелился, высунул голову, осмотрелся. Зал большой, длинный. В конце зала во всю ширь — занавес. А на стенах и справа и слева висят портреты. Смотрят из золоченых рам на Митьку какие-то старухи, старики в орденах и лентах, и какая-то дамочка с тростью в руках тоже смотрит.

Неприятно стало Митьке, спрятал опять голову. Но в это время за стеной послышались шорохи. Потом с шумом отворилась дверь. Глянул Митька: в зал вошел управляющий. Сел в кресло, хлопнул в ладоши, и занавес тотчас открылся.

И сразу на сцену высыпали артисты. Они двигались, говорили, пели. Пестрели цветные наряды — у Митьки даже в глазах зарябило. И вдруг выбежала девочка. Она ударила ножкой о ножку, присела, поклонилась в зал и закружилась. Митька не отрывал глаз. Потом занавес закрылся. Но через несколько минут он открылся снова.

Теперь Даша была в костюме мальчика. Она ходила за какой-то важной дамой и придерживала одной рукой подол ее длинного платья. В другой у Даши была шляпа с пером. В тант музыке Даша приседала и широко размахивала шляпой. Митька стоял как зачарованный.

Когда занавес открылся в третий раз, Даша была в наряде бабочки. Она носилась по сцене и легко подпрыгивала. А за ней бегал молодой принц и пытался поймать. Вот он почти настигал Дашу, и тогда у Митьки замирало сердце. Но Даша ловко выскользывала и убегала. Митька облегченно вздохнул. Наконец человек в костюме принца все же схватил Дашу за крыло.

Легкое крыльшко обвисло. Даша бежала теперь как-то боком, волоча ногу. Митька чуть не вскрикнул. Но вот Даша выпрямилась, широко раскинула руки и вновь закружилась. Митька успокоился. И вдруг Даша упала. Митька вначале не понял, нарочно или в самом деле. И лишь потому, как поднялся немец, как заругался на своем языке и полез на сцену, понял: не нарочно. Девочка встала, попыталась опять закружиться и снова упала. А немец уже поднялся на сцену и, держа в руке палку, шел к Даше. Девочка съежилась, замерла.

Немец подошел к Даще, занес палку

. И вдруг:

— Не бей! Не бей!

Митька сорвался со своего места и несся к сцене. Он стал между немцем и Дашей:

— Не бей! Не бей!

И оттого, что появился вдруг Митька, Даша испугалась еще больше. Но немец уже забыл про девочку. Он потянулся к Митьке. Тогда Даша вцепилась в Митькину руку и повлекла его за собой к выходной двери — прямо на улицу. Они бежали сами не зная куда, Митька и Даша-бабочка в легком тюлевом наряде. А на улице трещал мороз и дул пронизывающий декабрьский ветер.

И вдруг Митька остановился.

— Даша! — окликнул он. — Даша!

А девочку трясло — то ли от холода, то ли от испуга. Митька обнял ее, худенькую, бледную, взял на руки, приподнял. Даша не противилась. Она обхватила его руками и вдруг заплакала. Заплакала тихо, про себя, как, бывало, Аксинья, Митькина мать, плакала.

А на улице бегали артисты, дворня, и на пасарне истошно завыли собаки. Когда появился Митька с Дашей на руках, все расступились.

Митька подошел к актерскому флигелечку. Толкнул дверь, переступил порог и положил Дашу на кровать.

Даша открыла глаза. Посмотрела на Митьку и сказала то, от чего у Митьки дыхание сперло:

— Митя, ты хороший! Ты смелый, Митя...

Даша заболела

Митьку немец не тронул — ждали господ. Но легче от этого Митьке не стало.

Заболела Даша. На следующий день начался у нее жар. Приехал доктор, послушал, покачал головой, сказал: застужены легкие.

Целыми днями Митька не находил себе места. Все норовил пройти к Даше, но его не пускали. В окна пытался заглядывать, да окна завешены.

— Все из-за тебя! — журила тетка Агафья. — Из-за твоей дурости.

И Митьку от этого как огнем жгло.

За три дня до Нового года приехали господа. А потом стали съезжаться гости. Собралось карет до двадцати. А Митьке все равно — даже и не взглянул. Доложили графу про болезнь Даши. Пришлось ставить другое представление. Вызвал оркестрант Митьку, сказал, что и ему придется теперь на дудке играть. Два дня сыгрывались. А вечером Митька бегал к домику Даши и, пока хватало сил, все вокруг флигелечка топтался. Выходила тетка Агафья (она теперь у Даши дежурила), гнала Митьку спать.

— Шел бы, соколик, домой, — говорила. — Ну что ты как неприкаянный!

А потом сжалится и пустит Митьку на часок в сенцы. Сидит Митька, все о Даше думает.

Страшное

Страшное случилось под самый Новый год. Шло представление. Митька сидел в последнем ряду оркестра — с дудкой ближе и не полагалось. Сидел Митька и ничего не видел, не слышал. По дороге в господский дом забежал он к тетке Агафье. Достал Митька тряпочку, развернул и вынул сахар, тот, что немец ему дал и что он берег для матери.

— Даше это гостинец, — сказал Митька и протянул сахар тетке Агафье.

А та вдруг заплакала:

— Снова приезжал дохтур, — зашептала, — ох, худо Даше, ох, худо!

Сидит Митька, играет на дудке, а у самого одна мысль: «Да ша, Даша...» Никак не может себе простить Митька, что застудил Дашу.

Играет Митька, а что кругом творится, не понимает. Подает оркестрант ему какие-то знаки — не видит. «Громче, громче играй!» — шепчет сосед, а он не слышит. Толкают Митьку в бок, а он словно из камня скроен. Ноет у Митьки душа: «Даша, Даша...»

Не помнил Митька, как кончился спектакль ...

... Господа хлопали, актеры кланялись, а он тихонько вышел на улицу и побежал к Дашиному дому.

Около дома тихо и пустынно. Дверь приоткрыта. Вошел Митька в сенцы, встретился с теткой Агафьей. Удивился: не останавливает его тетка Агафья, не удерживает. Вошел в комнату.

На лавке лежала Даша, тихая, спокойная. Глаза закрыты. В руках Митькин сахар зажат. Остановился Митька, замер. И вдруг видит — у Дашиного изголовья свечка. Колышется легкое пламя, поднимается чад. Посмотрел Митька на свечку — понял.

— А-а! — заголосил он и бросился к Даше. — Даша! — кричит. — Даша! Встань, Даша! — И льются по Митькиным щекам слезы и падают на одеяло. — Даша, Даша!

Вернулись артисты. Входили в комнату, осторожно крестились. Стали полукругом.

— Увести бы мальчонку надо, — сказал кто-то.

— Пусть сидит, — ответила тетка Агафья. — Пусть плачет. От слез оно легче бывает.

Потом подошла к Митьке, погладила по голове, зашептала:

— Пошел бы ты спать, соколик! Спать! — и осторожно подталкивает Митьку к двери.

Вышел Митька на улицу и побрел. Где бродил Митька, никто не знает. Да и сам он не помнит. Только в конце концов пришел к своему дому.

— Опять шлялся! — набросилась на него девка Палашка.

Потом посмотрела на лицо, осеклась: лицо у Митьки стало страшным. Испугалась Палашка, оставила Митьку в покое. Плюхнулся Митька на лежанку, уткнулся носом в рукав и снова заплакал. Вздрагивают худенькие Митькины плечики, стонет душа: «Даша, Даша...»

И в это время вдруг дед Ерошка забил в колотушку. Раз, два, три... двенадцать.

Наступил Новый год.

Пожар

Среди ночи Митька вышел на улицу.

Сквозь легкий зипун сразу пробил мороз. «Вь-и-ть», — просвистел ветер. Надвинул Митька покрепче шапку и двинулся к дому управляющего. Немец ложился спать. В окне горела свеча. Управляющий разделялся, задул свечу, лег

. Митька выждал время, подошел к двери, задвинул скобу и для надежности привалил колодой.

Потом пошел на конный двор, взял охапку соломы и положил под дверь. Принес вторую и положил под угол дома, со стороны окна.

Огонь вспыхнул сразу. Языки пламени лизнули крыльца, занялся угол.

Прибежал дед Ерошка.

— Пожар! — закричал он истошным голосом.

На улицу стали выбегать дворовые.

Появился Федор.

Протирала глаза, не понимая, в чем дело, заспанная Палашка. Никто и не обратил внимания на Митьку. От крика проснулся немец. Бросился к двери, забил кулаками и дико закричал. Люди не двигались с места.

Тогда вышла вперед тетка Агафья.

— Все же человек, — сказала она, — побойтесь бога! — и пошла к двери.

Но ее опередил Федор.

В руках у него оказался кол. Он влетел на крыльцо, стал спиной к двери и грозно замычал. Все замерли. И только выскочила девка Палашка.

— Ирод! — завопила она. Бросаясь к Федору, вцепилась в его кудлатую бороду. — Ирод! — кричала. — Убивец!

А немой лишь мычал, еще сильнее прижимая дверь плечами и неловко отбиваясь от девки Палашки. И по озаренным окнам металась огромная тень немца.

Митька постоял, постоял, потом повернулся и пошел к скотному двору. Там он перелез через изгородь и стал подниматься в гору, в сторону леса.

На взгорье он остановился, взглянул на усадьбу. Там высоко в небо поднимались языки пламени. Потом разлетелись в стороны искры. Это рухнула крыша. И в то же время в господском доме вспыхнул свет: господа проснулись. Митька еще раз посмотрел на усадьбу и вошел в лес.

Беглый

По тракту из Москвы в Петербург мчался на тройке молодой офицер. Мчался офицер по срочным делам, даже в новогоднюю ночь ехал. Верстах в трех от почтовой станции, что возле села Чудова, ямщик вдруг осадил лошадей. Слез с козел, нагнулся.

— Что там? — крикнул офицер из санок.

— Мальчионка, никак... — ответил ямщик. — Замерз, должно быть. Морозице-то какой!

— Ну, давай его сюда, — сказал офицер и приподнял укрывавшую ноги доху.

Положили мальчионку на дно санок, в теплое место. Отогрелся он, отошел, шевельнулся.

Приоткрыл офицер доху.

— Ты кто? — спрашивает.

Молчит найденыш.

— Ты кто? — повторил офицер.

— Митька я, Мышкин, — ответил мальчионка.

— Мышкин! — усмехнулся офицер. — Да как тебя сюда занесло?

— Беглый небось, — ответил за Митьку ямщик. — По всему видать, беглый.

— Н-да, — произнес офицер. — Так что же нам с тобой делать?

— Да что делать! — ответил ямщик. — Сдадим его, ваше благородие, на станции — там разберутся.

Впереди как раз мелькнул огонек. Санки подъезжали к селу Чудову. Соскочил ямщик с козел, отбросил с ног офицера доху ...

— Вылезь и ты, беглый, — сказал Митьке.

Офицер пошел на станцию, ямщик замешкался у лошадей, а Митька — раз! — и в сторону.

Вышел офицер со смотрителем станции, а Митьки и след простыл.

— Тут был, — стал оправдываться ямщик. — И куда он девался? Утек небось, как есть утек. Шустрый такой, не зря что беглый.

— Бог с ним, ваше благородие, — сказал смотритель. — Много их тут, беглых, шатается.

Двинул офицер ямщика по затылку рукой и опять ушел в дом. Угнал и ямщик лошадей. А Митька в это время сидел за сугробом в придорожной канаве, не зная, как быть. И вдруг видит — подают новую тройку. Вышел офицер, сел в санки. Тогда Митька выпрыгнул из канавы, догнал санки и пристроился сзади на полозьях.

Резво бегут свежие кони, разлетается из-под полозьев снег, взлетают санки на ухабах — только держись! Держится Митька, слететь боится. Под дохой сидеть было тепло, а теперь холодно. Жмется Митька, трет ладошкой щеку, а сам чувствует — замерзает. И не стало у Митьки больше сил сидеть сзади. Покрутился, покрутился и стал пробираться по саночным распоркам к сиденью. Долез, смотрит — офицер спит.

Приподнял тогда Митька край дохи — и шмыг в санки! И сразу стало тепло, хорошо. Свернулся калачиком и заснул. Проснулся Митька оттого, что кто-то тормошил его за плечо. Открыл сонные глаза. Смотрит, над ним стоит офицер.

— Ты как здесь?

Митька все и рассказал. Засмеялся офицер.

— Вот я тебя сейчас властям сдам! — говорит, а у самого на лице улыбка.

Понравился, видать, офицеру Митька.

Чувствует Митька, что офицер про власть просто так, чтобы припугнуть, говорит.

Повел офицер Митьку на станцию. Накормил и опять спрашивает:

— Так что же нам с тобой делать?

— Возьми с собой, барин, — произнес Митька.

— С собой! — усмехнулся офицер. — В Питер?

— Возьми, барин! — просит Митька. — Да я тебе все, что хошь, буду делать. На дудке играть буду!

— На дудке? — переспросил офицер. — Ну разве что на дудке, — и опять улыбнулся.

Ночь была новогодняя. Выпил офицер чарку, потом вторую. В глазах появились веселые огоньки.

Может, если бы не выпил офицер в эту ночь лишнюю рюмку, так бы и остался Митька на большой дороге. Да от вина человек добреет. Взял гвардейский офицер с собой Митьку в Питер.

В Питере

И началась у Митьки новая жизнь. Живет он в самом Питере на Невском проспекте, у поручика лейб-гвардии императорского полка Александра Васильевича Вяземского.

Гвардейский поручик Митьке нравился. Молод, весел поручик. Ростом высок, статен, а как наденет парадный мундир — глаз не оторвешь. А главное, Митьку не обижает

. И Митька в лепешку готов разбиться, лишь бы угодить поручику. Кофе научился варить. Сапоги чистил так, что они за версту блестели; за табаком бегал, парик расчесывал. Был Митька вроде как денщик.

А еще Митька бегал на Литейный проспект, к дому генерал-аншефа^[16] Федора Петровича Разумовского и там через девку Аглаю передавал для генеральской дочки от гвардейского поручика записочки и приносил ответы. Нравилось это Митьке. И дочка генеральская нравилась. Стойная, белокурая, не то что деревенские девки.

А еще Митька любил, когда поручик про войну рассказывал. Здорово рассказывал! У Митьки даже дух захватывало.

Пробыл Вяземский на войне год. Воевал с турками, к Черному морю ходил, реку Рымник переплыval, на стены турецкой крепости лазил.

Слушает Митька. А самому кажется, что это вовсе не поручик Вяземский, а он, Митька, вплавь через реку Рымник перебирается, лезет на стену турецкой крепости и гонит турка к Черному морю.

— Ну как, пойдешь в солдаты? — спрашивает поручик.

— Пойду, — отвечает Митька.

А вечерами, бывало, собирались у поручика товарищи. В карты начинали играть. Митька и здесь в услужении: вино разливает, пустые бутылки на кухню относит. Потом поручик заставляет Митьку на дудке играть. Играет Митька — все смеются. И Митьке весело. Нравились Митьке поручиковы товарищи. Шумят, кричат, все молодые, шпорами звенят. А потом Митька двери за каждым закрывает и каждый дает Митьке по полкопейки. Проводит Митька гостей — поручика укладывает спать: стянет сапоги, мундир снимет, уложит Вяземского в постель и одеялом еще прикроет.

Останется Митька один. Наденет на себя гвардейский мундир, шпоры прикрепит, шпагу нацепит. Сядет Митька за стол, нальет рюмку вина, подымет, выпьет.

Эх, и жизнь! Нравилась эта жизнь Митьке.

Человека убили

Заспорили как-то поручик Вяземский с драгунским майором Дубасовым, кто важнее: офицер гвардейский или армейский.

— Гвардия есть опора царя и отечества! — кричал Вяземский. — Гвардии сам Петр Великий положил начало.

— Опора, да не та, — отвечал Дубасов. — Гвардейские офицеры — одно только название, что гвардия. Сидите в Питере, на балы ходите. А кто за вас отечество защищает, кто кровь проливает? Мы, армейские офицеры.

Обозлился Вяземский, полез в драку. Только Дубасов был умнее — драться не стал, а бросил к ногам поручика перчатку: вызывал Вяземского на дуэль — стреляться.

Узнал Митька о случившемся, думает: «Как так, из-за такого дела — и стреляться? Мало ли на селе мужики спорят. Так ежели из-за каждого спора стреляться, скоро и живых не останется».

Достал поручик ящик с пистолетами, почистил, щелкнул Митьку по носу и поехал за секундантом.

Лег поручик в этот день раньше обычного. Лег и сразу заснул.

А Митьке не спится. «Как это так? — думает. — Завтра стреляться, а он хоть бы хны».

Утром, еще не рассвело, приехал за поручиком секундант.

Одеся поручик, умылся, выбежал на улицу и сел в возок.

— А как же я? — остановил его Митька.

— Что — ты? — говорит поручик ...

— Сиди дома, вари кофе. Через час буду. — Потом подумал, добавил: — А коли беда случится, поезжай, Митька, в Рязанскую губернию, разыщи поместье Василия Федоровича Вяземского, скажи: мол, так и так. У него и останешься. Понял?

— Понял, — ответил Митька, а самому про это и думать страшно.

И стал Митька ждать поручика. Ждет час, второй, третий. Нет поручика. «Ну, — решил Митька, — убили».

А вечером поручик вернулся. Весел, насвистывает что-то. Бросился Митька к нему.

— Ну как? — спрашивает.

— Что — как?

— Ну, дувель эта самая...

— А, дуэль! — усмехнулся поручик. — Что дуэль... Застрелил я его. Вот и все. — И щелкнул Митьку опять по носу. — Только утром это еще было.

А у Митьки от этих слов как-то и радость прошла. «Чего стрелялись? — думает. — За что человека убили?»

На войну

Не сошла поручику дуэль с рук.

Про убийство майора Дубасова узнала сама императрица Екатерина Великая. Приказала она разжаловать поручика из гвардейских офицеров и направить в действующую армию.

А в это время как раз война с турками шла. Русские осадили турецкую крепость Измаил. Под Измаил и послали Вяземского.

И стал он теперь не гвардейский офицер, а просто поручик армейский.

— Плохи наши дела, — сказал поручик Митьке. — Опять на войну. Да нам не привыкать! На войне еще интереснее.

И Митька думает: интереснее. А все же из Петера уезжать жаль. Да и не знает Митька, что с ним будет. Говорит поручику:

— А что со мной будет?

— Поедешь, — отвечает Вяземский, — в Рязанскую губернию.

— Во те раз! — опешил Митька. Смотрит на поручика, чуть не плачет.

Походил, походил, а потом подошел к Вяземскому, говорит:

— А возьми меня, барин, с собой!

— Как — с собой? — удивился поручик.

— На войну, — отвечает Митька.

— На войну?

— На войну.

— Так что ты там будешь делать?

— Турка бить буду, — говорит Митька.

— «Турка»! — расхохотался поручик. А сам подумал: «Может, и взять?»

И вот помчались поручик и Митька через всю Россию на перекладных от Балтийского до самого Черного моря. Менялись тройки, летели версты, проносились села и города. Митька сидел важный: Митька на войну ехал.

Измаил

Неприступной считалась турецкая крепость Измаил. Стояла крепость на берегу широкой реки Дунай, и было в ней сорок тысяч солдат и две тысячи пушек. А кроме того, тянулся вокруг Измаила глубокий ров и поднимался высокий вал. И крепостная стена вокруг Измаила тянулась на шесть верст. Не могли русские генералы взять турецкую крепость.

И вот прошел слух: под Измаил едет Суворов. И правда, вскоре Суворов прибыл

. Прибыл, собрал совет.

— Как поступать будем? — спрашивает.

— Отступать надобно, — заговорили генералы. — Домой, на зимние квартиры.

— «На зимние квартиры»! — передразнил Суворов. — «Домой»! Нет, — сказал. — Русскому солдату дорога домой через Измаил идет. Нет дороги отсель иначе!

И началась под Измаилом новая жизнь.

Приказал Суворов насыпать такой же вал, какой шел вокруг крепости, и стал обучать солдат. Днем солдаты учатся ходить в штыковую атаку, а ночью, чтобы турки не видели, заставляет их Суворов на вал лазить. Подбегут солдаты к валу — Суворов кричит:

— Отставить! Негоже, как стадо баранов, бегать! Давай снова!

Так и бегают солдаты то к валу, то назад.

А потом, когда научились подходить врассыпную, Суворов стал показывать, как на вал взбираться. «Тут, — говорит, — лезьте все разом, берите числом, взлетайте на вал в один момент».

Несколько раз Митька бегал смотреть Суворова. А как-то Суворов заметил Митьку и спрашивает:

— Что за солдат?

— Солдат гренадерского Фанагорийского полка! — отчеканил Митька.

— Ай-яй! — удивился Суворов. — Солдат, говоришь?

— Так точно, ваше сиятельство! — ответил Митька. К этому времени Митька уже научился рапорт как следует отдавать.

Посмотрел Суворов на Митьку, подивился, говорит:

— Ну, раз солдат, так другое дело. Солдатам у нас почет. — Снял Суворов свою шляпу и низко Митьке поклонился.

Только дело на этом не кончилось. Вызвал, оказывается, в тот же день Суворов поручика Вяземского и приказал Митьку домой отправить. Загрустил Митька. Да и поручик привык к мальчику, отпускать не хочется. Тянули они с отъездом. А чтобы Суворову и генералам на глаза не попадаться, сидел Митька больше в палатке, все выходить боялся.

Между тем русская армия подготовилась к бою. Суворов послал к турецкому генералу послы — предложил, чтобы турки сдались. Но генерал ответил: «Раньше небо упадет в Дунай, чем русские возьмут Измаил».

Тогда Суворов отдал приказ начать штурм.

«Вставай, барин!»

В ночь на 11 декабря 1790 года русские пошли на приступ.

Отдернул Митька полог палатки, стал смотреть. Палатка как раз так стояла, что из нее крепость была видна. Только сейчас была ночь, туман, и Митька ничего не видел. Лишь слышал громыханье пушек и ровный гул солдатских голосов.

А когда наступил рассвет, Митька разглядел, что русские уже прошли ров, поднялись на крепостной вал и по штурмовым лестницам лезли на стену.

Шла стрельба. Над крепостью поднимался дым. На стене, один к одному, словно воробы на изгороди, сидели турки. А вокруг крепости — и прямо перед собой, и слева, и справа, куда хватал глаз, — видел Митька, как двигалось, как колыхалось и плескалось со всех сторон огромное солдатское море. И казалось Митьке, что это вовсе не солдаты и Измаил не крепость, а гудит перед ним, перекатывается и воет огромный пчелиный рой.

И вдруг внимание Митьки привлек русский офицер. Опередив других, офицер уже был почти на самой стене. Он ловко карабкался по лестнице, взмахивал шпагой и что-то кричал. Присмотрелся Митька — и вдруг признал Вяземского.

Вот поручик пригнулся, вот снова выпрямился... Вот свалил выстрелом высунувшегося из-за стены турка...

— Ура! — закричал Митька. — Ура!

А поручик уже на стене. Еще никого нет, а Вяземский там ...

... Стоит, машет шпагой. Сбило с поручика шляпу, сорвало парик. Развеваются по ветру русые кудри. Отбивается поручик от турок и снова что-то кричит и кричит. И вот Вяземский уже не один, рядом с ним русские солдаты. Прыгают солдаты по ту сторону стены.

И вдруг видит Митька, как поручик хватается за бок. Роняет шпагу... Минуту держится... Потом приседает, неловко поворачивается и падает вниз.

— Барин, барин! — кричит Митька, выбегает из палатки и бросается к крепости.

Подбегает к стене, хватается за штурмовую лестницу.

— Ты куда? Смерти захотел?!

Митька не ответил. Кто-то схватил его за ногу.

— Пусти, дяденька! — Митька выдернул ногу и кошкой полез вверх.

Влез, глянул вниз — и чуть не вскрикнул. Там один на одном, крест-накрест и просто так лежали побитые солдаты: русские, турки — все вместе. А совсем рядом в узких, запутанных улицах Измаила шел бой и неслось крики... Страшно стало Митьке; хотел повернуть назад, потом перекрестился, закрыл глаза и прыгнул внутрь крепости.

Крадется Митька у самой стены, смотрит, не видать ли поручика. И вдруг видит: из-под убитого турка торчит знакомый сапог и шпора знакомая. Подбежал Митька, отвалил турецкого солдата, а под солдатом лежит поручик Вяземский.

— Барин, барин! — закричал Митька. — Вставай, барин!

А Вяземский лежит, не шелохнется. Приложил Митька ухо к груди поручика — дышит. Тихо, но дышит. Обрадовался Митька и опять свое.

— Вставай, барин, вставай! — трясет Митька поручика за плечо.

А Вяземский словно и не живой.

Взял тогда Митька поручика за ворот мундира и по земле потащил из крепости. Тяжело мальчишке — в поручике пудов до пяти, — но тащит. Плачет, но тащит. У самых ворот столкнулся Митька с Суворовым.

— Ты как здесь? — удивился Суворов.

— Да я... — начал было Митька и растерялся. Стоит, вытирает слезы.

Посмотрел Суворов на Митьку, на раненого.

— Поручик Вяземский? — спрашивает.

Митька кивает головой.

— Тот, что крепостную стену первым взял?

Митька опять кивает.

Крикнул Суворов солдат, приказал унести героя. А Митьку подозвал к себе, отодрал за ухо и сказал:

— Беги вон, и чтобы духу твоего тут не было.

Медаль

Два дня и две ночи просидел Митька в санитарной палатке, у постели поручика Вяземского. На третий день поручик пришел в себя, признал Митьку. А еще через день пожаловал в палатку Суворов.

Узнал Митька Суворова — спрятался. Поручик было привстал.

— Не сметь! Лежать! — крикнул Суворов. Подошел к постели Вяземского. — Герой! — сказал.

— Достоин высочайшей награды. — И спрашивает: — А где твой денщик?

— Так я, ваше сиятельство, отправил его в Рязанскую губернию, — отвечает Вяземский.

— Давно?

— Давно.

— Так, — говорит Суворов. — Дельно, хорошо, когда офицер исправен. Похвально. А то ведь вралей у нас — о-о — сколько развелось!

— Так точно, ваше сиятельство! — гаркнул поручик и думает: «Ну, пронесло!»

А Суворов вдруг как закричит:

— Солдат grenадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, живо ко мне!

Притаился Митька

. Не знает, что и делать. А Суворов снова подает команду.

Выбежал тогда Митька:

— Слушаю, ваше сиятельство! — и отдает честь.

Улыбнулся Суворов.

— Дельно, — говорит, — дельно! — Потом скомандовал «смирно» и произнес: — За подвиг, подражания достойный, за спасение жизни российского офицера, жалую тебя, солдат grenадерского Фанагорийского полка Дмитрий Мышкин, медалью!

Подошел Суворов к Митьке и приколол медаль.

Митька стоит, руки по швам, не знает, что и говорить.

А Суворов подсказывает:

— Говори: «Служу императрице и отечеству».

— Служу императрице и отечеству! — повторяет Митька.

— Дельно, — говорит Суворов, — дельно! Добрый из тебя солдат будет!

Потом повернулся Суворов к Вяземскому, сказал:

— Думал я тебя представить к высочайшей награде, а теперь вижу: зря думал. Негоже себя ведешь, поручик: приказа не выполняешь, командира обманываешь.

Покраснел поручик, молчит. И вдруг блеснули хитринкой глаза, и выпалил:

— Никак нет, ваше сиятельство!

— Что — никак?

— А как же я мог приказ выполнить, — говорит Вяземский, — коль дороги назад не было?

— Ай-яй! Не было? — переспросил Суворов. — Может, и вралей не было?

— Дорога солдату домой, — ответил Вяземский, — через Измаил ведет. Нет дороги российскому солдату домой иначе!

Посмотрел Суворов на поручика, крякнул, ничего не ответил. А через несколько дней пришел приказ простить Вяземскому дуэль с Дубасовым и отправить назад, в Питер. Видать, понравился ответ поручика Суворову.

Простились поручик и Митька с армией. И ехали они опять через всю Россию на перекладных от самого Черного до Балтийского моря. И снова менялись тройки, снова летели версты, снова проносились села и города.

Митька сидел гордый и медаль щупал. Солдат с войны ехал.

Прощай, Вяземский!

— Митька, друг ты мой, никогда тебя не забуду, никому не отдам! — говорил Вяземский.

Появился вскоре у поручика новый товарищ — капитан Пикин. Взглянул Митька на капитана: глаза навыкате, нос клювом, губы поджаты, на всех смотрит косо и даже ходит не как все, а как-то боком, правое плечо вперед.

Соберутся, как бывало, у поручика приятели. Все смеются, кричат. А капитан сядет в стороне, молчит, не улыбнется. Начнут офицеры про политику спорить, про дела государства говорить, заведут речь о мужиках: мол, неспроста мужики волнуются, так и жди нового бунта. А капитан спорящих прервет, скажет: «Мало с них шкуру дерут! Мало помещики порют — вот и распустились мужики! Вон Митька твой — и не поймешь, где холоп, где барин».

Заговорят офицеры про войну, про Измаил, Суворова вспомнят. А капитан и здесь слово вставит: «Суворов выскочка, счастливый, в сорочке родился. Вот и везет».

«И чего это терпит его поручик?» — думает Митька. А терпел Вяземский капитана потому, что любил Пикин играть в карты. Уж никто не хочет, а капитан играет. На картах они и сдружились.

Как и раньше, собираются у поручика молодые офицеры, да только Митьке уже перестали казаться хорошими прежние вечера. Митька уже и на дудке играет не так охотно, и вино разносит с опаской. Боялся Митька Пикина: чуял, что беда от него пойдет.

Так оно и случилось.

Сели как-то офицеры играть в карты. Вошли в азарт. Играли до полуночи и все проигрались. В выигрыше был лишь один капитан Пикин. Разошлись другие по домам, а капитана поручик не отпускает.

— Играй, — говорит, — еще ...

— Как же с тобой играть, — отвечает капитан, — ты уже все проиграл!

А поручик:

— Нет, играй.

Отказывается Пикин.

— Играй, — настаивает поручик. — В долг, — говорит, — играть буду.

— Нет, — возражает Пикин, — в долг не играю, хватит.

Понял Митька, что дело плохим кончится, подошел к поручику, говорит:

— Барин, спать пора.

А поручик резко оттолкнул Митьку и опять к капитану:

— Ставлю мундир!

Ну, и снова проиграл Вяземский. Вошел поручик в еще больший азарт. Смотрит по сторонам, на что бы еще сыграть.

А Митька опять подходит, говорит:

— Барин, спать пора.

Посмотрел поручик на Митьку, блеснул в глазах огонек, и вдруг говорит капитану:

— Вот на Митьку ставлю.

Митьку словно огнем обожгло.

А капитан Пикин снова сдает карты и приговаривает:

— Что ж, Митьку так Митьку. Вот он у меня узнает, кто холоп и кто барин!

Сыграли, и снова проиграл поручик.

— Митька! — закричал Пикин. — Собирай свои вещи, да медаль смотри не забудь. Будешь у меня при медали сапоги чистить.

Митька не отозвался.

Встал капитан, вышел на кухню: смотрит, а Митьки не видно.

Вбежал Вяземский:

— Митька!

Никто не отзыается.

— Митька! — снова закричал поручик.

А Митьки словно и не было.

Ушел Митька.

Смотрит Вяземский — только дверь на улицу слегка приоткрыта да лежит в углу забытая Митькой дудка.

Неожиданная встреча

Третий день кривой Савва жил в Питере. Привез Савва из Закопанок соленые огурцы, продавал ведрами.

— Огурцы соленые! Соленые-моченые! Кому соленые? — надрывал он глотку.

Да только мало кто покупал. Огурцов на базаре и без того хоть пруд пруди.

На четвертый день с самого утра Савва опять стоял около своих кадок — отмерял огурцы. А рядом с бочками лежала большая краюха хлеба. Савва по куску от нее отламывал и ел. Вдруг видит — чья-то рука тянется к краюхе хлеба. Схватил он руку. Обернулся — мальчишка. Посмотрел — Митька.

Признал и Митька кривого Савву — растерялся.

— Жив! Ить те жив! — вскричал Савва. — Ух, радость-то какая! А мы тебя похоронили. Еще в тот год узнали, что ты от господ убег. А потом сказывали: уже по весне нашли в лесу замерзшего мальчишку. Так мы думали... Ан нет, жив-таки!

И рассказал Савва Митьке и про отца, и про мать, и про всю Закопанку.

— Жизнь-то в Закопанке совсем расстроилась, — говорил Савва. — Распродали господа мужиков. Старосту Степана Грыжу — так и того продали. А родителев твоих, — говорил Савва, — сосед, князь и енерал Юсуповский, купили. Помещик-то у них добрый. А наши-то господа совсем разорились. Лесок, что по ту сторону речки, продали. Землицу, что от старой баньки шла, тоже продали. И из дворовых всего два человека осталось — девка Маланья да я. Кривой — никто не берет. Эхма, было времечко! — закончил свой рассказ Савва. — Другие нонче пошли времена.

— А вы тут чего, дядя Савва? — спросил Митька.

— Как — чего? Я теперь на месяц кажин раз в Питер езжу. Барыня посыпают. Пшено вожу, редьку, огурцы. Оно дороже выходит... Да ты о себе расскажи, о себе.

Митька рассказал.

— Ить дела! — проговорил Савва. Потом подумал, сказал: — Митька, завезу-ка я тебя до родителев. Вот уж радость будет! А там, глядишь, князек ваш тебя и выкупит. Вот и заживете все вместе!

Всю дорогу Митька только и думал, что об отце и матери.

Ехали по талому снегу. Бурлили ручьи. Светило солнце.

И Митьке было легко и радостно.

— Дядя Савва, — спрашивал Митька, — а кот Васька жив?

— Жив, жив, — отвечал Савва. — Чего ему не жить!

— Дядя Савва, а барин, он добрый, выкупит?

— Выкупит, — отвечал Савва. — Вот крест — выкупит!

Как и обещал, привез Савва Митьку домой.

— Аксинья! — позвал. — Аксинья! Принимай гостя.

Выбежала Аксинья, увидела Митьку, онемела от счастья. А потом как заголосит, как заплачет! Схватила Митьку, целует...

— Ох ты, мой родненький! — причитает. — Похудал... Ох ты, мой ненаглядный.

Вышел Кузьма, посмотрел на сына, признал не сразу.

— Что стоишь? — крикнула Аксинья. — Чай, сын прибыл... Митя, Митенька! — и снова заголосила.

На шум выбежал кот Васька. Посмотрел на Митьку, мяукнул; подошел, выгнул спину, задрал хвост и стал тереться о Митькины ноги.

— Признал, признал! — воскликнул Савва. — Ить ты, паршивец, признал!

А Митька стоял, вытирая рукавом намокшие глаза. И не знал, плакать или смеяться.

Митька был счастлив.

Блаженный

Князь Гаврила Захарович Юсуповский был генералом русской армии. Под Фокшанами генерал получил тяжелое ранение в голову, вышел в отставку и поселился в своем новгородском имении. Занялся генерал хозяйством. Усадьбу привел в порядок, дом перестроил. Накупил дворовых, тягловых мужиков прикупил. Выписал садовника из Питера и повара. И пошло генеральское хозяйство в гору. Барин был добр. Мужиков не обижал, на пасху и рождество гостинцами баб одаривал, а в день святого Гаврилы раздавал всем по пять копеек медью и бочку браги выкатывал.

Только стали мужики вскоре замечать за барином какие-то странности. Забываться стал временами, на себя всякое наговаривал. То возьмет в рот кинжал, бегает по двору и кричит: «Турок я! Турок!» То положит на порог голову и заплачет: «Пугачев я, Емелька, рубите мне, вору и разбойнику, буйную голову!» А еще, когда грянет, бывало, гром, бледнел барин и начинал шептать: «Война, война, снова турка в поход идет!»

В день приезда Митьки побежал Кузьма к князю, бросился в ноги.

— Не откажи, барин! — просит. — Уж пожалей, откупи сынка у графа Гущина!

Рассказал Кузьма генералу про Митьку, стоит на коленях, просит.

— Вот оно как! — удивился генерал ...

... — На войне, говоришь, был?

— Был, был! — зачастил Кузьма. — Медаль с той войны привез.

— Ме-даль? — протянул генерал.

Приказал князь привести к нему Митьку.

— Падай, падай барину в ножки! — подталкивает Кузьма Митьку.

А Митька по-солдатски отбил шаг, подошел к генералу и докладывает:

— Солдат grenaderского Фанагорийского полка Дмитрий Мышикун прибыл!

У Кузьмы от удивления скуча отвалилась. «Ну, все испортил», — решил.

Оказывается, нет. Взглянул генерал на Митьку, сказал: «Вольно». Потом обошел вокруг Митьки, осмотрел со всех сторон, медаль пощупал и ответил: «Ладно. Откуплю».

Кузьма бросился целовать барскую руку. А генерал вдруг как закричит: «Не трожь, не трожь, сейчас взорвется!» Отскочил Кузьма, стал неловко кланяться и пятиться к выходу.

— Что с ним, тять? — спросил потом Митька.

— Блаженный, — ответил Кузьма.

И вот снова живет Митька в родительском доме. И снова помогает отцу и матери.

А вечером все собираются в светелке. Отец что-то стругает, мать веретено крутит. А на печи сидит кот Васька и, как прежде, смотрит на Митьку хитрым взглядом. И всем хорошо. И мирно трещит лучина, и от каждого вздоха, словно живое, колышется яркое пламя.

Карты

Неделю Митька прожил спокойно, а потом вызвал его к себе барин.

— Давай, — говорит, — играть в карты. Я тебя этому искусству враз обучу.

Вначале стал генерал Митьке карты показывать.

— Это, — говорит, — двойка, это тройка, это семерка. Так что старше, — спрашивает, — двойка или семерка?

— Семерка, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Молодец!

Потом стал объяснять картинки.

— Это, — говорит, — валет, это дама, это король. Кто старше?

— Король, — отвечает Митька.

— Правильно, — говорит генерал. — Ну, дело у тебя пойдет.

Потом объяснил генерал про масть. Трефы и пика — черные, бубен и червь — красные.

— Трефы и пика — черные, — повторяет Митька, — бубен и червь — красные.

И стал генерал учить Митьку играть в «подкидного дурака». А чтобы было интереснее, договорились бить проигравшему по носу тремя картами.

Вначале Митька только проигрывал. Набил ему за эти дни барин нос так, что нос стал у Митьки вроде красной свеклы. И так пристрастился генерал бить картами, что игре еще и конец не пришел, а он уже приготовится и приговаривает:

— Вот я тебя сейчас! Будешь знать, шельмеец, как со мной в карты играть!

А когда лупил, тоже приговаривал:

— Так тебе и надо, так тебе и надо! Не берись играть, коль не умеешь.

Но вот наступил день, когда Митька выиграл.

— Как это так? — проговорил генерал. — Ты, шельмец, небось карты подмешал?

А Митька ничего и не подмешивал. Так оно само вышло. Ну, и пришлось генералу подставлять свой нос.

Митька бил осторожно.

Опять сыграли. Барин проиграл снова. И снова Митька бьет по генеральскому носу. Только теперь Митька осмелел и бьет посильнее. И третью партию проиграл барин. На этот раз Митька ударил во всю силу.

Начал барин кипятиться. А чем больше он кипятится, тем и играет невнимательнее. И стал у генерала нос краснеть. Видит барин — дела плохи. И как Митька выиграл снова, схватил палку и Митьку по мягкому месту — раз, два! «Ты, — говорит, — шельмец, плутуешь».

И только Митька выиграет, барин за палку и бьет. Вернулся Митька домой — весь зад в синяках. Лег спать, думает: «Проиграл — плохо, выиграл — плохо! Пойми ты ее, барскую душу!»

Решил Митька на следующий день больше у барина не выигрывать, поддаваться. Все же по носу, решил, не так больно.

А генералу, видать, понравилось бить Митьку палкой. Решил он тоже поддаваться и за каждый выигрыш его драть. Блаженный был генерал.

Вот сели они играть на следующий день. Митька поддается, и генерал поддается. Так они и играют в «дурака» на проигрыш. И все Митька проигрывает. Хотел барин Митьку палкой бить, а теперь, выходит, нельзя: нужно картами по носу. А это генералу уже наскутило.

Пытается барин проиграть, а все не получается. Разозлился тогда генерал, крикнул на Митьку:

— Пошел вон! Не умеешь играть, а лезешь!

С той поры они уже в карты не играли.

«Императрица»

Прожил Митька еще неделю спокойно. А потом его снова кличут к барину.

— Будешь, — говорит генерал, — за императрицу Екатерину Великую.

Удивился Митька, думает: как же это он будет за императрицу?

А барину пришла в голову блажь, что должна к нему приехать царица в гости. В это время как раз через Новгород из Петербурга в Москву царица ехала. Все вокруг только об этом и говорили. Вот и решил генерал всех удивить. Сшили Митьке женский наряд. А на следующий день прошел по селу слух, что в гости к генералу едет сама императрица Екатерина Великая. Собрали к господскому дому мужиков и баб. Разложили на крыльце ковер. Ждут. И вот карета въехала. Сам барин выбежал «императрицу» встречать. Мужики и бабы упали на колени.

Никто и не обратил внимания, что карета господская, а на месте кучера свой же мужик, дядя Игнат, сидел.

Открыл генерал дверцу кареты, поклонился, а из кареты выходит Митька.

Ахнули мужики — ну и блажь...

А барин взял «императрицу» под руку и повел в дом. Митька идет, путаются ноги в юбке. Привел барин Митьку в зал, а там стол накрыт. Усадил генерал Митьку.

— Ваше величество, — говорит, — не откажите принять нашу убогую трапезу.

Ест Митька, барин ему вина наливает.

А после еды генерал говорит:

— Ваше величество, извольте в ваши апартаменты проследовать.

И повел барин Митьку по комнатам в спальню. Идет Митька, пошатывается ...

... Смотрит, а в спальне уже кровать приготовлена.

— Приятной ночи, ваше величество! — сказал генерал и удалился.

А Митька от вина опьянел, так в царицыном наряде и залез под одеяло.

Спал в эту ночь Митька крепко. Проснулся утром, потянулся, вспомнил вчерашний день — самому смешно стало. А в это время вдруг открывается дверь, входит барин. Посмотрел барин на Митьку.

— Ты что тут, поганец, делаешь?

— Императрица я, — говорит Митька.

— Что? — заревел генерал. — «Императрица», паршивец? Вот я тебе дам «императрицу»!

Понял Митька, что прошла у генерала блажь, вылез из-под одеяла — и бежать! Да запутался в юбках.

Схватил его барин и давай лупить. Бьет и приговаривает:

— Вот я тебе покажу «императрицу»! Мужик, а бабой прикидываешься! Имя монаршее позоришь!

Еле вырвался Митька.

А вечером Митьку опять позвали в господский дом. И снова он был за Екатерину Великую. Когда отвел генерал Митьку в спальню, он ложиться не стал, а потихоньку убежал из барского дома.

На следующий день Митька ждал, что генерал позовет. Однако за Митькой никто не прибегал. Ни в этот день, ни на другой, ни в третий... Видать, прошла барская блажь.

«Ать, два, левой, правой!»

В третий раз генерал вспомнил про Митьку к концу лета.

— Ты на войне был? — спросил барин.

— Был, — ответил Митька.

— Медаль получил?

— Получил.

— Так приходи завтра, да по всей форме! Посмотрим, какой из тебя солдат.

Пришел Митька, и начались с этого дня учения. Является Митька с самого утра. Генерал уже одет — в мундире, при погонах и шпаге. Ждет. Выходят генерал и Митька во двор, начинаются учения.

— Смирно! — кричит генерал.

— Так, — говорит генерал, — верно.

Потом подает команду: «Направо, шагом марш!» Дойдет Митька до конца двора — генерал кричит: «Кругом!» Поворачивается Митька. И так до самого обеда ходит Митька по двору от одного угла до другого. А генерал идет рядом: «Выше ногу, шире шаг! Ать, два, левой, правой! Ать, два, ать, два!»

А после обеда другие учения.

— Ложись! — кричит генерал.

Митька ложится.

— Встать!

Митька встает.

— На пузе ползи!

Митька ползет. И так до самого вечера.

Намучается Митька за целый день — сил нет. А с утра все снова. Через неделю Митька все команды выучил. Тогда генерал приказал собрать деревенских ребят. И теперь они с Митькой оба стали вести учения. Поначалу ребятам нравилось. С самого утра Митька их строил. Потом выходил генерал. Митька кричал «смирно» и докладывал:

— Ваша светлость, рота к учению построена.

— Вольно! — говорил генерал.

И начинались занятия

. Да только вскоре ребятам все надоело, не все стали являться.

Заметил генерал — перекличку приказал делать. А для неисправных в курятнике устроил гауптвахту. Да только ребятам на гауптвахте нравилось больше, чем животами тереть господский двор. Там и отсиживались.

Тогда отменил генерал гауптвахту и всыпал непослушным розог.

А вскоре и ребят показалось генералу мало. Приказал он, чтобы собирались взрослые мужики. И вот с самого утра толпится на барском дворе человек до тридцати мужиков. Строит их барин по росту, и начинаются учения.

— Ать, два! Ать, два! Левой, левой! — снова командует генерал.

Дело как раз летом было. На поле стоят неубранные хлеба, зерносыпается. А мужики от одного конца до другого господский двор меряют. Научились мужики ходить, как настоящие солдаты, да только богаче от этого не стали.

Мужики — на Митьку: «Все из-за тебя, из-за твоей медали!» Возненавидели мужики Митьку.

А тут генерал стал поговаривать, что пора и в лагеря ехать и там учинить настоящие маневры. Разбить мужиков на две группы и устроить войну.

Видит Митька — дело плохо, не простят мужики ему этой затеи, и сказал как-то барину:

— Ваша светлость, а как же на войне без пушек быть?

Посмотрел генерал на Митьку, сказал:

— Правильно. Отпишу-ка я письмо самому любимцу императрицы, светлейшему князю Потемкину. Он меня помнит — пришлет.

Написал, а ответ никак не приходит. Пока его ждали, генерал и забыл про военные учения. И опять стало спокойно.

Кончилось детство

Прошел год. Мало что изменилось за это время в жизни Митьки Мышкина, повзрослев разве что на год. Зато прежние его господа, помещики Воротынские, совсем разорились. Усадьбу продали, сами в Москву уехали. А кривого Савву и Маланью продали за долги князю Юсуповскому. Стал теперь Савва от князя в Питер и Чудово на базар ездить.

И вот как-то захватил Савва в Чудово с собой Митьку. И здесь, в скотном ряду, повстречали они тетку Агафью.

— Митька! — закричала она. — Соколик ты мой, Митька! Да, никак, ты? — Она обхватила мальчика и крепко прижала к себе. — А мы-то...

— Знаю, тетка Агафья, — говорит Митька, — помершим считали.

— Считали, считали, соколик!

Тетка Агафья водила Митьку по базару, купила ему пряник, вздыхала и все слезу рукавом смахивала.

— Да чего ты, тетка Агафья! — успокаивал ее Митька.

— Ох, как вспомню, как вспомню!.. Так ты ничего, при родителях, значит?

— Да, тетка Агафья.

— Дашу-то помнишь?

— Помню.

— А Федора?

— Помню, тетка Агафья.

— Так засудили Федора — ушел на каторгу.

— Как — засудили? — вырвалось у Митьки.

— Ой, не говори, соколик! Немца-то порешил немой, а дом поджег. Сам признался. А девка Палашка — типун ей на язык — потом все на тебя наговаривала.

— Тетка Агафья, — вдруг сказал Митька, — не дядя Федор, я немца поджег.

— Да что ты! Да бог с тобой, соколик! — замахала руками тетка Агафья.

— Я, — повторил Митька.

Ни единого слова не обронил Митька обратной дорогой ...

Митька — в сторону. А барин его раз — и за руку: «Стой!» Рванулся Митька, а генерал опять: «Стой!» Схватил тогда Митька стул, поднял над головой, закричал:

— Уйди, барин! Уйди — не пожалею!

— Ах, злодей! — взвизгнул генерал, но остановился. А потом как закричит: — Хватай его, вяжи!

Бросились к Митьке солдат и Палашка, а он к окну, только — бемц! — звякнули стекла.

Распахнулись от удара створки. Выпрыгнул Митька на улицу, прямо во двор, как раз к самым дрожкам. И в это время грянул гром, прошумел грозным раскатом. Вздрогнули кони, забили копытами. Митька — в возок, схватил кнут иолоснул лошадей во всю силу. Те взвились и понеслись к выходу. А ворота закрыты. И вдруг одна створка открылась. Вторую-то уже кони с размаху вынесли сами. Пролетая, увидел Митька кривого Савву.

Выбежали генерал, Палашка и солдат на дорогу, а Митька уже далеко. Только шарахаются из-под колес замешкавшиеся куры да остался у самой дороги раздавленный гусь. Промчались кони через село, перемахнули вброд речку, вынесли на бугор и, поднимая пыль, понеслись полем.

— Утек! — кричала Палашка. — Снова утек.

И опять грянул гром. Блеснула молния. Генерал побледнел, схватил солдата за руку, зашептал:

— Турка, снова туркавойной идет... — потом как закричит: — Смирно! Из всех орудий пли!

Солдат растерялся. Схватил ружье, стрельнул. А девка Палашка вдруг умолкла, разинула рот и не знала, куда смотреть: то ли на барина, то ли туда, где на поле, на самом бугре, все еще держалась пыль, и кони — эхма, господские кони! — уносили злодея и ирода Митьку Мышкина.

Прощай, Митька! Счастливого тебе пути и большой удачи!